

Частное учреждение высшего образования
«Южно-Российский гуманитарный институт»

На правах рукописи

Тюрин Кирилл Александрович

**КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ:
ЦЕННОСТИ, МОРАЛЬ, ПРАВО**

специальность 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Пигулевский Виктор Олегович

Ростов-на-Дону – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИНДУСТРИАЛЬНО-ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И КРИЗИС СЕМЬИ	17
1.1. Кризис традиционной семьи в индустриально-постиндустриальной культуре	17
1.2. Есть ли альтернатива институту семьи? (критика «новой морали»).....	47
1.3. Традиционные семейные ценности в условиях современности: устойчивость и изменчивость	78
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ КАК УСЛОВИЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ (МОРАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)	100
2.1. Культура супружеских отношений	100
2.2. Культура детско-родительских отношений	128
2.3. Культура межпоколенных отношений	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Обращение к проблемам развития семьи в современном гуманитарном знании, а также на уровне публичных дискуссий в обществе, в интернете и в иных средствах массовой коммуникации, на открытых политических площадках, является знаковым. Решение фундаментальных задач, стоящих перед нашей страной, их масштаб и актуальность, прямо требуют кардинального переосмысления роли и статуса семьи в регенерации культурной, духовно-нравственной почвы российской государственности. Без этого обретение устойчивой платформы суверенного национального развития в будущем вряд ли будет гарантировано опорой на исторический опыт. В качестве предмета философско-культурологической рефлексии именно семья как институт и как коммуникативный опыт, накопленный поколениями, выявляет то всеобщее в сложных проблемах современной демографии, социально-экономического развития, формирования ценностной основы мировоззрения молодых людей, что связывает всех их в единый комплекс.

Как известно, 2024 год был объявлен в нашей стране «Годом семьи», а в Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. Президент РФ В. В. Путин обозначил новый национальный проект «Семья». Эти и многие другие меры государственной поддержки семьи, материнства, детства свидетельствуют о высокой оценке роли семьи в целостном оздоровлении общества. Не случайно глава государства подчеркивает: «Семья даёт нам понимание многих простых, но важных истин. Они в советах и напутствиях отца, во всепоглощающей любви матери, в заботе сестёр и братьев друг о друге, в тех семейных ценностях, которые можно глубоко осознать, впитать только в семье. И которые потом становятся теми нравственными ориентирами, помогающими разобраться в сложностях жизненного пути, поддерживают на этом сложном жизненном пути любого человека стать ответственным за себя, за свою семью и за судьбу Отечества. Семейные ценности воспитываются с детства и не обрываются за

порогом родительского дома, воплощаются дальше в делах и поступках. ... Безусловно, семейные ценности консолидируют общество»¹. Проблема заключается в том, что в самом обществе должно измениться восприятие семьи и семейного образа жизни. Кризис семьи, проявление которого чаще всего связывают с неудовлетворительной демографической статистикой, имеет очень глубокие корни в истории российской и западной культуры последних столетий, отражает объективные тенденции развития техногенной цивилизации городского типа. Разрешению этих кризисных явлений, конечно, способствуют предпринимаемые меры политической, правовой, экономической поддержки института семьи. Но их одних совершенно недостаточно.

Актуальность предлагаемого исследования прежде всего и обусловлена необходимостью всестороннего концептуального осмысления истоков, смыслов и следствий кризиса традиционной семьи как явления специфически культурного, ценностного порядка. В таком ракурсе жизнь семьи предстает не только как перекресток различных социальных, экономических или правовых вопросов текущей повестки, но и как призма оценки судьбы самого человека и традиции в современном быстро меняющемся мире.

Степень научной разработанности темы исследования

Изучение семьи как части общечеловеческой культуры и глубинных трансформаций антропологического опыта осложняется спецификой состояния изученности проблемы, связанной с целым комплексом противоречий. «Семья» – один из самых широко освещённых в современном гуманитарном знании тематических блоков. Различные грани функционирования института семьи, проблемы брачных отношений, гендерной идентичности, воспитания, диалог родителей и детей и, шире, поколений, многократно становились предметом изучения в рамках социологии, психологии и психотерапии, этики, педагогики, антропологии (в том числе палеоантропологии), этнологии, юриспруденции, демографии, экономики и множества различных междисциплинарных

¹ Выступление В. В. Путина в рамках Всероссийского форума «Родные-любимые». Открытие Года семьи в России. [электронный ресурс] - <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297>

исследований. Как правило, теоретический интерес к семье оформлялся в виде специальных разделов (например, психология семейных отношений, социология семьи, семейное право), которые в дальнейшем также могли дифференцироваться и получать самостоятельное развитие с привлечением эмпирических и статистических данных других наук (например, детская психология, геронтология и т. д.).

Полный исчерпывающий библиографический указатель всех работ, вышедших за рубежом и в нашей стране, так или иначе касающихся обозначенного предмета, займет не одну сотню страниц. Кратко обозначим имеющиеся на сегодняшний день подходы, концепции, идеи, содержащиеся в трудах западных и российских ученых, на которые мы опираемся в предлагаемом исследовании и которые имеют прямое отношение к формированию комплексной социокультурной оценки семьи в ракурсе текущих тенденций ее эволюции. Философская концептуализация семьи как института гражданского общества, как «ячейки» в правовой и производственной системе общества, как коммуникативной единицы и элемента общей культуры человека, то есть в том конкретном виде, в каком семья привычна и понятна нам сегодня, началась в XIX в., в эпоху активного формирования современной техногенной городской цивилизации.

Остановимся, однако, на второй половине XX в., когда семейная проблематика вошла в число наиболее дискуссионных блоков, в том числе в связи с развитием и распространением идей феминизма и «гендерных исследований». Следует отметить ряд авторов, чьи популярные в постмодернистской аудитории идеи влияют на массовое восприятие будущей судьбы семьи как традиционного формата социальной общности. К ним относятся Дж. Батлер, Ш. Бенхабиб, С. Де Бовуар, Р. Брайдотти, А. Дворкин, И. Жеребкина, Л. Иригарэ, С. Дж. Кесслер, Ю. Кристева, К. Миллет, Г. Рубин, Дж. Скотт, Дж. Флекс, Н. Фрейжер, Б. Фридан и мн. др.

В русской классической философии, публицистике и литературе XIX – нач. XX вв. тема семьи, ее роли в нравственном состоянии общества, вопросы

конфликта поколений, воспитания молодежи, занимают одно из ведущих мест. В художественных произведениях, письмах, статьях В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, В. В. Розанова, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, А. Н. Островского, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева, Н. А. Бердяева, С. П. Шевырева и др. осмысление судьбы Русского мира проходило в единстве с анализом причин и следствий разрушения традиционной ценностной основы русской семьи. Отдельно следует указать на разработанную В. В. Розановым философско-религиозную концепцию семьи как высшего сущностного выражения-завершения пола и брака. В учении Розанова соединяются христианская метафизика семейной жизни, гендерная проблематика с учетом достижений психоанализа его времени (Розанов одним из первых русских философов анализирует сексуальные аномалии); проводится мыслителем и анализ причин снижения ценности брака в сознании населения современной ему России.

В современном российском социально-гуманитарном знании семейная проблематика представлена широчайшим фронтом исследований, отражающих общемировые тенденции и основные стратегии развития научного познания семьи как института и как ценностного опыта в рамках социологии, психологии, юриспруденции и др. дисциплин. Наиболее значимыми с философско-культурологической точки зрения осмысления кризиса культуры семьи являются исследования А. И. Антонова, И. С. Андреева, Ю. О. Баикиной, Б. М. Бим-Бад, О. Б. Вайнштейн, А. Г. Вишневого, С. Н. Гаврова, С. И. Голод, А. Г. Дугина, Ж. Дюльдиной, Т. И. Ерошенко, О. М. Здравомысловой, Е. А. Здравомысловой, И. В. Журавлевой, Л. Г. Ионина, И. С. Кона, С. А. Лишаева, Ю. М. Лотмана, М. С. Мацковского, Н. Пушкаревой, А. Темкиной, О. Шабуровой, А. Г. Харчева, Ж. В. Черновой, И. И. Юкиной, Е. Р. Ярской-Смирновой и мн. др.

Охватить количественно весь массив накопленного теоретического знания о семье в пространстве современной философии и многообразных гуманитарных дискурсивных практиках вряд ли возможно. В предлагаемом диссертационном исследовании выбор авторов и работ подчинялся вычленению уровня

осмысления конкретной *проблемы* – рассогласования нормативного (социетального) уровня жизни семьи и ее ценностного измерения как фактора состояния культуры семьи в современном обществе. Кроме того, анализ публикаций показывает, что системное культурологическое исследование представлено недостаточно. А именно: семья как форма ценностного единства людей, как вненормативные грани совместного проживания супругов (родителей и детей), часто рассматривается на уровне функций института семьи – репродуктивных, воспитательных, хозяйственных и иных. То есть *культура семьи как таковая* не вычленяется как *целостное самостоятельное образование*, обладающее собственным нередуцируемым содержанием. Институциональный и социологический подход ценности семейной жизни определяет по их регулятивно-инструментальному потенциалу. Качества *семейности* остаются вне поля зрения.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является современная российская семья в единстве своих институциональных, коммуникативных и ценностно-смысловых параметров. *Предметом* исследования является культура семьи, тенденции и противоречия ее кризисного развития в современном мире.

Цель диссертационного исследования – изучить ценностные причины кризисной трансформации культуры современной семьи.

Данная цель подразумевает решение следующих конкретных **задач**:

- 1) Проанализировать понятия «семья», «семейность», «семьецентризм», определить их содержание и связь как оптику выявления сущности кризиса семьи в индустриально-постиндустриальном обществе;
- 2) Рассмотреть западные модели культуры семьи, альтернативные ее традиционной модели, установить степень их соответствия стоящим перед российским обществом задачам духовно-нравственной реинтеграции;
- 3) Охарактеризовать изменения традиционных семейных ценностей, определить содержание категории «семьецентризм» в ракурсе современных тенденций культуры городской семьи;

4) Изучить изменения культуры супружеских отношений и перспективы семейности под влиянием идей «гендерного партнёрства»;

5) Проанализировать ценностные стратегии родительно-детских отношений в условиях новейших форм коммуникации как фактор динамики культуры семьи;

6) Охарактеризовать перспективы культуры семьи в современной ситуации диффузии границ поколенческой идентичности.

Гипотеза исследования

Автор предполагает, что ценностным базисом семьи, кроме отдельных указанных нами выше ценностей, выступает традиционная ориентация людей на *ее самоценность*, восприятие семьи как сложной целостности в пространстве и времени.

Теоретико-методологическая основа исследования

Диссертационное исследование осуществлено в рамках методологии комплексного социокультурного подхода, представляющего на сегодняшний день в отечественной философии и культурологии общую парадигмальную платформу изучения культуры в единстве исторических и структурных компонентов. Главное отличие социокультурного подхода от институционального, на платформе которого реализуется значительная часть современных социологических и социально-философских исследований семьи, заключается в том, что семья рассматривается *синтетически* как естественно-природная, психоэмоциональная, социальная, семантическая, правовая, экономическая и политическая реальность. *Онтология семьи* отражает процесс становления самого человека в его индивидуальном и общественном измерении. При этом единство *ценностного* и *деятельностного* аспектов самой культуры именно на уровне семьи обнаруживается максимально.

Семья как главный предмет исследования, с одной стороны, очевиден даже на уровне повседневного (ненаучного) восприятия. С другой, с учетом повышенного к ней практического интереса со стороны государства и общества, семья предстает как *кризисное* явление. Важно понять те причины, которые,

несмотря на активное содействие институту семьи во всех ключевых сферах жизнедеятельности, препятствуют достижению ожидаемых результатов гармоничного и нормализованного развития семьи как «ячейки» общества. Большинство современных определений семьи, на самом деле очень близких друг к другу, исходят из *юридически* закреплённой формулировки, в которой сущностными признаками семьи как части общества являются: *а) малая группа людей, б) легитимность которой признается обществом и государством, объединенная в) кровной прямой связью, г) общностью территории проживания, наличием д) взаимных прав и обязательств имущественного (хозяйственного) и морального характера (в том числе по воспитанию и обеспечению детей в случае их наличия).*

С таким определением семьи согласны практически все современные авторы, а также само население и государство на уровне официальных нормативных документов. В нем, однако, уже заложена интерпретация, которая отличает современный уровень восприятия общества даже от эпохи модерна (не говоря уже о более раннем времени). В таком определении доминирует *нормативный характер и смысл*. Он, несомненно, значим для социологии и юриспруденции, для экономики и демографии, для формирования статистической базы выработки политических программ по поддержке семьи на уровне власти. Но в нем отсутствует четкая фиксация *ценностного* уровня восприятия семьи ее членами и просто человеком со стороны (когда отношения внутри семьи опосредуются не только законом или материальными интересами, не только естественным желанием полов и предписанием обычая, но и личным *самосознанием* индивида). А ведь именно в изменении такого уровня кроются причины того, что теми же социологами диагностируется как «кризис семьи». С преодолением одностороннего толкования семьи и учетом *аксиологического измерения* семейной жизни как раз и связаны задачи философско-культурологического исследования предмета. Очевидно, требуется ввести рабочее определение семьи, приемлемое с точки зрения культурологического изучения проблемы *несоответствия институционально-нормативной*

стратегии укрепления и поддержки семьи ценностно-смысловому уровню кризисного состояния семьи в современном обществе.

Прежде чем предложить такое определение семьи сформулируем кратко теоретические предпосылки всего исследования:

– философско-культурологическое изучение семьи, и тем более ее кризисной трансформации в современном российском и западном обществе, не может просто заимствовать принятые нормативно определения и концепты, устанавливающие сущность, критерии и признаки семейной жизни в рамках социологии, юриспруденции, экономики, демографии и иных дисциплин;

– для раскрытия ценности семейной жизни как ведущей в массовом сознании населения, требуется дополнить понятие «*семья*» специальными категориями, раскрывающими специфику и сущность семейной жизни не только как предписываемой и общественно одобряемой формы объединения людей, но и как *лично выбираемой* траектории жизни и формы самоутверждения индивида. Такими категориями являются «*семейность*» и «*семьецентризм*» (их определения будут даны ниже). Только с их помощью саму семейную жизнь и культуру семьи можно предметно представить как целостное и независимое образование;

Исходя из обозначенных аспектов предлагаем рабочее определение семьи: *Семья – это исторически наиболее древняя и устойчивая форма объединения людей, механизмы и структуры которого постепенно эволюционировали от внешней витальной необходимости к внутренней ценностной установке, погружая природную почву жизни индивида в слои культурного опыта.*

Предложенное определение семьи отличается от распространенного в юридической и социологической литературе. Оно значимо именно с точки зрения выявления сущности посттрадиционного этапа ее эволюции. В данном определении акцентируются *культурные типы* связей людей в семье.

Семья как культурно-историческое явление характеризуется *целостностью и иерархией*, она и ценна как внутри себя *взаимосвязанное целое*. Без этого невозможна культура *семейности* – ориентация на «дом» и «лад». Если

же семью рассматривать только как способ или результат удовлетворения естественных потребностей и как реализацию внешнего правового или экономического предписания, то она не более, чем конгломерат разрозненных факторов.

Под «культурой семьи» мы понимаем совокупность конкретных способов внутрисемейного поведения, а также те нормы и ценности, на которые ориентирована семья. Исторически и по сегодняшний день это ценности кровно-родственной коллективности, любви, взаимной ответственности, деторождения и продолжения рода.

Эмпирическая и информационная база исследования включает в себя основные нормативные документы, отражающие государственное регулирование семейной жизни в нашей стране (прежде всего, Конституция РФ, «Семейный кодекс РФ», тексты Выступлений и Посланий Президента РФ ФС РФ). Также в диссертации используются последние данные РОССТАТ и ВЦИОМ по результатам обследования социально-демографических проблем и изменения общественного восприятия ценностей семейной жизни и самой семьи. Большую роль в концептуализации пути решения обозначенной проблемы исследования сыграли идеи ростовской культурологической школы (В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, Г.В. Драч), ориентирующие автора на рассмотрение семейности как определенного конкретно-исторического *способа* отношения к семье.

Научная новизна исследования:

1. Дифференцированы понятия «семья», «семейность», «семьецентризм» и предложены авторские определения их как категорий философско-культурологического анализа причин и сущности современного кризисного состояния семейной жизни;

2. Установлено, что семейность как ориентация на самооценку и важность семьи остается востребованной в посттрадиционной культуре, главное противоречие эволюции малой семьи в современном обществе охарактеризовано как противоречие между поддержанием нормативных рамок института семьи и

ценностно-мотивированным отношением к семье как к межличностному единству;

3. Обоснован вывод о том, что только семьецентризм гарантирует устойчивость и преемственность ценностей семейной жизни в ситуации социокультурного кризиса и распространения контрсемейной моды на «новую мораль» и «нетрадиционные ценности»;

4. Современная культура супружеских отношений проанализирована сквозь призму противоречия правовой регуляции и морально-ценностного опыта семейности, склонность нынешних семей к быстрому распаду понята как результат влияния идеалов «гендерного партнерства» с их ориентацией на сугубо личный внесемейный успех;

5. Отношения родителей и детей в современной семье изучены сквозь призму динамики статусно-ролевых отношений и с учетом ранней интенсификации информационно-технологических умений растущих поколений;

6. Выявлен и охарактеризован вектор межпоколенной коммуникации внутри малой городской семьи, преодоление внутрисемейного отчуждения между «сынами, отцами и дедами» рассмотрено как условие восстановления ценностно-смысловой и символической глубины диалога поколений внутри семьи.

Положения, выносимые на защиту.

1. Кризис современной семьи – это кризис не только экономический и организационный, но и ценностно-смысловой. Для раскрытия его сущности необходимо ввести и определить специальные категории, оттеняющие ценностную природу «жизни в семье». Это категории «семейность» и «семьецентризм»:

– *Семейность* – это устойчивая ориентация на «жизнь в семье», когда «бессемейность», одиночество, следование уединению рассматривается как недостаток и проблема;

– *Семьецентризм* – это общий знаменатель всех семейных ценностей. Семьецентризм означает, что более частные ценности (взаимная забота, брак, родительство и т.д.) в полной мере могут реализоваться лишь в семье как целом.

2. Сущность ценностного кризиса современной семьи состоит в отказе от взгляда на семью как на устойчивую и значимую *целостность*. Об этом свидетельствует как постоянный рост числа разводов, так и числа людей, не вступающих в семейные отношения. Современная городская семья, оформлена ли она юридически или же выступает как «гражданский брак», нередко является собой «конгломерат одиночек», каждый из которых желает двигаться в жизни лишь «по своей траектории». К этому активно призывает современная массовая культура с господствующим культом символического потребления и гедонизма.

3. Наиболее заметным проявлением кризиса семейности сегодня является состояние супружеских отношений. Установка на семьецентризм замещается идеалами «гендерного партнерства». Это связано не только с модной идеологией феминизма или ориентацией Запада на гомосексуальные браки. Брак мужчины и женщины, их семья рассматриваются преимущественно в рамках правовых категорий. Однако при всей важности права, не оно само по себе создает семью, которая должна быть личным *совместным проектом супругов*, проявлением их убеждения в важности семьи, ибо без этого никакой закон не заставит людей вместе прожить жизнь и продолжить род.

4. В условиях урбанизации, современной рыночности и фетишизации личных достижений брачный союз мужчины и женщины рассматривается *лишь как момент опыта самореализации*. Критерием его результативности полагается *личный успех* и полнота удовлетворенности. Внутрисемейная связь переводится в нуклеарной городской семье на ценностно нейтральный язык «*отношений партнеров*». Ввиду отсутствия смысловой общности и ориентации на единство интересов такая «семья» быстро распадается. Она не имеет устойчивости не только по экономическим причинам, но по причинам ценностно-духовным: супруги изначально имеют в виду возможность разрушения своего союза.

5. Родители (супруги) и дети – два ключевых фигуранта современной семьи. Их противоречивые взаимоотношения, известные еще с прошлого в виде классического сюжета «отцов и детей», являются прямым отражением судьбы малой семьи, зародившейся в ситуации модерна. Изначально, собственные смыслы детства выражали дисциплинарный характер воспитания/образования. В современной ситуации возникает угроза стирания граней между «взрослой» и «детской» информированностью и технологической компетентностью, что, впрочем, не означает роста ответственности детей. Огромную угрозу семье как отношению родителей и детей представляет собой также идея «партнерства», которая нарушает естественную внутрисемейную иерархию. Наделению ребенка, личности лишь становящейся, «всеобщими правами» (как в ювенальном правосудии) может противостоять только государство.

6. Современная городская семья, отчужденная от ценностного уровня семейности, замкнутая в технологические и коммуникативные рамки социальной «нормы», лишается глубины межпоколенческого диалога. Структуры и каналы современной коммуникации переводят контакты со старшим поколением в *плоскость* знакового информативного обмена. Наследование как культурная инстанция перестает играть роль в предметном закреплении жизненного мира молодого поколения.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Осуществленное исследование культуры семьи как среза картины современного общества и человека, несомненно, качественно расширяет именно культурологическое знание в данной области. Научное значение диссертации этим и определяется. Фактически, предложена авторская концепция, объясняющая сущность, причины и смыслы кризиса современной семьи; введены в культурологический словарь дифференцированные понятия «семейность» и «семьецентризм» в их особом философском, аксиологическом содержании, отличающимся от практики использования аналогичных понятий в социологии и иных гуманитарных дисциплинах, занимающихся семейной проблематикой. Тема «семья» впервые изучена в предметном поле эволюции

самой культуры и опыта самосознания ее субъекта, по отношению к которым социально-экономические и политико-правовые вопросы являются вторичными в том смысле, что их «участие» в судьбе семьи малопродуктивно с точки зрения эффективного разрешения углубляющегося кризиса семьи. Практическая же сторона вопроса во многом остается за обществом и государством. Так, результаты исследования могут быть использованы при разработке и совершенствовании мер государственной семейной политики, программ по укреплению института семьи, а также в деятельности образовательных, социальных и культурных учреждений.

Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечены тем, что исследование опирается на апробированные концепции и теоретико-методологические подходы к осмыслению культуры современной семьи, её ценностей и моральных норм, использует комплекс методов, адекватных цели и задачам исследования, а также соблюдает принципы системности, объективности и историзма.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки), в том числе следующим пунктам паспорта специальности: 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 13. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре и истории; 23. Мораль как феномен культуры; 63. Культура модерна; 64. Культура постмодерна.

Апробация результатов исследования

По теме исследования опубликовано 5 работ, из них 4 статьи в изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Положения диссертации также были представлены на конференциях: Всероссийская научная конференция "Современное гуманитарное знание: проблемы, методы, перспективы" (Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2023 г.); Всероссийская научная конференция "Культура и семейные традиции" (Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2024 г.); XIX Ждановские чтения – всероссийская научная конференция с

международным участием «Искусственный интеллект и вызовы научно-техническим и гуманитарным культурам» (круглый стол в ЮРГИ, 2025 г.).

Структура работы

Структура диссертации отражает логику последовательного решения поставленных задач. Работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографического списка из 216 наименований на русском и английском языках. Общий объём работы составляет 195 страниц.

ГЛАВА 1. ИНДУСТРИАЛЬНО-ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И КРИЗИС СЕМЬИ

1.1. Кризис традиционной семьи в индустриально-постиндустриальной культуре

«Семья» – ключевая категория предлагаемого диссертационного исследования. В рамках философско-культурологического анализа кризисных явлений в жизни современного общества, а также фундаментальных изменений, охвативших нашу страну в последние годы, обращение к семье показательно и отражает стремление понять пути эволюции наиболее древней и устойчивой формы существования самого человека.

Вопрос, на который необходимо ответить с самого начала: существует ли какое-то исходное базовое определение семьи, фиксирующее «сквозное» измерение предмета, которое уже потом позволяет судить о его историческом развитии и кризисе в наше время? Можно ли интуитивно понятное абсолютно каждому человеку содержание понятия «семья» рассматривать как достаточное для концептуализации философско-культурологического исследования, не сводимого к семейной психологии или педагогике, социологии или юриспруденции. И, наконец, можно ли только современное представление о семье брать за основу определения содержания и объема понятия? Тем более, что для актуального ныне публицистического дискурса семьи доминирующим является институциональное толкование, которое лучше всего выражено в правовом поле. В нашей стране это «*Семейный кодекс*» и другие государственные нормативные акты, законы, Указы и др. документы, регулирующие отношения внутри семьи и по отношению к семье со стороны социальных и экономических субъектов.

Правовое (приоритетное для публичного обсуждения и государства) понимание семьи исходит из следующего определения: «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами

добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи».² С данным формально зафиксированным определением согласовываются и обычно выделяемые функции семьи в обществе: воспитательная, хозяйственно-бытовая, сексуально-эротическая, коммуникативная, функция социализации и инкультурации, эмоционально-психологическая (связанная с удовлетворением потребностей в признании, уважении, помощи и т. п.).³

Как известно, в действующем законодательстве страны закреплено именно традиционное (нормативное) понимание брачной основы семьи как союза *мужчины и женщины*. Различные популярные на Западе нетрадиционные формы брака и семьи (в частности, однополые) выведены за рамки правового поля и соответствующего статуса именно с целью реанимирования духовно-нравственной основы жизни общества и государства и выработки долгосрочной надежной платформы устойчивого развития страны и сохранения национальной культуры. Сознательное лишение человека семейной формы взросления есть лишение его культурной идентичности, связанной с национальными, этническими, и иными традициями (примерами подобной негативной практики сегодня изобилует Европейский Союз; т. н. ювенальная юстиция и т. д.).

Без нормальной здоровой семьи нет нормального здорового стабильно развивающегося общества и государства. – Неолиберальная идеология современного европейского сообщества пытается данный тезис девальвировать, указывая на то, что свободная творческая личность не может заключаться в принудительные рамки государственных, институциональных или нравственных границ. При этом право рассматривается в качестве эффективного залога

² «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Статья 1. Основные начала семейного законодательства. [электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/

³ Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие. М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – С. 27.

сохранения суверенитета личности и тех публичных структур, в которых она себя находит и реализует. Вместе с тем, реальный социально-политический и экономический опыт последних десятилетий опровергает долгосрочную жизнеспособность неolibеральной идеологии, оторванной как от собственных корней классической европейской культурной традиции, так и от фактических реалий глобализованного мирового сообщества. Масштабные противоречия последнего в первую очередь и связаны с нарушением баланса простого воспроизводства населения, с одной стороны, и поддерживающих жизнеспособность либерально настроенного общества систем, с другой. Проблемы миграции, лимитированности ресурсов, а самое главное, игнорирование национальных традиций и ценностей, вводят в кризис само нынешнее западное общество. Его самосознание на уровне глобалистски ориентированной части населения (особенно молодежи, погруженной в виртуальное коммуникативное пространство) и элит, требует дальнейшего «освобождения», что влечет лишь усугубление и без того острых противоречий.

Важно понимать, что акцент именно на традиционном основании семейной формы жизни человека свидетельствует о кризисном состоянии семьи на уровне отношения и восприятия ее самим человеком. Кризис современной семьи есть прежде всего кризис ценностного измерения семейной жизни. Восстановить ценность семьи одними лишь правовыми средствами вряд ли возможно. Что и требует особого внимания к проблеме в том числе со стороны профессиональной философской аудитории. Нельзя свести семейность просто к характеристикам закреплённого в праве совместного проживания близких родственников, связанных кровно, общностью имущества и жилья.

Определение семьи, которое закреплено юридически и отражает повседневные массово распространенные представления о сущности семьи как брачном союзе двух людей с последующим рождением и воспитанием детей, очевидно, недостаточно для экспликации культурно-исторического статуса и роли семьи. Если мы говорим о кризисе традиционной семьи в современном мире (не только в России), то в какой степени институциональные

характеристики современной типичной двухпоколенной семьи (статистически доминирующей в европейском, американском и российском социуме) являются результатом такого кризисного (или докризисного) эволюционирования феномена семьи? Эти и другие объективно возникающие вопросы, во-первых, не могут быть исчерпывающе разрешены только в пределах социально-экономического или правового поля.

Во-вторых, сама проблема существования семьи и семейной культуры сегодня кроется вовсе не в том, что степень правового (государственного, законодательного) регулирования семейных отношений недостаточна. Как раз в последние годы семья стала предметом повышенного законотворческого внимания со стороны официальных госорганов всех ветвей федеральной и региональной власти. А если говорить о западном обществе, то во многих странах законодательно институт семьи фактически полностью «освобождается» от какого бы то ни было нравственного содержания (в том числе связанного с представлениями о семье внутри традиционных конфессий). Социально-культурный плюрализм и юридически закрепленная «свобода выбора», однако, не способствуют преодолению кризисных явлений в развитии современной городской семьи в Европе и, тем более, не влияют на позитивное изменение демографической ситуации (старение населения и пропагандируемый в публичном пространстве культ бездетности).

Для правового (институционального) толкования семьи характерны такие аспекты как фиксация имущественных отношений между супругами, между родителями и детьми, а также наличие иных взаимных прав и обязательств, прописанных в юридически обязывающей форме. Семья «рассматривается как объединение, совместно проживающих лиц, связанных взаимными правами и обязанностями, возникающими из брака, родства, усыновления или иной формы устройства детей на воспитание в семью»⁴. Для социологического толкования семьи характерно следующее понимание: «Семья является системообразующей формой человеческой общности, первичной социальной группой общества,

⁴ Грудцына Л. С. Семейное право России / Под ред. Петрова С. М. М.: Юстицинформ, 2006. – С. 5

основанной на супружеском союзе и родственных связях, т. е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета».⁵ Как видно, в обоих случаях сущность семьи связывается с родственными отношениями, влекущими за собой специфические формы общения, материального обмена, и обязанности в области рождения и воспитания детей.

На наш взгляд, следует согласиться с отечественным исследователем О. Ю. Ильиной в том, что «Семья и брак – институты, которые выступают объектом изучения различных наук: юриспруденции, социологии, демографии и др. В соответствии со спецификой своего предмета каждая из общественных наук выделяет и изучает особые стороны функционирования и развития семьи. Кроме того, семья определяется в качестве разных по содержанию понятий как социальная категория и как правовая категория. Такой подход к пониманию семьи стал основой для формулирования вывода о невозможности существования и нормативного определения единого понятия, которое было бы равно применимо как в семейном праве, так и в иных отраслях права».⁶ В данной характеристике делается, конечно, акцент на правовое измерение феномена семьи. Но звучит очень важная мысль, имеющая прямое отношение ко всей области современного социально-гуманитарного знания, включая культурологию: целесообразность единого, абсолютно универсального, определения семьи вряд ли оправдана (а исчерпывающий перечень всех известных на сегодняшний день дефиниций семьи составляет предмет отдельного специального историографического исследования).

Также вряд ли оправданным будет поиск некоего абсолютного *идеала* семьи. Для каждой исторически конкретной эпохи, региона, цивилизационной традиции существует (и существовал в прошлом) свой идеал семьи. Конечно, история человеческого сообщества как история семьи имеет сквозные

⁵ Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. - М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – С. 18.

⁶ Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11–12.

характеристики, связанные с биполярной природой самого человека (об этих аспектах речь пойдет ниже). Но идеал семьи, если о нем говорить применительно к жизненной практике индивида, создающего семью как *лично желанный проект*, – это реальность иного уровня и рода. В том-то и дело, что идеал, существующий как познавательная модель или даже как законодательно прописанная норма (например, семья как союз мужчины и женщины и их дети), для простого обывателя может обернуться совершенно неприемлемыми, непонятными гранями и целями. А это как раз один из симптомов кризиса культуры семьи.

Обращение к семейной проблематике в современном обществе звучит не как призыв к поиску идеала (например, мода на ранний/поздний брак или многодетность идеалом не является). Речь идет о восстановлении и сохранении семьи на уровне ценностного отношения к *семье* и *семейности* как особой уникальной форме существования человека и определенного типа культуры. Поскольку кризис семьи есть не только кризис условий для заключения брака или рождения/воспитания детей. Его ключевым выражением является рассогласование семьи и самой семейности на уровне ценностно-смыслового выбора человека и на уровне отношения общества к семье как к институту и к семейной жизни как особому опыту общения, жизнетворчества и судьбостроительства.

«*Семейность*» – вторая ключевая категория предлагаемого диссертационного исследования⁷. В социально-психологической, культурологической и философской литературе, касающейся темы семьи, понятие «семейность» встречается нередко. В контексте изучения культуры семьи в современном мире (в нашей стране, прежде всего) считаем необходимым предложить рабочее определение «семейности» для дифференциации как предмета изучения, так и выделения той специальной оптики, в которой проблематизация культуры семьи будет более содержательной, чем устоявшийся дискурс демографического вопроса и государственной поддержки семей.

⁷ Рабочее определение самой **семьи** приводится во вводной части настоящей диссертации.

Во-первых, понятие «семейность» носит не нормативный (не юридический и не социологический) характер, а именно культурологический, аксиологический и смысловой. *Оно шире, чем понятие «семья», зафиксированное в том числе законодательно, институционально.*

Во-вторых, семейность как раз и выражает то измерение семейной жизни (как опыт и как смысл), которое не укладывается в нормативно прописанные (то ли законом, то ли силой обычая, традиции, внешнего увещания или наставления) каноны, рамки. Семейность как формат культуры – всегда «между». И она напрямую связана с *личным* отношением человека к семье, с его *самосознанием*, моментом которого и оказывается (конструктивно или деструктивно) семья.

Исходя из чего можно предложить следующий вариант определения семейности, на который мы и будем опираться в дальнейшем:

– *Семейность есть исторически обусловленный тип культуры, в основе которого лежит 1) общительная связь между членами семьи, 2) форма и содержание которой впоследствии выступают ведущими ценностями в опыте самосознания человека.*

Культура семейности включает в себя не только самих людей – членов семьи, но и реальное предметное, этико-эстетическое, хозяйственно-бытовое и любое иное (вещное или смысловое) наполнение семейной практической жизни. Семейность связана с опытом самосознания личности таким образом, что семья и жизнь семьи является не отчужденной средой, в которой «я» вынуждено пребывает в силу естественных или социальных причин, а оказывается внутренней основой его личного становления. Именно семейность связана с культурной *памятью* и, в зависимости от того, как индивид соотносит собственный жизненный сценарий с формой и наполнением внутрисемейного обмена и коммуникации (как он сам себя идентифицирует в плоскости данного соотношения), формируется *автобиографический нарратив* – важнейший структурный компонент семейности как типа культуры. Семейность – это такая основа личного становления, *от которой взрослеющий индивид не только*

*отталкивается, но и к которой он сознательно и свободно возвращается, обретая черты уже зрелого социального субъекта. Семейность и есть архитектоника семьи.*⁸

Кризис нравственности и иных традиционных ценностей, составлявших веками устои цивилизационного бытия Русского мира, во многом и есть кризис семьи и семейной культуры. Накопленный на сегодняшний день опыт научного, философского, богословского, художественного осмысления особенностей нашего исторического пути говорит однозначно о том, что без крепкой, здоровой физически и духовно, семьи у Русского мира будущего нет. Именно традиционная семья, в которой ценность супружества-родительства-детства является доминирующей, выступает основой воспроизводства нации (народонаселения) и, одновременно, способом трансляции фундаментальных координирующих смыслов общественного и индивидуального развития.

⁸ Если использовать категориальный аппарат классической философской методологии, то культуру семейности можно определить как *культуру формы*; понимая при этом, что речь идет не о социальной нормативно, институционально закреплённой форме. В культуре семейности ключевой является сама семья как *ценность*. Но в отличие от других ценностей, семья в семейности выступает способом достижения человеком собственной завершенности на уровне индивидуального мировоззрения, целей, смыслов, единства и цельности собственного «я». Данный процесс следует отличать от простого воспитания и социализации индивида. В качестве автора или субъекта воспитательного процесса семья (в частности, родители или просто старшие члены семьи, подающие пример младшим) научает индивида тому, каким он должен быть, будучи нормальным *членом общества*, готовым принимать и реализовывать некие права и некие обязанности, что-то обществу отдавать и что-то получать взамен. В том числе готовым относиться к семейной форме существования как важной составляющей культуры времени или народа, востребованной ситуативно (например, государством). Конечно, воспитательный процесс может лежать в основе формирования культуры семейности, но, как показывает исторический опыт (по крайней мере, в России), между воспитанием и способом достижения определённого ценностного отношения к семье далеко не всегда имеется прямая зависимость. И, как представляется, наличие или отсутствие такой зависимости – это не вопрос граней свободы, сохраняемых или сокрушаемых воспитующим в отношении воспитуемого; это не вопрос семейной психологии или педагогики (как часто думали в СССР) и тем более не вопрос инфраструктурного обеспечения семейной жизни, быта (нередкое заблуждение постсоветского общества). Получив в семье первый опыт социальной коммуникации, молодой человек «выходит в общество», где строит или находит пределы собственной идентичности и тождественности. Человек же семейный, уже будучи состоявшимся автором собственного социально дешифрованного проекта, возвращается к формам семейного существования, не равного браку или деторождению, как каналам сохранения, укрепления и самовоспроизводства собственной цельности. Семья теперь уже для него важна не как источник представлений о себе или мире, но сама она становится содержанием его представления, его желания, его личного идеала. Потому-то ценностное отношение человека к семье, семейности не равно заинтересованному отношению к браку и его составляющим (любовь, симпатия, секс, экономический или политический расчет), к рождению и воспитанию детей, к обустройству жилища или добыче материальных благ. Семья как ценность может включать в себя и перечисленные моменты, но не сводится к ним. Главное в таком отношении субъекта к семье – это отождествление (обретение) себя на уровне отношения к семейной коммуникации. Потому культура семейности – это культура формы, которой свойственен *эстетизм* (как и всякой иной культуре формы). Целесообразность семейности для понимания можно сравнить с целесообразностью художественного произведения (музыкального, литературного, скульптурного и т. д.). В ней привлекательно и значимо то, что обретено именно внутри целого данного «произведения».

Современность в широком смысле слова как эпоха формирования техногенной цивилизации с доминирующим типом городского населения сделала очевидной разницу между семьей и семейностью одновременно с осознанием кризиса ценностей, прививаемых человеку именно посредством семьи. Удивительный зигзаг истории: модерн начался с переезда в город бывшей деревенской большой семьи, давшей молодые ростки будущей городской небольшой семье рабочего или интеллигента, а венец модерна (постиндустриальный мир наших дней) – попытка отказаться вообще от семьи как лично значимой ценности и внутренней установки.

Сложившаяся в нашей стране ситуация показательна и для всего западного мира, в котором колоссальный демографический дисбаланс сочетается с пропагандой ультрагедонизма, культа «свободной самореализации личности» и различных «нетрадиционных» форм отношений. Мифы о душе и иллюзии свободы, заполонившие собой практически все культурное пространство современного человечества (включая регионы, входящие прямо или косвенно в орбиту влияния Запада), можно сказать, прямо подрывают устои семейности, а вместе с ними и устои самого *гуманизма*.

Подлинный гуманизм, который веками ранее воспевали художники и поэты, и суть которого ревностно искали философы, невозможен там, где смысл исторического пути общества в целом и человека в отдельности видится лишь только в самоутверждении отдельного абсолютизируемого «я». Фундаментальные ценности, без которых сама *жизнь* человека оказывается под угрозой, связаны как раз с чувством и опытом единения людей, умения и желания быть рядом с другими, помогать им и получать от них энергию и мотивацию для собственного роста и совершенствования. Мода на «одинокость» далеко не всегда конструктивна с точки зрения достижения психологической гармонии человека. Тем более, что современная массовая культура явно далека от идеалов античного стоицизма или христианского затворничества. Если человек действительно ищет глубинные ориентиры и ценности собственного пути (а не преследует цели символического потребления маркеров успеха и престижа,

гламура и стиля), которые вовсе не обязательно могут быть связаны с опытом родительства или супружества, то семья – если это «круг лиц» на самом деле близких не только кровно, но прежде всего духовно, эмоционально, со-творчески, со-бытийно, – может ему в этом поиске *помогать*. Быть не только прибежищем как условием укрытия от порой жестокого натиска общества, но и другом, советником, читателем или зрителем, способным *диалогически* откликаться на интимно рождаемые смыслы переживающего собственную отдельность «я». Философский разговор о кризисе семьи в современном мире ни в коем случае не должен завершаться формулировкой аксиом какой-то «новой» идеологии семьи. Дух идеологизации как раз противен живой семейности. Любая идеология всегда моноцентрична и монологична.

Человек – это тайна. Человек – это открытая книга. И потому рядом с Человеком всегда присутствует Другой. Маленький ребенок, постепенно взрослея и еще не погружаясь в мир сложных книг или научных текстов, не ведая высокие истины морали или религии, именно на уровне семьи, внутри семейной совместной жизни получает непосредственный живой опыт ценностного переживания значимости близких людей. Более того, как отмечал Э. Эриксон, «Малютки контролируют и воспитывают свои семьи не меньше, чем сами подвергаются контролю с их стороны. Фактически можно сказать: семья воспитывает малыша благодаря тому, что воспитывается им».⁹ Ни школа, ни какое-либо иное светское или конфессиональное государственное или частное заведение, не в силах заменить семью в деле укрепления веры в самого человека. Эта вера и рождаемый на ее основе эмоциональный, чувственный, эстетический опыт, составляя глубинный пласт души человека, его внутреннего мира, является важнейшим вкладом семьи, семейной культуры в укрепление и трансляцию всеобщих идеалов *человечности* в истории. Когда вера в человека рушится, то и возникает потребность в сооружении «высоких заборов» и «толстых стен», иллюзорно защищающих индивида от внешних бурь и отгораживающих семью

⁹ Эриксон Э. Детство и общество / Пер., науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. кн.», 1996. – С. 46.

от других людей. Стены растут и покрываются красками времени, но семьи от этого крепче не становятся. – Типичная ситуация новейшего времени. Если продолжить мысленно эту аллегорию, то следует сказать так: семья и семейность как тип культуры, как особое искусство жить вместе есть искусство возведения мостов, а отнюдь не стен. Вся классическая литература XIX века, так или иначе, была посвящена тематике разрушения семейной нравственности традиционного почвенного типа (аристократического и крестьянского). Достаточно привести примеры творчества И. С. Тургенева («Дворянское гнездо», «Отцы и дети»), Ф. М. Достоевского («Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» и др.), Оноре де Бальзака (различные «Сцены...» из «Человеческой комедии»), Эмиля Золя («Тереза Ракен» и др.). Один из великих европейских романов того времени – «Холодный дом»¹⁰ Чарльза Диккенса (1853 г.) – может смело стать эпиграфом к теоретическому исследованию судьбы семьи и семейности в буржуазном обществе крушения традиционных ценностей. Семейные крепости, внушительные замки и высокие заборы – ничто не спасает семью от гибели, если она лишена внутренней силы любви и энергии совместного жизнетворчества.

Потому кризис традиционной семьи нельзя рассматривать только как кризис института брака или как проблемы материнства-отцовства, как конфликт поколений (старших и младших в семье) или тем более как проблемы исключительно материального характера (жилье для семьи, возможность финансово обеспечить детей и т. д.). При всей своей кажущейся миниатюрности и приватности, кризис семьи и традиционных семейных ценностей есть кризис ценности *подлинного* в человеческой жизни (как в самом глубинном онтологическом, так и в повседневном смысле). Современная массовая культура и элитарное сознание, в равной мере ориентированные на глобализм (его матрицей является структура большого многоликого мультикультурного города), на отмену всяких границ и удерживающих смыслов, являются ничем иным как

¹⁰ Диккенс Ч. Холодный дом // Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 17: Холодный дом. Роман: Главы I-XXX / Пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой; Коммент. Б. Томашевского и Д. Шестакова. М.: Гослитиздат, 1960. - 564 с.; Диккенс Ч. Холодный дом // Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 18: Холодный дом. Роман: Главы XXXI-LXVII. / Пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой; Коммент. Б. Томашевского и Д. Шестакова. М.: Гослитиздат, 1960. - 580 с.

попыткой отменить эту подлинность, заменить ее «искусственным счастьем». Традиционная семья интерпретируется как одна из обветшавших форм человеческого общежития, сопротивляющаяся процессу самоутверждения отдельного человека.

Необходимо разобраться в причинах и следствиях кризиса традиционной семьи в индустриальном/постиндустриальном обществе (современной действительности человека и культуры). Для чего следует устоявшиеся в публичном коммуникативном пространстве нормативные определения семьи, вошедшие в законодательный корпус большинства развитых государств и известных «Деклараций»¹¹ прав человека как квинтэссенции гуманистической составляющей современного мироустройства, принимать не в качестве исходного пункта исследования, а скорее как *результат* развития определённой культурно-исторической ситуации, внутри которой семья именно в привычном современном смысле слова оказалась в сложном двояком положении: с одной стороны, она пребывает в кризисе, с другой, выступает адресатом и референтом ценностных предпочтений подавляющего большинства населения.

Другими словами, необходимо ответить на следующий вопрос: в какой степени традиционная семья есть *семья вообще, в принципе?* И, соответственно, в какой степени традиция как несущая основа, «почва» культуры семейности, есть лишь *исторически конкретная* форма ее существования, которая в новейшее время претерпевает определенные метаморфозы.

Не следует забывать о том, что сама *идея семьи* носит фундаментальный глубинно-исторический характер и выражает универсальные (онтологически базовые) для человека реалии. Те социокультурные процессы в обществе и в самой семье, которые нашли свое отражение в теоретической мысли, в политических манифестациях и в искусстве последних двух-трех столетий в

¹¹ Можно сослаться на «Всеобщую декларацию прав человека» 1948 г., а также на преамбулу «Конвенции ООН о правах ребенка» 1989 г. В обоих этих знаковых для минувшего XX в. документах семья рассматривается как основная «ячейка» общества, выступающая естественной и абсолютно необходимой средой для формирования будущего поколения – воспитания и образования детей (См.: Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи: сорок четвертая сессия = Convention of the Rights of the Child. New York, 20 November 1989 / Пер. с англ. Нью-Йорк: ООН, 1989. – С. 230–239).

европейской и отечественной традиции, не должны подменять собой значение семьи и семейности в обществе, в истории цивилизации, в развитии государственной формы организации жизни людей. Потому, по нашему мнению, представляются большим заблуждением пропагандируемые во многих либерально настроенных источниках массовой информации, в Сети, в определенных общественных кругах, тезисы о том, что сама семья как исторически обусловленная форма существования человека (его бытия в качестве представителя *рода*) постепенно уходит с мировой исторической авансены, освобождая место каким-то «новым» формам совместной жизни людей (и «новой морали»¹²). Своеобразная «политика отмены» семьи, ценности материнства и отцовства, особого отношения к детству, старшему поколению и иных традиционных мировоззренческих ориентиров обычного человека, имеет свои вполне конкретные цели. Их выявление и конструктивное преодоление – одна из основных задач современного российского государства. Семья в нем была и остаётся ключевым элементом архитектуры всего общества.

Первичный (или исходный) уровень идеи семьи представляет собой простое выражение самой природы человека – единой в своем 1) биологическом, психическом, физиологическом и 2) социальном (язык, коммуникация, труд, отношения господства и подчинения и т. д.) аспектах.

Абсолютно любая семья, независимо от этнической, географической, хронологической локации, возможна прежде всего потому, что, во-первых, человек по своей природе (генезису) имеет половую дифференциацию и, во-вторых, сама его жизнь зависит прямо от факта родительства и продолжения собственного рода. Феномен семьи в таком первичном универсальном измерении

¹² Может ли такая мораль быть «постчеловеческой» или даже «постхристианской» - очень большой вопрос. Ответ на который требует отдельного большого исследования. В любом случае традиционно, в силу цивилизационно-исторической эволюции, именно семья была способом сохранения и передачи самых ключевых ценностей человеческого бытия. Попытка глобализованного и космополитично настроенного неолиберального «политического класса» аксиологически отменить семью в ее привычном смысле, известном каждому с детства, как минимум, приведет и уже приводит к культурному хаосу и росту проблем в западном мире. Стало практически нормой сегодня утверждение агентами политического влияния отношения к «нетрадиционным» формам отношений в качестве индикатора принадлежности к «свободному и прогрессивному» сообществу. Подобная практика приводит не только к повышению конфликтности и радикализма в обществе, но и к травмированию молодого поколения, сталкивающегося с очень сложным выбором.

связан с базовыми витальными потребностями индивида как *особи*, представляющей определенный *род*. Кроме того, именно семья и семейственность есть исторически, хронологически, самая первая, во всяком случае, из известных, форма общительной связи таких особей друг с другом. Связи как простого контактирования, начиная с тактильного и заканчивая оперированием теми или иными знаками, символами, орудиями, предметами быта, вплоть до появления развитого языка и, еще позднее, письменности¹³.

Культурологический анализ семьи должен учитывать, что современные социобиологические, зоопсихологические и этологические исследования подтверждают достаточно универсальный характер семейного типа организации сообщества представителей одного рода в природе¹⁴. Многие живые существа на Земле имеют семейную форму организации связи с другими особями. Конечно, в такой семье отсутствуют свойственные человеческому обществу культурно (совместно) приобретенные качества (совместный труд, опирающийся на осознанное целеполагание, воспитание потомства, ценности и нормы совместного проживания и пр.). Но присутствуют общие и для человеческого сообщества черты: отношения между представителями разных полов с целью размножения и обеспечения пропитания, защиты от внешних угроз, а также создание определенных каналов обмена и передачи жизненно важной *информации* (на уровне обоняния, слуха, зрительных и иных эффектов). Примеры подобных семей в животном мире можно встретить среди насекомых, морских и земноводных, многих млекопитающих¹⁵.

¹³ Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека / Пер. Е. Фиштейна, под ред. В. П. Алексеева. Прага: Издательство «Артис», 1982. – С. 119-272.

¹⁴ См.: Зорина З. А. Элементарное мышление птиц и млекопитающих: экспериментальный подход // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 90-100; Мак-Фарленд Д. Представление о природе сложного поведения // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 162-173; Тих Н. А. Формы сотрудничества и взаимопомощи в стаде обезьян // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 288-312; Филиппова Г. Г. Зоопсихология и сравнительная психология. М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 242-245 и др.,

¹⁵ См.: Мешкова Н. Н., Шутова М. И. Особенности психической деятельности серой крысы // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 101-113; Резникова Ж. И. Поведение муравьев на кормовом участке // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н.

Бытие человека в своей всеобщей характеристике связано именно с семейной формой существования и культурой семьи: именно семья есть исторически сложившийся способ «перевода» психофизиологических, природных, детерминант человека как представителя рода, как *особи*, обладающей половозрастной дифференциацией, определенной соматической конституцией (функционально-морфологическими свойствами организма, тела) в *надприродное* специфически культурное (символическое, орудийно-знаковое, духовное) бытие. Главный и самый глубинный *парадокс*, составляющий фундамент бытия семьи, заключается в следующем: *семья в принципе возможна только в силу природной фактичности человека (особи), но суть семьи как формы существования человека, его общительной связи, его ценностно-смысловой определенности, заключается в отрицании данной сугубо природной фактичности.*¹⁶

Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 62-85 и др.

¹⁶ Собственно, европейский модерн как определенный культурно-исторический *опыт* и *проект*, и был для своего времени (времени радикальных социальных сломов, надежд на всесилие научного разума и технологий, промышленного бума и пр.) попыткой разрешить данное противоречие посредством концептуализации (и идеализации одновременно) *гражданского общества* и, что самое главное, *института семьи* как его ключевого элемента. Наиболее полно данная концептуализация была представлена в философско-правовой теории Гегеля и, в критической форме, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Семья рассматривается немецкими авторами как главное опосредствующее звено между единичным субъектом и обществом (государством). Звено, которое обеспечивает онтологическую устойчивость отдельного «я» через механизмы воспитания, образования, общего труда (как метода удовлетворения всех жизненных потребностей), наконец, общей мировоззренческой платформы (семья как необходимый базовый элемент нравственной культуры). Именно семья есть первичная, обусловленная в том числе природными (психофизиологическими) факторами (если мы вспомним известное определение семьи еще в этике Канта), форма опредмечивания общественных связей и общественных отношений – основного «строительного материала» сущности человека. И она же – полноценная семья – есть исторически сложившийся метод «снятия» отчуждения этой сущности человека, поскольку труд в семье и для блага семьи есть не что иное как обретение собственной достоверности («действительности») отдельным человеком. В таком толковании сущности семьи именно *целое* (также и всеобщее) рассматривалось как цель и ценность. При этом отдельный «член семьи» обретал собственную «самость» и достоверность.

Другими словами, именно семья рассматривалась как метод обретения личностной свободы, не противоречащей с обществом и государством (правом) в целом. Причем, институт семьи позиционируется в той же «Философии права» Гегеля как такое образование, которое отражает в качестве элемента гражданского общества именно современный самому Гегелю этап развития общества (самосознания), и потому не может просто отождествляться с традиционным патриархальным типом структуриации родственных отношений. В институте семьи Гегель выделяет три основных компонента: *брак* (союз мужчины и женщины, исходящий как из природной необходимости, так и из любви и в целом нравственного чувства), *отношения собственности* и *воспитание детей*, влекущее за собой распад семьи (взросление детей) и рождение новых семей и через их совокупность – *гражданского общества* (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – С. 209-210). В каждой новой следующей семье данный тройственный процесс возобновляется и тем самым обеспечивает преемственность рода и целостность общества, государства, народа, нации. В «Феноменологии Духа» мыслитель подчеркивает, что конечная суть семьи как всеобщего принципа организации общественной жизни в том и состоит, что впервые по сути именно в семье опыт самосознания человека обретает себя во «внешнем» бытии, в том числе в наличной, чувственно данной форме. Сама семья и есть не что иное как тот опыт или та ступень в развитии как индивида, так и культуры в целом, посредством которой *необходимость осознается в качестве свободы* и снимается

Конечно, в истории культуры были примеры и сугубо «платонического» союза мужчины и женщины или духовной близости/родства. Однако статус подобных сообществ ни институционально, ни ценностно не отождествлялся с семьей, которая практически всегда и во всех регионах рассматривалась как союз мужчины и женщины с целью продолжения рода (физического, социального и духовного)¹⁷.

Нормальная семья невозможна, если у человека отсутствует какой-либо интерес к другому человеку. Для того, чтобы данный интерес перерос в основание совместной жизни двух людей (или, может, большего количества людей), он должен исходить именно из витальных потребностей индивида, без удовлетворения которых ему грозит физическая гибель (или, как минимум, психоэмоциональное травмирование). Иными словами, основа любой семьи – это 1) взаимный интерес полов (мужчина/женщина желают обладать представителем противоположного пола в случае нормы и представителем своего пола – в случае аномалии) и 2) усилия, труд, по удовлетворению первичных жизненных потребностей (еда, безопасность, рождение потомства и пр.).

отчуждение, в котором первоначально «угасает» удовольствие индивида от «наслаждения своей единичностью» (исходя из контекста гегелевского повествования можно предположить, что речь идет о переходе юношеского самоопределения во взрослое, свойственное всякому зрелому мужчине, который именно *во вне семьи*, в обществе, обретает свое окончательное единство всеобщего и частного) (Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. СПб.: Наука, 2002. – С. 245). Именно данное осознание составляет основание народной (общественной) нравственности и устойчивости хозяйственного, правового и политического уклада.

Принципиально важный момент, отличающий точку зрения диалектической теории от предшествовавших концепций патриархальной семьи: необходимый предел нравственного совершенствования человека в семье посредством воспитания, образования, ведения общего хозяйства и пр., состоит в преодолении семьи, в выходе во внешние связи, в конечном счете, в государство, нацию. Тезис о важности семьи и сохранении семейной культуры толкуется именно модернистски – семья в своей обособленности теряет устойчивость и истинность. Распад семьи – вовсе не печальный итог, а необходимое звено в цепи многократных эпизодов воспроизводства как единичного субъекта, так и общества в целом. *Распад семьи – есть прямое предметное осуществление главной цели семьи*. Последующая эволюция западной цивилизации, особенно в контексте нарастания урбанистических процессов, индустриализации и постиндустриализации, данный тезис как будто бы подтверждает. И действительно, сегодня дискурс кризиса – основной в оценке роли семьи и семейных ценностей в современном обществе, в оценке траектории развития самой семьи как формы первичной социализации и индивида, его образования и приобщения к тому самому «всеобщему», о котором писал Гегель.

¹⁷ Отечественной интеллектуальной аудитории хорошо известен факт биографии Алексея Федоровича Лосева (1893-1988). После смерти своей супруги Валентины Михайловны Соколовой в 1954 г. (оба они были монахами) мыслитель вступил в брак с Азой Алибековной Тахо-Годи, ближайшей спутницей своей прежней семьи. Чисто юридически, формально, у Лосева появилась новая семья. Но фактически отношения между ученым и А.А. Тахо-Годи оставались дружескими, творческими и бытовыми. Вероятно, в истории существует и множество других аналогичных жизненных историй. Институционально, «документально», семья существует: есть юридически обязывающие брачные отношения. Но по сути семьи (даже в христианско-антропологическом смысле слова) нет.

В обоих данных случаях интерес к другому и минимальный уровень жизнеобеспечения не сводятся к простым психофизиологическим акциям. Сексуальный контакт двух партнеров, добыча, обработка и поглощение пищи, и другие действия уже содержат в себе надприродный уровень. Например, в сексе изначально устанавливаются отношения *власти*. В любом сексуальном контакте (независимо от его *рисующих в сознании* целей и смыслов) подспудно присутствует наследуемый еще с примитивной древности элемент *насилия*, благодаря которому контакт половых партнеров сохраняет эмоционально-когнитивные *границы* идентичности каждого из них, не растворяемые вместе с достижением цели сексуального контакта, удовольствия, физического обладания другим.оргазмическое наслаждение от слияния в таком обладании не отменяет дистанцию между партнерами, их разность, первичный источаемый *импульс*, усиливающийся при сопротивлении со стороны объекта желания.

Рождение потомства также есть определённая природно-заданная почва этих отношений власти, которые уже впоследствии экстраполируются и перерастают в социальные структуры и иерархии. Первичное доминирование мужчины как самца-отца-охотника или женщины как обладательницы вожделенного для мужчины тела, как матери-кормилицы, хранительницы очага, и образуют условия, при которых появление семьи – это не столько дело волеизъявления индивида, сколько предпосланная необходимость, совладание с которой есть прямое условие *выживания* человеческой особи.

Помимо собственно отношений власти, закладываемых в ходе реализации витальной программы родовой идентичности особи человека, также формируется определенный экономический порядок: сексуальный партнер или ребенок в меньшей степени есть *собственность* мужа-отца или жены-матери. И власть, и данный древнейший вид отношений владения (частная собственность), приводят к установлению между партнерами совершенно уникальной, неведомой в животном мире, ситуации взаимного *признания*. Конечно, борьба самцов за право обладания самкой или просто борьба особей за обладание пищей в животном мире может рассматриваться как

«бессознательный» вариант признания победы сильнейшего. Но такое «признание», равно, как и такая «победа», не являются опытом признания двух индивидов.

То, что непосредственно отличает человека и что лежит в основе функционирования семейной формы бытия, есть отношение двух (или более) партнеров, признающих друг друга в качестве не только «материала», необходимого для поглощения собственной природой (половой акт, прием пищи, роды потомства), но и в качестве встречного аналогичного (равного) желания. Только власть, покорение, обладание в отношении такого *признающего и признанного* индивида дают другому ощущения и опыт собственной зрелой завершенности, не сводимой уже таким образом к природной фактичности (секс не равен физиологической функции репродукции, еда не равна простому поглощению материала, родительство с момента зачатия-рождения лишь только начинается, а отнюдь не завершается как у животных и т. д.). *Взаимное признание переводит природно существующую особь на уровень специфически человеческого бытия.*

Ни одна из витальных функций или потребностей индивида сама по себе не приводит еще к созданию и развитию семьи. Половые связи индивида могут быть свободными от каких-либо семейных (правовых, нравственных, символических и иных) обязательств. С глубочайшей древности известно о существовании феномена женской и мужской проституции. Добыча, приготовление пищи могут реализовываться и внесемейно. Аналогично, жизненное пространство, наличие/отсутствие жилища, рождение и воспитание ребенка и пр. Между *Мужчиной и Отцом*, равно как и между *Женщиной и Матерью*, есть существенная дистанция, наполнение которой – специфически культурный, социально заданный процесс. В отцовстве и материнстве природное начало сохраняется, но в «снятом»¹⁸ виде. Причем, добавим, во всех основных

¹⁸ В данном случае мы специально прибегаем к использованию понятия «снятие». Снятие – классическая философская категория, важнейшая в традиции европейского интеллектуализма, наиболее полно разработанная и востребованная в диалектической логике Г. Гегеля (позже, с опорой на логику Гегеля, к использованию категории «снятие» прибегал и К. Маркс в своем анализе саморазвития капитала). Снятие означает процесс *определения* некоторого предмета (реальности, сущности), достижение им некоторого состояния или качества,

мировых религиях, задававших и освящавших лекала брачного союза, родительство рассматривалось как необходимый элемент личностного роста. В отечественной философии данный аспект наиболее полно был разработан в «философии всеединства» Вл. Соловьева (его учение о любви и браке как высшем «единении» человека, доступном каждому¹⁹) и в т. н. «метафизике семьи» В. В. Розанова. Мыслитель акцентировал духовное начало брачного союза и соития мужчины и женщины, подчеркивая при этом незаслуженное забвение «плоти» во многих мировоззренческих системах прошлого. Данное забвение – одна из важнейших причин низведения брака на уровень, с одной стороны, чисто физического измерения сексуальной жизни, с другой же, перевода семейных отношений на формализованный язык общественных институций²⁰.

некоторых пределов и границ, на уровне которых прежние качества оказываются погружены *вовнутрь* новых, сохранены в виде преодоленных, но не отвергнутых моментов (собственного развития). Гегель подчеркивает: «Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. Ничто есть *непосредственное*; снятое же есть нечто *опосредствованное*. ... Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1998. – С. 96-97). По нашему мнению, категория «снятие» очень точно раскрывает характер становления семьи и семейной культуры как двуединого социобиологического процесса, выражающего предметно саму суть человеческой природы. Семья как основа и источник человеческой нравственности вовсе не отвергает плотскую («животную») жизнь индивидов. Но внутри семейной жизни, в плоскости отношений мужа и жены, мамы, папы и детей, бабушки и дедушки, брата и сестры, природное начало получает новые смыслы, новое измерение, которые уже не редуцируемы к психофизиологии и соматике. В этом отношении семья действительно оказывается первоэлементом общества и культуры как некое «окно» для «преображения» мира доисторического, докультурного, дочеловеческого, подчиненного законам мироздания с их необходимостью и «слепой» целесообразностью, в мир человека, создаваемый *творчески*, осознанно и свободно (первоначально на уровне общества в целом, постепенно развиваясь до личностного начала/формы). – Еще одна характеристика семейности как *культуры формы*.

¹⁹ Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В. С. Смысл любви: Сборник. М.: Изд-во АСТ, 2021. – С. 235-312.

²⁰ Брак и семью В. В. Розанов рассматривает как метафизические и онтологические категории. Только в брачных отношениях мужчины и женщины половая идентичность и конституция личности достигает своего предела и максимально полного завершения. Вне брака полноценная половая жизнь невозможна. По этой же причине русский мыслитель критикует однополюе отношения, а также иные модусы сексуальной культуры, всевозможные экзотические практики, онанизм, а также абсолютное воздержание от половой жизни. Во всех этих случаях половая энергия не получает должного полного раскрытия, высшей актуализации; телесность человека остается замкнутой в своих физиологических и, в лучшем случае, психических рамках (причина неврозов). Мужчина, который не стал мужем и отцом, и женщина, не ставшая женой и матерью, остаются метафизически девственными, неполноценными. При этом девственность как сознательный выбор философ критикует. Брачный союз полов есть союз творческий, бытийно-созидательный, отвечающий и смыслам христианства и общечеловеческой нравственности как системе абсолютных ценностей самой жизни, любви, помощи, верности, рождения и воспитания детей. Именно с этим и связана ключевая роль брака и семьи в обществе, в социально-культурной эволюции: *семейное начало есть внутренний источник саморегуляции общества в исторически конкретной ситуации*. (См.: Розанов В. В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / Под общей ред. А. Н. Николойкина. М.: Республика, 2004. – 829 с.; Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства // Розанов В. В. Сочинения. Том 2. Уединенное. М.: «Правда», 1990. – С. 7-192).

Именно семья есть способ, детерминированный, повторим, природно, но реализованный и предметно объективированный «в мир», как отрицание природного, есть исторически, налично, существующий опыт, практика признания, который уже впоследствии, вплетается в ткань столкновения с другими семьями и группами, становится конституирующим элементом общества. В таком качестве семья оказывается первой формой существования государства, общества как единого «организма», и всех его основных сфер жизнедеятельности – политической, духовно-нравственной, социально-экономической.

Итак, *семья рождается в лоне природы*. Этот фундаментальный исторический и онтологический факт сохраняется на протяжении всей известной истории человеческой цивилизации. И сегодня, когда мы говорим о кризисе семьи, в том числе подразумеваем и то, что проблематизирует статус и значение семьи в качестве способа реализации природного начала человека. Семья как связь человека с природой есть набор *ценностей* – гармония половых отношений, в целом, сексуальная культура, определенный уровень жизненного обустройства, потребления; то, что в традиционной культуре получило именование «очаг». Семейный очаг не сводится к очагу, на котором готовится пища, но связь с этим очагом остается и как генетическая «память» и как актуальное необходимое условие самосохранения семейной формы реализации жизненной программы. Очаг – это не только функция. Очаг – это *источник* пищи (=жизни), доступный при обращении с ним (к нему) сообща, *вместе*. Любую современную семью практически невозможно представить себе без ценностно-заинтересованного отношения супругов-родителей к сфере взаимной интимной жизни или к области создания единой семейной почвы материального благосостояния (семейное наследство, капитал). Секс и сексуальное удовольствие, состояние отцовства и материнства, материальные блага и жилищная обеспеченность в семье являются *ценностями*, а не только предпосылками или результатом совместного труда и общения.

Однако, *рождение и развитие семьи есть преодоление природного начала в человеческой особи* и есть путь становления человека, есть первоэлемент культурных форм общения, производства (труда), отношений власти и собственности. Условие сохранения семьи в ее единстве, цельности и значимости для каждого члена семьи заключено вовсе не в удовлетворении тех потребностей, без которых изначальный союз мужчины и женщины был бы практически бесполезен. Таковым является соотнесение индивида с тем уровнем общения, обмена, потребления, просто контактов, который достигнут и в принципе возможен только на уровне семьи, то есть на уровне взаимодействия не генетически-функционального (как у животных в стае), а в опыте взаимного признания и утверждения себя по отношению к такому же, аналогичному, процессу утверждения со стороны других/другого партнеров. Напомним, что еще Ф. Энгельс в своей известной классической работе подчеркивал отличие семьи от стаи: стая и семья противоположны друг другу.²¹

Семья – есть первая, известная в истории, форма именно предметного конкретного выражения нравственного начала в жизни человека. Представления о том, что «можно» и что «нельзя» (добро и зло), формируются именно на уровне семьи. Причем в данном случае неважно, идет ли речь о большой патриархальной крестьянской семье прошлого или о современной маленькой городской семье,

²¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. С. 44.

Не случайно Энгельс рассматривает исторический путь семьи, фактически, в диалоге со своим известным современником Л. Г. Морганом (1818-1881), автором капитального на тот период труда «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Изд. вт. стереотип. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 373 с.). Эта книга, как и комментарии на нее Ф. Энгельса, является одним из столпов научного исследования исторического развития института семьи. И хотя ряд положений данной книги, связанных с толкованием матриархата в древнем обществе, является дискуссионным и впоследствии был во многом опровергнут на основе полевых исследований этнологов и археологов (Стелла Джоргуди. Создание мифа о матриархате // История женщин на Западе: В 5 т. Т.1: От древних богинь до христианских святынь. СПб.: Алетейя, 2005. – С. 457-471), важное значение для современной культурологии сохраняет следующая идея ученого: *эволюция общественных структур была прежде всего постепенным развитием и укреплением моногамной семьи (основы современной семьи)*. – Сам институт семьи исторически является преобразованием кровнородственных связей и отношений в отношения на основе собственности и власти (Морган Л. Г. Указ. соч. – С. 219-225). Морган, как и Энгельс, были современниками процесса индустриализации западного мира, бурного развития промышленности и урбанизации. Поэтому во многом характеристики семьи патриархальной рассматриваются этими учеными как эволюционировавшие элементы семьи современного им буржуазного общества: «С патриархальной семьей мы вступаем в область писанной истории» (Энгельс Ф. Указ. соч. – С. 76). В которой превалирующую роль играют правовые формы скрепления общественных отношений. Развитие правового сознания было неотъемлемой частью буржуазного общества модерна, дифференцированного на слои собственников и власть имущих.

приютившейся на окраине огромного мегаполиса. В семье подрастающему человеку закладывают первичные координаты жизненной мировоззренческой ориентации.

Социокультурный кризис последних десятилетий, вихрь глобальных проблем, социально-политические и экономические сломы, лишь укрепляют ценность семьи в глазах подавляющего большинства населения. Наблюдается сегодня и встречная тенденция со стороны государства и публичных институтов, а также СМИ. Мы видим активную рекламу семейного образа жизни, строительства домашнего очага, материнства и детства, а также поддержки старшего поколения. О семье много пишется и говорится на самых разных уровнях и в различных теоретических и практических контекстах. Во всех случаях идея семьи и ценность семейной культуры позиционируются в качестве оптики рассмотрения процессов укрепления основ национального суверенитета страны, его нравственной составляющей и духовно-интегрирующей силы.

Семья на индивидуальном уровне рассматривается как надежное укрытие от внешних вызовов, как единственное объективное оправдание многих жизненных проектов и целей (в том числе масштабных общественных), как конечный источник легитимности собственного существования, его ценностная подоплека и оправдание (в ситуации, когда иные метанарративы утратили реальную значимость в жизни простого человека). На уровне же общественном, публичном, политическом, семья выступает адресатом многих крупных начинаний и, одновременно, рассматривается как надежный гарант стабильности всего общества. Ибо удовлетворение специфически семейных потребностей (жилье, образование, медицина, социальная помощь в отношении определенных возрастных групп и др.) влечет за собой востребованность определенных государственных, корпоративных функций и институциональных практик.

Семейный человек всегда мыслит *перспективно* и в этом смысле выступает субъектом стратегического целеполагания (планирования). По-видимому, именно с этим обстоятельством связаны проводимые сегодня государством установки на поддержку семейного жилищного строительства и развития

социальной инфраструктуры: полноценная семья нуждается в собственном отдельном от родительского жилье, образовательно-воспитательной среде и учреждениях, досугово-рекреационной зоне, развитой и доступной транспортно-логистической инфраструктуре. Многие отрасли экономики, особенно на региональном уровне, могут полноценно развиваться, наращивать свои объемы и иные показатели только при условии развития института семьи как самостоятельной единицы и субъекта права, хозяйственной деятельности, источника будущих поколений. Например, модные ныне «инвестиции в детей» являются важным сегментом рынка финансов (кредитование образования, здорового образа жизни, качественного досуга и пр.)

Для многих жителей России, стран западного мира и азиатского региона семья была и остается ведущим способом связывания жизни отдельного человека с обществом, с культурой народа, региона, страны в целом. При этом современность в исторически масштабном и глубинном смысле слова, как период трансформации общества традиционного и формирования цивилизации техногенной, промышленной, в которой наука и рыночная экономика взаимообусловлены, стала эпохой кризиса семьи. Его осмысление прежде всего происходит в контексте решения демографической проблемы, остро стоящей практически перед всеми ведущими странами мира. Для современного Запада демография стала вопросом сохранения национальной идентичности и суверенности (по отношению к тем регионам, в которых темпы рождаемости существенно превышают показатели экономического роста, благосостояния и развития инфраструктуры). И, как мы уже отмечали выше, решение демографической проблемы сегодня явно противоречит ценностным установкам правящих элит европейского сообщества.

В нашей стране социокультурная ситуация рубежа столетий стала временем глубокого травмирования общества, нравственной основы культуры и других деструктивных процессов, которые вкупе с экономическими трудностями привели к необходимости концептуализации семейной политики государства, как задачи, связанной напрямую с сохранением независимости и уникальности

самого русского мира. Семейный вопрос, вне всякого сомнения, на сегодняшний день носит судьбоносный характер. Однако его *демографический аспект* – лишь часть проблемы, которая отнюдь не исчерпывает все культурные смыслы семейной формы существования и траектории ее эволюции в течение нескольких последних столетий. Потому и тема кризиса семьи сегодня, как уже подчеркивалось, не может быть в принципе раскрыта и проанализирована только в рамках социально-экономического или политико-правового дискурсов.

Значение и ценность культурологической оптики семьи как раз и определяется возможностью выявления уникального измерения феномена семьи, семейности как определенной общительной связи близких людей, который не редуцируем к таким важным компонентам, как отношения супружества-родительства-детства (братства и сестринства). Семья, причем, любая семья, это всегда нечто большее. И кризис современной семьи есть в первую очередь определенный диссонанс в развитии *культуры* семьи (семейности), которая в эпоху индустриализации и урбанизации получила автономную траекторию эволюционирования (по отношению к семье патриархальной, земледельческой, сословно-привязанной). Именно это обстоятельство, обособление приватной семейности, повышение ее ценности, привлекательности в самосознании индивида, и ее статуса в общественном восприятии, привело к тому, что семья как определенный уровень коммуникации, связи, и как отношение членов семьи к этому уровню, стали нередко противоречить ценностям и формам внутрисемейных компонентов – супружества, родительства и др. – Тех самых, которые еще издревле, прямо скажем, со времен культурно-антропологической архаики, образовывали первичные скрепы отношений полов, матерей, отцов и детей. Семья модерна, оторванная от жизни на земле, от условий большой общности централизованного иерархически выстроенного типа, оказавшаяся в городском пространстве-времени, в практически бесконечном водовороте встреч и перекрестков, сама стала восприниматься как личная ценность каждого (имеющаяся налично или только чаемая), способная восстановить баланс

душевной гармонии, психоэмоциональное равновесие и, что не менее важно, помочь укреплению домашнего очага.

В то же время, в условиях индустриального урбанизированного социума, с его жесткой логикой товарно-денежных отношений и массовым наемным трудом, необходимостью поддержания минимального уровня потребления и т. д., в жизни семьи как единой общности, как «ячейки» общества, существенную роль играют именно те отношения между членами семьи, которые семья современная, городская, нуклеарная, «маленькая», естественным образом унаследовала от семьи «большой», традиционно-патриархальной. Это в первую очередь институт брака (включая и определенную культуру сексуальных отношений, определённый статус мужчины и женщины в системе общественно-частного разделения труда, их правовую идентичность и легитимность) и отношения родителей и детей. Без них семья невозможна.

Однако внешняя необходимость, связанная с обеспечением жизненных функций семьи как коммуникативно-производственной «единицы» внутри сообщества городского типа (территориально вовсе не обязательно в черте городской локации), требует акцентировки данных компонентов часто в ущерб культуре семейности. Ее таким образом обусловленная редукция к процессу укрепления совместного проживания как *условия* удовлетворения основных (и отчасти дополнительных) жизненных потребностей приводит неизбежно к обесцениванию семьи как уникальной формы связи, как экзистенциально значимого горизонта.

Семейная «чаша», конечно, всегда должна наполняться совместными усилиями всей семьи (во всяком случае, ее трудоспособной части). И в большой патриархальной семье прошлого *труд* сам по себе был высочайшей ценностью, оправданной и на государственном, и на религиозном, ментальном коллективном уровне. Настоящая проблема семьи, вырванной из традиционного социально-культурного контекста, заключается ведь не в том, что существующие семейные и/или личные жизненные потребности требуют активной работы (ее древнейшим прообразом была охота, добыча), отнимающей эмоциональные и физические

силы и время от встречных интересов, желаний, претензий, ожиданий супруга/супруги/детей/стариков. – В ситуации автономии частной семейной формы жизни, ставшей ключевым моментом индустриального общества, достижение личных целей, обретение своего индивидуального символического (или любого иного) капитала, помимо семейных общих интересов и проектов, стало для индивида более весомым содержанием жизненного пути, чем то, что непосредственно связано с семейностью.

Во-первых, потому, что в опыте личного самосознания такая семейность уже не сводится к отношениям мужа и жены, или родителей и детей. В городской жизненной среде сами по себе заключение брака и рождение детей – это не венец социального утверждения, а лишь его *начало*. Во-вторых, сама семейность как специфическая коммуникативная, этико-эстетическая и аксиологически мотивированная форма также является продуктом труда – совместного житнетворческого процесса двух (или более) людей. *Скудный* характер семейности в той семье, которая поглощена или только материальными заботами или чувственными наслаждениями, не насыщает индивидуальные представления о целях жизни и ее идеалах. Удовольствия, получаемые лишь в процессе удовлетворения насущных потребностей (прежде всего, сексуальное наслаждение), не могут приблизить человека к идеалу; замещение идеала тем или иным чувственным экстрактом превращает его поиск в невроз.

Удовольствие в современной культуре трактуется чаще всего эгоистично: партнер нужен вовсе не для открытия новых миров интимного опыта, а для реализации собственной выдуманной или подсмотренной модной психологической «программы». В чем, по-видимому, заключена одна из основных причин слабой связи людей во многих современных семьях. Казалось бы, полная свобода от всяких табу в реализации собственных страстей должна наполнять ощущением полноты жизни, радостью, счастьем. Однако фактический итог такой свободной семейной жизни совершенно иной. Семейные пары быстро устают друг от друга. Эпизодические сессии чувственного яркого «дурмана»

сменяются «серыми» буднями, пустыми и пугающими с точки зрения выбранной стратегии «семейного счастья».

Исторический пример и опыт советской семьи очень хорошо иллюстрирует и подтверждает такую непростую драматичную судьбу семьи в новейшее время. Причем, в отличие от западноевропейского и американского общества, в которых девальвация семейности намеренно компенсируется неолиберальной идеологией «гендерного партнёрства» и разного рода «нетрадиционными» стилизациями мужской и женской идентичности, ультрагедонистическим культом бездетности и иными экзотическими и нередко деструктивными тенденциями, в нашей стране кризис семьи оставляет за собой большие зияющие ниши духовно-нравственной, общительной, демографической пустоты. Только сейчас, в самые последние годы, когда сменилось уже несколько поколений в постсоветском обществе, намечились определенные позитивные сдвиги в этом направлении (например, намечились первые признаки моды на многодетность).

Обозначенное рассогласование семьи и семейности в эпоху модерна как раз и есть предмет анализа кризиса культуры семьи. В этом кризисе следует четко выделять уровни, стороны, возможные причины и следствия. Поэтому, отвечая на поставленный выше вопрос о традиционной семье и ее отношении к понятию семьи вообще, можно сформулировать следующую принципиально значимую для диссертационного исследования дилемму.

Тезис о «кризисе семьи» в современном мире останется абстрактным утверждением (относящимся больше к актуальной публицистике и сетевым дискуссиям, нежели к культурологической аналитике), если предварительно не будет ясно следующее. В какой степени кризис современной семьи в западном (и российском) обществе является кризисом именно традиционной семьи и соответствующей структуры ценностей и смыслов, сопутствующих развитию такой *патриархальной* нормативной семейности (практически равной отношениям брака, родительства и сопутствующим трудовым или символическим функциям)? И в какой он характеризует *автономную семейность* (как форму и как содержание жизненного опыта мужа/жены/детей)

индустриального и постиндустриального общества и массовой культуры с ее гедонистическим императивом и эстетикой урбанизма?

Если при этом сам термин «кризис» мы используем с целью акцентировки негативных проявлений в состоянии семьи, то в этом случае необходимо установить *то, что* традиционная семья и патриархальная семейность *утратили* в современном обществе, в условиях, диктуемых быстро меняющимися экономическими и политическими режимами. Такое определение позволит более точно говорить о том, что кризис современной семьи является симптомом эволюционных исторических изменений, то есть смены одного культурного формата семейности другим. Культура семейности, дистанцированная от традиционной семьи, с одной стороны, была следствием масштабных трансформаций индустриального/постиндустриального социума, его «переезда» в города как новые средоточия культурной жизни, центры обмена, производства. И в этом смысле она была «продолжением» самой современной семьи, ее культурной динамики в западном обществе. С другой стороны, ее отпочкование от традиционной ценностной основы семьи является выражением кризиса именно патриархальной семейности.

Кризис традиционной семьи в новейшее время (время урбанизации и научно-технологического прогресса цивилизации) – это результат адаптации традиционной семейности (ценностно-смысловой аспект) к самой обособившейся в частное социальное правовое и символическое пространство семье. Потому как семья городская, «маленькая» и современная, не может избежать реализации природной программы в отношениях мужчины и женщины (а значит и родителей и детей). Даже если семейная стратегия представляет собой отрицание нормального брака и/или родительства.

Данная дилемма семьи и семейности имеет прямое отношение к современной ситуации в нашей стране: сегодня предпринимаются беспрецедентные меры по поддержке семьи как социокультурного института со стороны государства. Начиная от финансового стимулирования рождаемости (что вполне объективно оправдано в условиях демографического «проседания»

населения) и заканчивая конструированием «стильного» образа семейной жизни, рекламированием «домашнего очага», популяризацией самой идеи союза мужчины и женщины и т. д. Однако, несмотря на все масштабные меры, кризисные явления в современной российской семье только нарастают. Их внешним показателем является всем известная статистика (количество заключенных и расторгнутых браков, количество детей-сирот, стариков, брошенных детьми и т. п.). А на уровне самой среднестатистической семьи все чаще заявляет о себе стремление супругов искать какое-то *другое*, внесемейное, «счастье» и удовлетворение *индивидуальных* смыслов, целей, идеалов, помимо нормативного «муж + жена». Семейность устойчиво ассоциируется с традиционностью и нормативностью.

Ценность семьи – это главный конституирующий элемент культуры семейности, благодаря которому сама семья становится для индивида *желанным* горизонтом, *его Миром*. С такой ценностью мало стыкуются пропагандируемые прежде всего на Западе идеи эгалитарной семьи. Внутрисемейное равенство (в правах, обязанностях, доходах, жизненном пространстве и пр.) отвечает в первую очередь требованиям городского промышленно развитого общества. Но является ли подобное равенство *желанным* со стороны человека, воспринимающего семью, очаг, дом и другие артефакты в качестве выражения и закрепления своей *приватной* жизни (более того, своей субъективности), – большой вопрос. Поэтому, дополняя ответ на ключевой вопрос о сущности кризиса традиционной семьи в новейшее время, необходимо разграничивать два основных его аспекта:

1) кризис патриархального уклада семейной жизни, традиционных «почвенных» ценностей, в рамках которых супружество, родительство, детство являются нормативной основой существования, личностной идентичности и не рассматриваются как продукты индивидуального выбора (речь может, конечно, идти о выборе партнера, но не о выборе самого института брака или родительства);

2) кризис семейности, которая, будучи способом общительной связи близких людей, в условиях урбанизированного социума стала *ответом* на вызов

нормативной традиционности со стороны самого человека, оказавшегося на просторах городского свободного места для жизни.

В качестве такого ответа культура семейности не получила должного содержательного наполнения в сознании широких слоев населения. Очевидность ценности брачного союза мужчины и женщины, рождения и воспитания детей, ведения совместного хозяйства, эстетика быта и планирование совместного будущего сохранились в качестве наследия еще традиционной семьи (по своим исходным критериям). Однако ценность семейной формы жизни, не сводимая к ценности супружества или, например, материнства/отцовства, оказывается подвержена всякий раз деструктивному влиянию внешних социальных, экономических, правовых и других угроз. Ее место в индивидуальном самосознании очень быстро занимают гедонистические настроения или просто «формулы» личного успеха, «счастья» и т. д.

В истории цивилизации место семьи – определяющее, но на стыке традиционной социальности и модерна нередко семья в своем ценностном качестве стала отодвигаться на второй план. Подобно добыче пищи, отношения мужчины и женщины, равно как и рождение детей, в иерархии личных целей и смыслов хоть и занимали важнейшее, иногда самое центральное, место, но скорее как результат внутреннего соглашения человека с предпосланной ему необходимостью (в том числе сугубо естественной), нежели как желанная заветная цель свободного поиска.

Культура современной семьи независимо от оценок семейности является результатом длительных и весьма противоречивых изменений в отношении между семьей и обществом/государством, с одной стороны, и между семьей и личностью, с другой. Для того, чтобы понять причины кризисных явлений в семейной жизни, которые явно не могут быть разрешены одной лишь внешней поддержкой института семьи как субъекта права и социально-экономической деятельности со стороны государства, необходимо как раз обратиться к истокам современности. Потому как само рождение современности стало временем освобождения семьи от многих структурных и символических зависимостей

традиционного социального и политического уклада, освобождения, итогом которого стало появление семьи в привычном нам узком смысле слова как союза мужчины, женщины и их детей.

Еще раз подчеркнем, что семейный вопрос есть прежде всего вопрос осмысления кризисных явлений в ценностном измерении семейной жизни в современном обществе. Выделение семьи как значимой ячейки в структуре общества, как сферы обретения свободы частной жизни индивида (независящей от иерархических, сословных, символических и иных структур общества) произошло как раз в ходе становления современной техногенной цивилизации, начиная примерно с XVIII в. Новейшее время как эпоха интенсивной урбанизации, роста промышленного производства, массового переезда в города бывших земледельцев, формирования стандартизированного усредненного образа жизни и соответствующего типа культуры потребления, обладания, стало временем, когда именно отдельная обособившаяся семья, состоящая из представителей максимум двух поколений, стала ключевым агентом общества, его актором и респондентом.

Итак, ценность семейной жизни, семейности как специфического вида культуры и жизнотворчества, как определённый формат поведения и общения, не сводимых к брачным отношениями, репродуктивным и производственным функциям, является обретением модерна. Но в то же самое время именно современность стала тем периодом, когда семья в таком своем индивидуализированном виде и формализованном социальном статусе становится проблемой. Возникшее рассогласование семьи и семейности – симптоматично выражает собой кризис традиционной семьи, как и в целом культуры традиционного типа.

1.2. Есть ли альтернатива институту семьи? (критика «новой морали»)

Главный результат предыдущего параграфа диссертации – выявленные причины кризиса традиционной семьи в современном мире и российском

обществе как его репрезентативной части. Данные причины связаны не с недостатком правовой регуляции и институционализации семейной жизни. Современное европейское, американское и отечественное законодательство уделяет семье и семейным формам гражданских, имущественных и иных отношений достаточное внимание.

Правда, в отличие от российского, западное законодательство в области семейного права, институт супружества, регуляции статуса детей в обществе, носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, семья – один из ключевых институтов современного гражданского общества, основа неолиберальной экономической модели развития и в этом смысле гарант сохранения «среднего» уровня социальной структуры, без которого востребованность так называемых «демократических ценностей» и многих публичных общественных институций оказывается под вопросом. С другой, абсолютизация свободы, за которой скрывается укрепление влияния определенных сил в западном (и американском) обществе, приводит к разрушению семьи. Не только в традиционном патриархальном смысле слова, но и вообще в том ее качестве, которое фиксирует возможность и действительность союза полов с целью реализации личных жизненных проектов, удовлетворения природных и духовно-эмоциональных потребностей и рождения детей, трансляции культурного опыта, ценностного образа мира и самого себя.

Самое интересное то, что этот деструктивный процесс во многом происходит за счет расширения именно правовой регуляции. И в целом выступает показателем расширения сферы действия права в жизни простого человека. Яркий и наиболее известный пример в данном случае – это, конечно, совершенно абсурдная ювенальная юстиция (о ней более подробно мы поговорим в следующей главе диссертации). Другой пример, вызывающий сейчас в обществе множество дискуссий, спекуляций (причем явно политического характера), это правовое оформление однополых отношений²² (гомосексуальных пар) как совершенно нормальной вариации семейного

²² Деятельность „Международного общественного движения ЛГБТ“ запрещена в Российской Федерации.

института (с возможностью усыновления и воспитания детей). В данном случае, очевидно, следует обозначить кратко несколько ключевых пунктов.

Во-первых, сами обозначенные тематические блоки (защита «прав» детей и институционализация, легализация, однополых браков) представляют собой настолько обширную и сложную противоречивую тему, что она составляет предмет отдельного большого исследования. На сегодняшний день накоплен колоссальный объем литературы, статей, монографий, диссертаций по данной проблематике, один лишь перечень которых составит не один десяток страниц.

Во-вторых, социально-экономическое, демографическое и политическое измерение вопроса следует отделять от ценностно-смыслового и историко-культурного. Вполне понятно, что политико-правовая поддержка однополых отношений идет вразрез с необходимостью государственной поддержки процессов воспроизводства национальной составляющей населения развитых европейских государств. Причем, еще раз подчеркнем, открытая позиция западных элит (включая, что самое удивительное, официальную позицию Римской Католической Церкви) в этом отношении носит провокационно-концептуальный характер. Также понятно, что современная западная культура выражает собой процесс постхристианского осмысления сущности и человека и общества (некоторые глобалисты прямо заявляют о необходимости создания «новой религии»,²³ способной оправдать усугубление противоречий мирового развития).

Сами по себе однополые отношения в истории известны с глубочайшей древности (животный мир также подтверждает достаточную степень «универсальности» такой аномалии). Проблема заключается не в том, есть они или нет, а в их оценке, которую дает общество и его ключевые институты. То есть вопрос лежит не в плоскости социологической (статистической) констатации некоторых фактов или цифр, а в области культурной легитимации того, что тысячелетиями составляло обочину цивилизационной стратегии. Вот почему

²³ С подобным «предложением», как известно, выступил Александр Сорос, сын известного финансиста (См.: <https://alex Soros.com/>).

вопрос о семейных ценностях и о кризисе семьи – это больше чем вопрос о том, как улучшить жизненные условия семьи, детей, сделать сам образ семейного жизнотворчества более привлекательным в массовом восприятии.

Как было показано в предыдущем разделе работы, кризис традиционной семьи как кризис аксиологического уровня, оказался возможен именно в ситуации модерна (то, что мы наблюдаем сегодня, в начале XXI в., есть уже закономерное следствие масштабного социокультурного переворота, сопровождавшего наступление века «научного разума» и технологий)²⁴. С одной стороны, произошло исторически и социально оправданное отпочкование «маленькой» семьи от «старого» большого патриархального сообщества (преимущественно деревенского типа, связанного напрямую с аграрным способом производства и обмена). Миниатюризация семьи была востребована в городском буржуазном обществе и политическом устройстве нового модернистского типа. «Общепризнанно, что преобладающая в обществе форма семьи служит индикатором уровня модернизации того или иного общества. Одновременно с процессами урбанизации и индустриализации, развития индивидуализма и грамотности в обществах начинают преобладать нуклеарные семьи, состоящие из родителей и несовершеннолетних или неженатых детей»²⁵. Сама структура городского общества и города как *места* жизни индивида требовала сужения параметров семьи как сообщества, обладающего социально значимыми функциями и собственным, внутрисемейным, представлением о том, какова должна быть жизненная среда, привязанная к пространству-времени производства, потребления, инфраструктурного обустройства. Неслучайно, именно во вт. пол. XIX в. впервые активно заявляет о себе феминистское движение – первоначально, движение за права женщин. Предпосылками феминизма было не что иное как рассогласование мировоззрения старшего и молодого поколения, конфликт «отцов и детей». Не случайно активизация

²⁴ Некоторые положения данного параграфа относительно исторических трансформаций семьи опубликованы в: Тюрин К. А. Проблемы традиционной семьи в современном обществе // Гуманитарные науки: новые исследования и перспективы : Сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Наука-Спектр, 2025. – С. 305-313.

²⁵ Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. – С. 123.

феминистского взгляда на семью шла одновременно с либеральными реформами 1860-70-х гг.

С другой стороны, тянущиеся из глубокой древности институты брака и воспитание детей именно в таком, ломающем традиционность, контексте получили новый статус, новые правовые гарантии со стороны общества и государства и новые смыслы. Корень проблемы семьи в современной культуре в этом и таится: необходимость вступления в брак и продолжения рода обрела вполне зримые «земные» очертания – вопросы экономической, социальной (статусно-ролевой) выгоды, безопасности (иногда и просто необходимости). Чувства человека, мужчины и женщины, потребность в интимной близости, признании и поддержке душевной, эмоциональной, конечно, модерн не отменил. *Однако, границы семейности, привязанные к образу жизни, к институциональным, экономическим и социальным параметрам миниатюризированной городской семьи, заключенные в требования посттрадиционной урбанизированной среды, оказались тесными или даже, точнее, чуждыми этой самой семейности. И вот почему.*

Индивид, оказавшийся один-на-один с большим Городом, холодным, высокомерным, алчным, в котором царит чистоган, авторитет и «логика» капитала, в котором всякая интимная чувствительность обречена или на подавление и отчуждение или, что чаще, на превращение в ликвидный «товар» («пустующий знак самого себя»), осознал потребность в создании особой жизненной сферы, привязанной к *первично* данному опыту существования семьи и себя внутри этой семьи, но не равному, не сводимому к традиционным компонентам семьи – браку мужа и жены, рождению и воспитанию ребенка, уходу за представителями старшего поколения. Семейность – стала *искомым* в личном жизненном проекте, во внутренне прочувствованном (а может и выстраданном) уравнении индивида. Рассогласование семьи и семейности с этим и связано. Перенести в город, в урбанизированную социально-экономическую и правовую среду нового типа семейность патриархальную было практически невозможно. Такая семья с семейностью старого образца была обречена

(характерная драматичная судьба стала предметом художественного осмысления в известном советском фильме «Большая семья» режиссера И. Хейфица, 1954 г., снятом по мотивам повести В. Кочетова «Журбины»).

Именно данная проблематизация семьи городского типа как ячейки общества, привязанной генетически еще к семье патриархальной (традиционной), но устремленной к обособлению собственной приватной сферы, полаганию именно ее в качестве ведущей ценности, лежит в основе кризиса семьи в посттрадиционном обществе. В этой связи обсудим тезис, который сегодня часто звучит в научной и публицистической сфере в связи с тематизацией семейного вопроса на государственном уровне. Речь идет о том, что в качестве основной причины кризиса семьи и семейных ценностей рассматривается рост и укрепление *индивидуализма*.

В какой степени именно индивидуализм стал главным фактором, дестабилизирующим традиционный социальный уклад, в котором семье принадлежит особая роль в формировании нравственной позиции индивида?

Если индивидуализм в самом широком смысле рассматривать как мировоззрение, исходящее из самоценности «я», как замыкание на интересы и цели именно индивидуального развития, самореализации, самоутверждения и т. д., то в какой степени отпочкование малой семьи и семейной культуры в новейшее время стало результатом индивидуализации жизненной программы общества и человека? С другой стороны, если само понятие «индивидуализм» сводить к характеристикам социологическим, то тогда его ключевым признаком будет сознательное игнорирование связей между индивидом и различными общественными структурами, группами, слоями. Об этом значении индивидуализма хорошо написал А. Токвиль в своем исследовании перехода традиционного общества к модернистскому на примере Франции: «Наши отцы не знали слова *индивидуализм*, которое мы создали для собственного употребления, потому что в их время действительно не было такого индивида, который не принадлежал бы к какой-нибудь группе и мог бы рассматривать себя совершенно отдельно от прочих; но каждая из тысяч мелких групп,

составлявших французское общество, думала только о себе самой».²⁶ В таком смысле индивидуализм – враг традиционной семьи. Поскольку сама семья – есть некая социальная общность, ориентированная ценностно на реальность, лежащую за пределами обособленного «я».

По нашему мнению, все-таки феномен индивидуализма не является приобретением или достоянием именно культуры модерна и постмодерна. Если мы вспомним позднеэллиническую интеллектуальную духовную традицию, то она вся, насквозь, была пронизана духом индивидуализма. Эллинический индивидуализм, конечно, существенно отличается от эгоцентризма новоевропейской культуры, от картезианства и общей онтологической позиции «прометеевской»²⁷ культуры. Но как общая «практика себя»²⁸, индивидуализм известен, видимо, столько же, сколько и сама западноевропейская цивилизационно-историческая традиция. Проявлениями такого глубоко сидящего индивидуалистического начала являются в том числе и философская форма самосознания (создавшая в конце концов оплот критики христианства), и наука как способ отношения индивида к окружающему миру и, наконец, капитализм как общекультурная стратегия и система, основанная на попытке интегрировать абсолютизированную субъективность и технологические материальные ресурсы познавательной деятельности. Урбанизм XX века также является ничем иным как социально-политическим и экономическим развитием, некоторым следствием, внутриевропейского индивидуализма как культурного «гена». Вся жизнь современного мегаполиса рассчитана на то, что частная жизнь индивида рассматривается как источник легитимности любой общественной практики и ее ценностной подоплеки (а не наоборот).

Если говорить о связи индивидуализма и эволюции семейной культуры в классической европейской культуре, то здесь, как показывают исследования, открываются еще более любопытные моменты. Индивидуализм как способ

²⁶ Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетей, 2008. – С. 91.

²⁷ Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. М.: Русская идея, 2000. – С. 112-149 и др.

²⁸ Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. при участии В. Л. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – С. 299-309.

самоопределения субъекта далеко не всегда противоречит установлению ценностно заинтересованного отношения к семье. Важно зафиксировать следующее: *семейная жизнь (прежде всего, супружеские отношения и родительство) сама может выступать проводником индивидуалистической жизненной установки.* Причем, что самое интересное, такой установки, от которой само общество отмахнуться уже не в силах. *Желанность* семьи, брака, деторождения и иных компонентов семейной жизни может выступать методом утверждения автономии «я», его аксиологического и социального (внешнего) суверенитета, самодостаточности. Понятно, что в качестве реальности желаемой, семья не сводится просто к реализации заложенной психофизиологически программы (биполярная структура мужского и женского и продолжение рода). Говоря современным философским языком, желаемая и желательная семья, семейная жизнь обладает гораздо более значительной «экзистенциальной плотностью», что и играет свою роль в процессе утверждения индивида *общепризнанными* культурными и социально-правовыми средствами. Нередко такая общепризнанность становится предписанной нормой.

Индивидуализм бывает разный, и история западного общества это подтверждает. В более рафинированном (метафизически окрашенном) смысле индивидуализм, по-видимому, есть стремление «я» к обособлению и абсолютизации. В социальном же и культурном измерении индивидуализм стал формой укрепления именно частной жизни обывателя, связанной напрямую с семьей и семейностью. Об этом хорошо пишет в своем исследовании М. Фуко: «В действительности, необходимо различать три вещи: во-первых, индивидуалистическую позицию, наделяющую индивидуума в его неповторимости абсолютной ценностью и приписывающую ему определенную меру независимости от группы, к которой он принадлежит, или институтов, в чьем подчинении находится; далее, *повышенную оценку частной жизни – иными словами, то значение, которое придается семейным отношениям, формам домашней деятельности и сфере патримониальных интересов;* наконец, интенсивность отношения к себе, внутренних связей с самим собой, или тех

форм, в которых индивидуум должен воспринимать себя как объект познания и сферу деятельности, дабы трансформировавшись, исправиться, очиститься и тем самым спастись. Все эти моменты, несомненно, соотносимы: ведь бывает, что индивидуализмом называют переоценку частной жизни, а представление о важности связей с самим собой сочетается с упоением индивидуальной неповторимостью» [курсив наш. – Т. К.].²⁹ В качестве оценочно-смыслового начала или установки частной жизни индивидуализм вполне гармонично сочетается с жизнью семейной (Фуко в этом, несомненно, прав). Причем, можно говорить о такой особенности индивидуализированного толкования роли семьи как открытие пути достижения определенного равновесия отдельного человека (индивида) и общества как целого. Такая частная жизнь всегда синтетична; в ней нет крайностей ультрагедонизма или аскетизма, наоборот, она всякий раз становится опытом обретения внутренней и внешней согласованности и полноты. Как отмечает Н. Элиас, смещение западного социума модерна в сторону от «Мы-идентичность» к «Я-идентичности» далеко не обязательно приводит к отрыву того же молодого поколения от семьи и «традиционного этоса».³⁰

Проблема начинается не там и не в тот момент, когда человек противопоставляет свой жизненный проект семье. В социокультурной ситуации капитализма, когда индустриальный мир города постепенно овладел жизненным пространством человека и общества, обретение частной жизни как некоторой области, защищенной правовым образом, обладающей собственностью (пусть даже минимальной), а также личными, доступными только узкому «кругу лиц», смыслами, образами, своей эстетикой и этикой, было ничем иным как возможностью утвердить индивидуальное человеческое начало. Частная «домашняя» жизнь любой маленькой семьи как желаемый и ценностно окрашенный горизонт существования есть проявление индивидуализма. И в современном западном и российском обществе эпитеты «мой дом» или «моя

²⁹ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – С. 50.

³⁰ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. – С. 247.

семья» выступают нередко как аргументы в позиции человека по отношению к тем или иным требованиям или ожиданиям общества, государства или какой-то социальной группы.

Поэтому тезис о том, что причина кризиса традиционной семьи и семейных ценностей – рост индивидуализма и деструкция «сквозных» надындивидуальных практик идентичности человека, представляется ограниченным исторически определенным пониманием самого феномена индивидуализма.

Для объяснения же сущности семейной жизни, различия семьи как института и культуры семейности уже в новейшее время необходимо сформулировать иной тезис. В индустриально-постиндустриальном обществе: а) индивидуализм как ценность самоутверждения «я» противопоставлен не семье как институту (брак, родительство и детство и т. д.), а культуре семейности, не получившей в условиях урбанизированной социальности должных гарантий со стороны общества и государства; б) связь индивидуальной ценностно-смысловой стратегии и семейной жизни, закреплённой институционально, не только не утрачена, но даже еще более упрочилась.

Институт миниатюрной городской семьи в качестве *культурной* матрицы чрезвычайно скуден. Велико его правовое, экономическое и даже государственное значение. Но вот контекст посттрадиционной массовой культуры (разрушение идеалов и ценностей классической духовности и соответствующего мировоззрения) превращает и индивида как члена семьи, как автора жизненного сценария, связанного со вступлением в брак и воспитанием детей, в социальный *атом*.

По отношению к современному обществу (во всяком случае западному) тезис о противостоянии индивидуализма и семейной традиции должен быть скорректирован: *ценность приватной семейной жизни, ее индивидуальный почерк и хронотоп, являются обратной стороной атомизации самого представителя такого общества, в котором на определенном этапе*

исторического пути оказалась востребованной обособившаяся семья и ее частный мир опыта.

Современные правовые формы закрепления институтов брака, детства и иных модусов семейной жизни способствуют их персонализации. Что, однако, не способствует преодолению кризисных явлений внутрисемейной жизни именно потому, что семейность не сводится к культуре брачных отношений или к родительскому опыту (при всей фундаментальной значимости этих аспектов, без которых сама семья невозможна). Равно и совместная жизнь как единый проект двух (или более) людей не сводится к жизни брачной.

Для традиционной семьи брачные связи были абсолютно необходимым элементом. В античности или в средневековой Европе семья не мыслилась вне брака мужчины и женщины. А вот «индивидуальное» стремление выразить собственное «я», как-то его объективно и предметно закрепить в общительном пространстве между других таких же «я» в традиционном обществе могло получать форму удостоверения только при условии совпадения *семьи* как общесоциальной объективированной жизненной практики и *семейности* как определенного типа культуры (включающего ценностный аспект). Как пишет М. Фуко, характеризуя специфику семейной формы идентичности человека в эллинском мире, «одна из наиболее своеобразных черт этого искусства состоять в браке: тесная взаимосвязь внимания о себе с заботой о совместной жизни. Если отношения с женщиной, “женой”, “супругой”, суть сущность существования, а человеческое существо есть брачный индивидуум, природа которого осуществляется в практике совместной жизни, то между отношением к себе и отношением к другому нет и не может быть существенной и изначальной несовместимости, так что искусство супружества является неотъемлемой составной частью культуры себя»³¹.

Рассогласование семьи и семейности – знаковое явление новейшего времени. Неизбежное в силу утраты социальной базы традиционной семьи в

³¹ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – С. 176-177.

условиях индустриализации и урбанизации. И для того, чтобы восстановить внутреннее единство семейной культуры и «культуры себя» (говоря словами Фуко), само общество стало активно предлагать своеобразные «новации» семейной жизни, которые на уровне публичной коммуникации, в силу стремления стилизовать общение и практики удовольствия в массовой культуре, обрели популярность и ценность. Возникает вопрос: способствуют ли различные экзотические, нетрадиционные с точки зрения институциональной практики, формы семейной жизни преодолению указанного рассогласования? Может ли однополая «семья» или семья полиандрическая быть реальной альтернативой классическому институту семьи?

Вопрос, вынесенный в заглавие данного параграфа, – есть ли альтернатива институту семьи, – только для либеральной прозападной аудитории звучит как актуальный и как выражение истинного отношения к ценности самой человеческой жизни, к высоким идеалам гуманизма, воспетым именно в лоне европейской классической духовности, связанной с достижениями античной мысли, христианства и классического искусства. Конечно, любой вопрос, поднимаемый внутри философской аудитории и обращенный в *будущее*, вряд ли допускает однозначное «рецептурное» решение. И тем не менее, отчасти забегаю вперед, сформулируем ряд ключевых положений:

– ценность семьи и семейности как особого уникального типа культуры связана не с индивидуализмом и не с отрицанием индивидуализма (как ценности обособленного «я», либо как ценности общего, «корпоративного»);

– семья есть исторически и природно обусловленный способ обретения индивидом действительности и достоверности в общественно значимых формах, в семье и через семью человек обретает предметность собственного мира и своей свободы; только в семье индивидуальность мужчины и женщины раскрывает свой истинный смысл: природное естество преобразуется в реальность нравственного мира, культуры;

– поэтому альтернативы институту семьи нет. Семья – безальтернативный способ гармонизации отношений между «я» и «мы» в обществе. И это не вопрос

вкусов, половой ориентации («трансгендерной идентичности»), моды и тем более не вопрос идеологической платформы политических или социальных программ;

– проблема и суть кризиса семьи в современном обществе заключается в том, что процесс институционализации семьи как совокупности отношений брачных, родительских в модусе хозяйственного, психоэмоционального и в целом коммуникативного опыта, привел к ее обособлению, процесс же ее воспроизводства на уровне ценностного (лично заинтересованного) к ней отношения со стороны индивида был отдан на «откуп» господствующим в тот или иной период в конкретной социокультурной среде идеалам, целям, приоритетам и политическим предписаниям. Культура семейности оказалась отчуждена от нормативного измерения института семьи и во многом подменена культурой быта, создания материального благополучия в кругу близких родственников и т. п.

С указанными аспектами и связана актуализация вопроса о возможности замены семьи каким-то иным образованием в ситуации информационного общества как общества, идентифицируемого по основанию «пост» – постиндустриальное, постчеловеческое, постэкономическое, постхристианское и т. д. Следуя модной «логике» многих постмодернистских авторов, работающих в направлении поиска новых форм «гендерной идентичности», можно сказать так, что традиционная нормативная семья расценивается как один из атрибутов исторической эволюции способов реализации природной программы воспроизводства человека как особи. Очевидно, что в таком случае семья как опыт, как образ жизни, как цель и ценность, низводится к половым контактам с целью производства вида. По нашему мнению, *постсемейное общество* – это не просто экзальтированная фигура речи (вираж постмодернистской мысли), это вполне реальная угроза самому человеку.

Добавим также, что сама по себе тема «отмены» семьи или поиск каких-то ее «заменителей» в истории цивилизации не являются изобретением лишь нашего времени. Хотя, следует объективно признать, что в отличие от ряда

утопических проектов прошлого именно сегодня поиск альтернативы семье выражает собой не только и не столько философский или художественно-публицистический интерес отдельных авторов, сколько судьбоносный для общества в целом перелом в восприятии собственной истории и глубинных основ бытия человека. Пожалуй, наиболее известный из философского прошлого западной цивилизации проект общественного устройства, лишенный семьи в классическом виде, это, конечно, платоновское «идеальное государство». Строго говоря, именно Платон задал интеллектуальный «тон» всей последующей европейской (отчасти и российской) мысли, в оценке возможной роли семьи в идеальном государственном устройстве. Приведём здесь наиболее известную цитату из знаменитого «Государства» великого греческого философа: «В образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети – тоже, да и все их воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия, а царями надо всем этим должны быть наиболее отличившиеся в философии и в военном деле»³².

Очевидно, что «отмена» семьи в таком проекте связана прежде всего с обсуждением вопроса о сущности воспитания и образования человека в идеальном обществе. Критику вызывает не сама по себе семейная культура как таковая. А тот факт, что в каждом конкретном случае семейное воспитание преследует частные цели, сквозь которые всеобщее (= идеальное) преломляется и искажается. Поэтому семья должна уступить свое место определенному «кругу лиц», призванному самим Государством специально для реализации проекта создания идеального человека. По мнению Платона, в «Аристократии» (наиболее идеальный тип государственного устройства) правителями являются, собственно, «философы» (переводя на язык современной мысли, представители интеллектуальной элиты общества, «аристократы духа»), которые и организуют процесс воспитания вместо семьи. Общность жен и детей поэтому не следует рассматривать как отрицание семейных ценностей. Скорее, семейные ценности

³² Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. – С. 327.

в проекте греческого мыслителя получают новое видение, рассматриваются в ином ракурсе.

Вот эта идея об отношении простой семьи (в привычном смысле слова) к процессу воспитания «идеального гражданина», которую Платон, наверно, впервые выразил ярко и масштабно, фактически, легла в основу почти всех последующих толкований места и значения семьи в «лучшем» государстве/обществе. Подобная платоновской идея звучала в эпоху Ренессанса (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон и др.), в проектах социалистов-утопистов модерна (П.-Ж. Прудон, Э. Кабе, А. Сен-Симон, Ш. Фурье и мн. др.). Надо признать, что такая «философская» (теоретическая) «отмена» семьи на уровне социально-политической и правовой практики уже новейшего времени стала одним из знаковых признаков. Для модерна вообще очень характерно стремление «изменить мир» (К. Маркс). В этом изменении семье, а точнее, процессу воспитания нового поколения (которое всегда начинается именно с семьи) принадлежит огромная роль.

Интересно, что в первой половине прошлого столетия была создана своеобразная «антиутопия», связанная как раз с толкованием роли семьи, известная книга Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»³³ (англ. *Brave New World*), вышедшая в 1932 г. Одна из ключевых идей, которую рассматривает автор, это как раз вопрос о том, что «прекрасное» общество отдаленного будущего может обойтись и вовсе без семьи. Процесс деторождения может быть решен посредством искусственного оплодотворения женской яйцеклетки в специальных пробирках и последующего выращивания эмбриона в «инкубаториях». Но самая интересная идея – характеристика «прекрасного» общества будущего – заключается в том, что в нем практически полностью отвергается необходимость семьи не только как супружеско-родительского института, призванного самой природой с целью воспроизведения жизни, потомства, но и как определенного социокультурного феномена. – Вместо семейных ценностей, воспитания нравственного начала в жизни человека

³³ Хаксли О. О дивный новый мир / Пер. с англ. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005. – 252 с.

формирования его самосознания и идентичности, внутренней свободы и автономного мировоззрения, идеальное общество, выращиваемое в «пробирке», изначально подразделяется на пять каст, каждой из которых также «генетически» вменяется определенная жизненная стратегия, связанная с потреблением и выполнением предписанного «смысла жизни». Все подлинное и высокое – чувства любви, заботы, понимания, сострадания, мысли, радость и боль, само желание жить и желание творить, желание свободы – решительно отменены. Заменены имитативными или прямо фальшивыми практиками. Семье в таком обществе места нет.

Для отечественной аудитории уже нашего времени вся эта проблематика, на самом деле, очень близка. А именно: если посмотреть на опыт советского социального строительства и семейного строительства как его фрагмента, то становится очевидно, что «идеал» советской семьи это не просто посттрадиционная (по отношению к аграрному и сословному прошлому) городская рабочая семья. Ключевым в советской семье как некотором программном идеале, заложенном в политической стратегии, было стремление к максимальной унификации. Главным методом достижения которой была школа (в широком смысле слова, начиная от детского садика и заканчивая аспирантурой) и различные, инициируемые государством, общественные формы воспитания молодежи. Приоритет школы и государственных молодежных организаций по отношению к семейному воспитанию был несомненным; он отражался в советском быте, художественных образах (детско-юношеское кино, культура комсомольцев, пионеров и октябрят и пр.), в теоретических разработках советской педагогики. Один из ярких примеров официальной советской оценки роли семьи в воспитании «идеального» советского человека приводится в знаменитой киноповести Н. Калинина и А. Рыбакова («Кортик», «Бронзовая птица» 1973-1974), рисующей картину становления пионерского движения в СССР в 1920-е гг. Не случайно в фильме используется текст Булата Окуджавы, в котором есть и такие характерные строки:

Кто куда, а мы лишь прямо

Через мрак на свет костра,
Прощай папа, прощай мама,
Прощай младшая сестра

Советская школа как вариант замещения семейной культуры была очень близка и понятна как раз той части многонационального советского общества, которая составляла основу советской («левой») модернизации и урбанизации. Что не означает полной контroversы между культурой традиционной семейности и городской «пролетарской» или «интеллигентской» унифицированной нормой жизни и воспитания. Однако, тот факт, что «уход» с исторической сцены пионерского и комсомольского движения на рубеже 1980-90-х гг., его откровенная девальвация, не привели в постсоветском обществе к «возвращению» семейной культуры как системы ценностной основы жизни человека и общественной нравственности, говорит именно о том, что и проект «большой советской семьи» и идеал коммунистического (социалистического) воспитания при непосредственном активном участии самого государства (вместо семьи) в большей степени остался именно проектом, попыткой реализовать определенные идеализированные представления более ранних эпох. Важнейшим результатом такого «проектирования» было сознательное устранение культуры *семейности* из жизненного опыта как обычной советской семьи, так и из более масштабных социетальных фронтов. Культурный и нравственный кризис 1990-х годов подтверждает как раз это игнорирование семейности в вопросах воспитания и государственного регулирования семейной жизни. Лишь культурный потенциал столиц – Москвы и Ленинграда – позволил частично сохранить культуру семейности. Малые же и средние города и городки на огромных просторах Советского Союза оказались всецело во власти «социалистического» варианта модернизации и урбанизации, в котором семейность сознательно вытеснялась публичными воспитательными практиками.

Как уже отмечалось в начале работы, семейная проблематика, ценности и образы семейной жизни в нашей стране являются предметом специальной политической стратегии государства. Понимание роли семьи в развитии общества носит концептуальный характер. В первую очередь, конечно, в силу усугубления демографической ситуации (тема семьи в современной российской публичной повестке прямо связана с сохранением и приумножением *человеческого капитала*). Но не меньшим значением обладает и та область нравственной культуры, морали, которая поддерживается именно на уровне семейного воспитания и образования и которая, что самое главное, востребована самим государством как основа формирования устойчивой социальной и ценностной платформы поступательного позитивного развития *консолидированного* общества, нации, скрепленных не только правовыми кодексами или экономическими интересами, но и внутренней мотивацией самих граждан. Надежная крепкая семья – гарант общественного здоровья и устойчивости.

В этом отношении для современной России альтернативы семьи не может быть по определению. Модное стремление «жить свободно», «любить свободно», жить «творчески самореализуясь», широко распространенное на площадках сетевых дискуссий последнего времени, всякий раз обнаруживает собственную ценностную и предметную *пустоту*. Сама по себе творческая самореализация – это культурно возвращенный инструмент душевной терапии, один из идеалов классического гуманизма (ранними источниками которого были позднеэллинская философия, а также Возрождение). Но отличие тезиса современной аудитории, отрицающей важность семейной жизни, состоит в том, что искомым оказывается не результат подобной самореализации (например, художественное произведение, книга, философская идея или просто помощь другим людям, служение отечеству или родному краю), а сам бесконечно растягиваемый поиск некой туманной «истины». «Уход от суеты» семейного бытия и быта, от определенного опыта жертвенности («ради близкого» или «ради

детей») не приводит к достижению какого-то конкретного выражения того или иного экзистенциального проекта.

Ведь на самом деле классическая западноевропейская культура и русская вовсе не отвергали ценность «самореализации» и поиска себя вне или помимо семейного счастья и радости от рождения и воспитания детей. И это несмотря на господство патриархальной модели большой многопоколенной семьи, единство и ценность которой были скреплены в первую очередь общим трудом и общей структурно-функциональной идентичностью в иерархическом социуме (ближайшим образом, феодального аграрного типа). В качестве реального исторического примера жизни человека «для себя», а не для семьи, в классической культуре были всем хорошо известные феномены рыцарства и, шире, воинства, христианского отшельничества, аскетического монашества, наконец, большая часть биографий великих художников и мастеров прошлого, а также, конечно же, опыт философских судеб целого ряда мыслителей. Причем, многие из этих примеров впоследствии получили описание и осмысление в том числе в литературе и модернистской философии. Образы монаха, воина и философа – это те антропологические тропы, шествуя которыми индивид мог вполне обрести собственную бытийную достоверность, и постичь свободу своего мира, самовыражения, внутренней независимости не как *представляемый* на массовое обозрение «проект» (говоря современным языком, «рекламируемый маркер личного успеха»), а как заверченный свершившийся и предметно выраженный личный опыт. Опыт, не связанный с семьей как судьбостроительством, но вполне реальный, не утопичный и, что самое главное, не отвергающий ценности жизни, личностного самоутверждения, любви и помощи близким.

Можно сказать, что *жизнь без семьи*, не ради семьи, а для достижения тех или иных идеалов, ценностей, смысловых горизонтов была в прошлом примером самого настоящего внутреннего героизма и подвига человека. То ли на поле битвы, то ли в художественной мастерской, то ли в келье монаха. К сожалению, абсолютное большинство сторонников «свободной жизни», проповедующих на

просторах всемирной «паутины» «новую мораль» и значимость самоочищения, не могут преобразить собственную жизнь в нечто подобное. Обсуждения смыслов и демонстрация готовности «уйти» (иногда в прямом физическом смысле слова, например, переехать в другую страну) не переходят границу обещания и не становятся *смыслом* или *уходом*.

Следует особо сказать о «новой морали», акцент на которой делают сторонники нетрадиционных семейных отношений. О чем, собственно, идет речь?

Во-первых, сам концепт «новая мораль» в современном социально-гуманитарном контексте имеет весьма размытые границы, зонтично маркирует целый ряд явлений в общественной и культурной жизни, начиная с т. н. «зеленой» повестки (переосмысление взаимоотношений общества с природой³⁴) и заканчивая движением за легализацию и моральное оправдание однополых браков, культом бездетности. Его использование активно началось еще в конце XIX в. в связи с развитием феминистского движения (новая мораль и означала новую оценку роли женщины в обществе). Так, в частности, известная немецкая феминистка Хелен Штёкер (1869-1943) прямо сформулировала главный тезис «новой морали», согласно которому традиционный институт брака на самом деле подрывает основы отношений мужчины и женщины. «Движение “Neue Ethik”, “Новая мораль»”, основательницей которого была Хелен Штёкер, активистка, борющаяся за права женщин, сложилось на рубеже XIX-XX веков. Штёкер и ее последователи отстаивали необходимость эмансипации женщин и, в частности, доступа к образованию и социальным благам, а также либерализацию сексуальности. Освобождение женщин считалось необходимым для того, чтобы семья основывалась не на материальной зависимости жены от мужа, а в первую очередь на любви. По мнению Штёкер, не брак, а любовь должна стать единственной легитимной основой отношений между мужчиной и женщиной»³⁵.

³⁴ Янковская Л. В. Новая мораль: реальность или утопия? // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Философия. 2008. № 7. – С. 108-112.

³⁵ Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. – С. 242.

Во-вторых, современные обсуждения «новой морали» (в том числе в нашей стране) связаны преимущественно с критикой традиционных ценностей вообще. В числе которых и нормативная семья. «Новая мораль» призвана, по мнению сторонников неолиберального постмодернистского мировоззрения, «освободить» человека от мифологем «сексизма», «расизма», «харассмента»³⁶, «газлайтинга»³⁷ и других характерных для нормативной традиции социально-культурных явлений во имя личной свободы, социальным подкреплением которой должна быть «толерантность» и всеобщая «терпимость».

Фактически, идеологическая установка «новой морали» связана с «культурой отмены», то есть с попыткой концептуально обосновать и ценностно оправдать деструктивные явления в общественном сознании и поведении индивида. Сошлемся на справедливую оценку «новой морали», которую, на наш взгляд, дает А. А. Гусейнов: «Под “новой этикой” имеются в виду ... дерзкие, непривычные с точки зрения традиционных представлений процессы в моральной (этической) практике западных стран. Понятие “новая этика” употребляется с различными ценностными коннотациями: для одних оно является только обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других – шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих – опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации и, что должно волновать нас в первую очередь, представляет собой смертельную угрозу для нас, нашего народа, страны, образа жизни»³⁸.

«Новая мораль», что самое опасное, выражается в запрете на самую возможность культурной (и тем более зрелой философской) критики – критики деградации нравственности, уровня образования (воспитания), забвения

³⁶ **Харассмент** (от англ. *Harassment*) – «поведение человека, причиняющее неудобство или даже вред другому человеку, нарушающее неприкосновенность его частной жизни» (Википедия <https://ru.wikipedia.org/wiki/Приставание>). Тип социального поведения, связанный с распределением статусов и ролей между мужчиной и женщиной на основе сексуального доминирования мужчины.

³⁷ **Газлайтинг** (от англ. *Gas Light*) – тип социального поведения, основанный на психологической манипуляции человеком, когда ему вменяется неадекватность поведения, самооценки, мышления и т. д. (<https://journal.tinkoff.ru/gaslighting/>)

³⁸ Гусейнов А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. – С. 92-93.

фундаментальных несущих ценностных и ментальных конструкций, скрепляющих само единство нации и государственности. В этом отношении традиционная семья, помимо различных социальных, правовых, эстетических граней, есть, вероятно, самый древний тип человеческой *общности*, единства, цельности. Потому вполне понятно, что именно семья сегодня является одним из немногих оставшихся (если вообще не единственным) бастионов жизнотворческого и жизнеутверждающего измерения культуры. Семья в таком качестве противостоит отнюдь не авторитарным режимам, а той сокрушительной «свободе», которая оказывается при ближайшем рассмотрении новейшим и наиболее изощренным способом овладения человеком, его телом и его внутренним миром, его самосознанием.

Симптоматично, что один из известных идеологов неолиберального общества (трансатлантического, по факту) и «новой морали» американский социолог и публицист Ричард Флорида, описывая жизненный мир современного «креативного класса», прямо выступает с критикой семьи и семейных ценностей в качестве «площадки» для самореализации креативного индивида – представителя постмодернистского информационного социума. Причем, главным аргументом в критике семьи является предоставляемая современным уровнем развития технологий и коммуникаций возможность для «креативного» человека свободно искать и выбирать «места» для жизненной самореализации: «Согласно моим интервью и фокус-группам, привлекательность тех или иных районов для креативного класса во многом определяется такого рода третьими местами. Это происходит потому, что два других источника общения и стабильности – семья и работа – стали менее надежными и устойчивыми. Существует больше вероятности, что человек живет один и часто меняет работу. Третьи места заполняют вакуум, предоставляя готовую площадку для знакомств и общения»³⁹.

³⁹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – С. 251.

Почему автор этих строк не видит в семье потенциальный мир творческого самовыражения? Именно потому, что сама семья как институт и как коммуникативное пространство отождествляется только с традиционным его образом; культура же семейности пребывает в состоянии отчуждения от него. Понятно, что человек, действительно занимающийся творчеством, пусть даже в цифровом универсуме (например, специалист в востребованной ныне области IT-технологий), нуждается в особом *эксклюзивном* общительном пространстве, которое может совпадать, а может и не совпадать с кругом близких родственников. Но семейность и сама, во-первых, не обязательно повязана на кровное родство, а, во-вторых, идентичность «я» по основанию семейности вовсе не предполагает дисгармонию с профессиональным занятием. В книге Флорида акцент делается именно на том, что современный креативный класс, рожденный в больших мегаполисах, сознательно сам или с внешней помощью устремляется прочь от ценностного восприятия действительности как такового. Можно не быть священником, воином или глубоким философом; эти экзистенциалы не являются какими-то императивами. Но ценностное отношение к миру и к самому себе предполагает определенный *труд, преобразование* себя или мира.

С этой точки зрения семейность как тип культуры есть один из вариантов конструирования желанного для субъекта *Мира*, не сводимого к одинокому «я» или к лишенному чувств физическому универсуму. А те качества креативности, которые педалируются в неолиберальной космополитичной идеологии (а это именно идеология и спекуляция), странным образом связываются с инноватикой. С продуцированием «нового» (стильного, модного и пр.), которое требует пространственно-временной *экспансии* и расчистки площадки для себя. *Места* для креативности, в соответствии с тезисами неолиберализма, должны быть *пустыми*, прозрачными, лишенными всякой фрактальности и градиентности – качеств, присущих любому культурно обозначенному и выраженному продукту. Семейность как такой продукт есть опыт заполнения жизненного места. Поэтому

ценность ее и занижается в образах будущего, рисуемых идеологами цифровой реальности.

Кстати, стоит также добавить, что если за основу оценки семейной культуры брать именно концепцию современного креативного социума, развиваемую на почве постмодернистской неолиберальной идеологии, то получается так, что творческая самореализация личности в принципе возможна только в городе, в огромном современном мультикультурном «полисе», как раз который и расширяется активно за счет производства подобных «пустующих» *мест* (современные стандартные жилые массивы, транспортная инфраструктура, сотканная из линий метро, железной дороги, аэропортов, торгово-развлекательные площадки и т. п.). В этом смысле патриархальная деревня, село, хутор, маленький западноевропейский или русский провинциальный городок, созданы из мест, *наполненных* смыслами ценностно и знаково. Для неолиберального «постчеловека» такие корневые места, такая почва, обладают слишком высокой степенью эстетической, семиотической и коммуникативной плотности, чтобы стимулировать отторжение от традиционных ценностей, от желания самому влиться в мир в качестве *человека семейного* в первую очередь и только потом странствующего в поисках «утраченных иллюзий» виртуальной свободы.

Далеко не случайно то, что одним из ведущих отличий креативного класса является, по мнению Флорида, так называемая толерантность к нетрадиционной сексуальной ориентации. Гомосексуализм чуть ли не прямо отождествляется с высоким уровнем креативности человека. Быть «не таким как все» в половом вопросе – значит быть ориентированным на свободу принятия решений и нестандартность в любых жизненных задачах. Космополитичная гламурная «богема», воспеваемая неолиберальными авторами и, особенно, СМИ, явно далека от ценностей семейной жизни, от семейности, от классических гуманистических идеалов. Аскетизм «айтишника» на самом деле сродни ультрагедонизму типичного агента массовой культуры: их общим знаменателем является сознательное отрицание значимости, ценности *границы* в человеческом

и общественном бытии. *Граница, предел – фундаментальные конституирующие элементы самой культуры.* А семья в этом отношении является давно сложившимся способом «опосредствования» таких границ в личном опыте.

Обратим внимание на то, что Флорида предлагает ввести в научный оборот современного «прогрессивного» общества «гей-индекс» – показатель креативности и открытости урбанизированного жизненного мира. «Есть несколько причин, по которым “Гей-индекс” может служить хорошим показателем разнообразия. Гомосексуалисты подвергались особо жесткой дискриминации. Попытки геев интегрироваться в общество сталкивались с серьезным сопротивлением. В некотором смысле гомосексуализм остается последней не до конца освоенной территорией на карте разнообразия; соответственно, там, где общество принимает геев, другие категории людей также могут рассчитывать на терпимость. ...Геев можно назвать “канарейками креативной эпохи” [здесь Флорида ссылается на Билла Гейтса]. Поэтому открытость по отношению к гомосексуалистам является хорошим показателем низких входных барьеров для человеческого капитала, которые так важны для поощрения креативности и роста высоких технологий».⁴⁰ За подобным толкованием «терпимости», «открытости», «нестандартности», на наш взгляд, скрывается не что иное как внутренняя нравственная опустошенность, психологическая дисгармония, и тотальная экзистенциальная *лень, наслаиваемая на социальный инфантилизм.* Тот же гомосексуализм ведь на самом деле это яркий пример того, как человек отказывается работать над самим собой.

Семья тоже есть опыт жизненного подвижничества. И не только как необходимость заключения брака и последующего рождения/воспитания детей, но и как путь сохранения связи «я» с другими людьми, как опыт восприятия, сохранения и приумножения *культуры семейности* (термин «культура» в данном случае подходит как нельзя лучше; его этимологический корень – «возделывание» – как раз раскрывает смысл ценностного отношения человека к

⁴⁰ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – С. 282.

семье: за семьей как формой со-бытия нужно ухаживать, возделывать ее, беречь). *Семья – это опыт обмена.* Он невозможен без самоотдачи индивида. Но именно в семье любая самоотдача приводит к получению определенного результата. Пусть не всегда прямого возврата в виде материальной или символической ценности, вещи, услуги, но всегда в виде глубокого внутреннего удовлетворения, схожего с наслаждением, которое испытывает художник, работающий над своим «текстом». Жизнь семьи и культура семейности – тоже есть своеобразный текст, *общее письмо и общее чтение.*

Как показывает практика последнего времени, ни создание институциональной основы развития семьи, ни господдержка материнства и детства, ни другие меры популяризации семейного образа жизни, наконец, ни даже законодательное закрепление нормативной семьи, в основе которой союз именно мужчины и женщины, ничего не приводит к преодолению кризисных явлений в развитии самой семьи. Кризис семьи сегодня – это кризис ценностного, смыслового восприятия семьи как желаемого образа жизни, как способа формирования личной идентичности и как особой этико-эстетической сферы, в которой цельное мировоззрение индивида достигает собственного предела (завершения и приятной осознанной гармонии).

На это ценностное восприятие семьи как желанной формы самоутверждения человека в обществе в условиях массовой культуры и сильного влияния прозападной неолиберальной идеологии большое влияние оказывает стилизация и идеализация различных ненормативных, нетрадиционных форм семейных отношений. Начиная с тех, что признают доминирование традиционной биполярной схемы «мужчина + женщина», но делают крен в сторону институциональных новаций (сожительство, т. н. «гражданский брак», гостевой брак и иные известные сегодня модные практики) и заканчивая экзотическими нетрадиционными отношениями, апеллирующими к т. н. «гендерной идентичности», «гендерному партнерству» и пр. В их числе однополые отношения и различные вариации полиандрической или «шведской» семьи (европейский и российский сегмент социальных сетей изобилует

объявлениями «семейных пар» о поиске второй «семейной пары»: муж-жена + муж-жена и т. п.).

Достигается ли понятная абсолютному большинству современников конечная цель семейного строительства в тех нетрадиционных формах брака или семьи, которые сегодня в западном мире рассматриваются как прогрессивные с точки зрения «уважения прав» личности и ее свободы? В российском обществе из таких ненормативных практик уже давно широкое распространение получили «гостевой» брак и «гражданский брак». Фактически, отношения мужчины и женщины, не скрепленные внутренними нравственными и правовыми обязательствами. В чем их основное отличие? С точки зрения кризисности семьи в нынешних условиях – в полном игнорировании культуры семейности. Получают ли «гостевые» или «гражданские» супруги удовлетворение от подобного союза? Ну, видимо, в какой-то степени и в определенном смысле да. – Сексуальное, эмоциональное, коммуникативное. При этом ценность семьи как семейности остается за гранью такого опыта. Индивидуальное пространство и индивидуальные смыслы доминируют над обоюдными. Желание семьи в любой такой нестандартной форме отсутствуют: именно *нежелание* семьи диктует необходимость поиска новационных форм общения мужчины и женщины.

Если же нетрадиционные формы «семьи» используются представителями сексуальных меньшинств для организации некоего подобия семейной жизни (особенно в тех странах, где официально однополые браки не легализованы), то здесь вопросов возникает еще больше. И главный из них – не противоречит ли сама форма семейной жизни подобным экзотическим практикам и союзам? Исторически семья сложилась как способ реализации отношений разных полов. Конечно, сексуальная сфера – неотъемлемая часть этих отношений (если говорить о том, что представители меньшинств ищут способ объективировать свои интимные предпочтения). Но странным оказывается другое. Нетрадиционное *содержание* семейной жизни (это касается и гостевого брака мужчины и женщины, и «шведской» семьи и других практик) стремится к вполне объективной и общепризнанной *форме* семейности и тем ключевым ценностям,

которые свойственны именно нормативному союзу мужчины и женщины (и детей). А именно: супружеская верность, готовность быть не только «любовником», но и «другом», помогать и т. п. Во всяком случае, если проанализировать сетевые ресурсы, в основном используемые с целью поиска нестандартных семейных отношений, то очевидным становится обозначенный запрос.

Таким образом, даже свободные формы «любви» и отношений, получившие, конечно же, массовое распространение в современном обществе, не могут уйти от традиционных ценностей семейной жизни. Главное, на что делается акцент, это свобода от обязательств внешних и нравственных. Поэтому такие ненормативные формы отношений вряд ли можно назвать новационным методом *семьестроительства*. Строительство семьи как личный проект двух «я», как общность выбираемого пути и как его ценностное измерение – основан на определенном труде и готовности идти на компромиссы. Современные же «свободные» формы отношений, как представляется, свободны вовсе не от господствующих в обществе вполне нормативных представлений о том, что семья представляет собой определённые взаимные гарантии. Свобода в такой практике – это свобода от готовности создавать, творить, работать, искать взаимность и т. д.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о том, могут ли нетрадиционные формы отношений полов рассматриваться как альтернатива институту семьи, следует признать необоснованность таких претензий. Если «новая» семья свободна от правил брачного и/или репродуктивного поведения, а такая свобода как раз и педалируется в таких заявках, то что остается в ней в качестве связующего элемента? Личное эгоистическое стремление отменить всякие границы. Потому нетрадиционная семья и лишена жизненного потенциала; она избегает диалектики семейной культуры.

Следует отметить, что в современном публичном и виртуальном информационном пространстве, особенно в связи с качественным расширением орбиты влияния сетевой коммуникации и интеракции в молодежной и даже

детской среде, популярность нетрадиционных форм отношений полов и семейной жизни только возрастает. Что само по себе свидетельствует, очевидно, о двух фактах: а) невозможность пока преодолеть кризис традиционной семьи и семейности как кризис личного выбора и ценностной установки; б) дисгармония семейности как формы коммуникации и сферы самовыражения личности и самого модного ныне «цифрового» пространства обмена между людьми, не требующего «истинной» самоидентификации «я» и рассчитанного изначально на практически ничем не ограниченную свободу общения, представления, поиска и потребления. *Возможен ли прочный равноправный союз традиционной (классической) семьи и безграничного пространства мировой «паутины» – большой вопрос!*

Во всяком случае, на сегодняшний день можно смело говорить о том, что интернет-пространство и, шире, «*smart-space*» или «*digital-space*», активно превращается в средство манипуляции массовым сознанием с целью распространения именно постмодернистской неолиберальной идеологии, направленной на обесценивание традиции как онтологической основы и стратегии поступательного эволюционирования общества, сохранения его внутренней ресурсной базы (нравственного кода и пр.).

Большие сомнения и опасения, связанные с ростом влияния цифровых технологий и Сети в связи с осуждением кризиса семьи в современном мире, связаны в первую очередь с пока нереализуемой практически возможностью обнаружения некой «точки равновесия» между пользой интернета в воспитательно-образовательных целях и его же вредом. Процесс цифровизации коммуникации неизбежен и носит абсолютно объективный характер. Ни время, ни историю нельзя обратить вспять. Современное поколение детей и подростков, рожденных уже после 2000-го года, – это «цифровое поколение». На формирование его идентичности прямое влияние оказывает вовлечение в общение виртуальное, сетевое. «Улица» сегодня заменена «блогами» и стримингом. Виртуальное пространство воспринимается подрастающим поколением как продолжение пространства физического; имидж и статус,

существующие *там*, часто влияют на принятие решений *здесь*. Что естественно накладывает отпечаток и на внутрисемейные отношения.

Стандартный контент детей-подростков включает в себя, как правило, виртуальные игры, порнографические материалы (причем разного свойства), а также ресурсные базы информации, которой современная школа обязует овладевать. Очень характерным знаком текущего времени становится массовый «блогинг»: вся жизнь превращается в «он-лайн» трансляцию для соответствующей аудитории. Если классическая культура была культурой немногочисленных авторов и многочисленных читателей, то теперь ситуация кардинально изменилась: абсолютно каждый гражданин может стать *автором*, просто взяв в руки смартфон и/или зайдя на собственную страничку в той или иной Сети или видеохостинге. Подобная ситуация накладывает прямой отпечаток на традицию семейного воспитания и образования. Диффузия границ авторства в культурном и социальном пространстве неминуемо девальвирует иерархические структуры. А без них воспитание то ли как процесс передачи нормативной оптики жизни, то ли как демонстрация личного опыта воспитующего, оказывается просто бесполезно.

Если говорить о государственной политике в области регулирования подобной «цифровой» жизни, то пока дальше ограничений, цензуры и правовых рамок дело не продвинулось. На наш взгляд, проблема как раз и заключается в том, что Сеть активно отнимает у современной городской семьи пространство личного опыта и смыслополагания. Для активного молодого юноши или девушки, проживающих с родителями в уютной городской квартире в соответствии с ритмом чередования работы/выходных/праздников/учебы/каникул, весь этот семейный быт становится блеклым и не интересным. А вот виртуальное общение и опыт там обретают вполне ценностное значение. Оградить подростка от такого опыта абсолютно – вряд ли можно и не нужно. Но внести коррективы могла бы как раз нормализованная насыщенная *семейность* как опыт коммуникации и обмена.

Для культуры семейности захват личного пространства Сетью чреват помимо проблем сугубо воспитательного (педагогического) характера также проблемой превращения для активного пользователя Сети своей семьи в один из вариантов «он-лайн» *аудитории*. Однако семья в качестве аудитории теряет многие свои первичные и ценностные грани. Как точно отмечают американские авторы известной книги «Дети цифровой эры», «Юношам и девушкам труднее контролировать свою цифровую идентичность даже по сравнению с теми людьми, которые меньше пользуются цифровыми технологиями. Это объясняется тем, что информационные технологии представляют собой неотъемлемую часть жизни цифрового поколения, а также тем, что новые социальные стандарты предписывают обмен информацией о друзьях во время общения в сети Интернет. Подобное положение дел имеет серьезные последствия для безопасности и неприкосновенности частной жизни этих людей. Если сложившаяся тенденция сохранится, последствия с течением времени станут еще более серьезными»⁴¹. Во всяком случае, со стороны Сети семейность испытывает влияние на уровне структурирования семейной памяти (ее трансформация в некое условное «цифровое досье» на каждого члена семьи) и особой эстетики совместной семейной жизни. Сама семья не может полностью трансформироваться в виртуальную группу. Она остается реальной. Но на уровне воспитания восприятие ребенком реальности по ту сторону экрана смартфона становится ощутимым фактором.

Молодой человек воспринимает ценность собственной идентичности сквозь призму категорий цифрового мира; на семейность влияет стремление сохранить или огородить «свой мир» от вмешательства чужих или просто неприятных пользователей. В отличие от эстетизированной семейности как практики культурной коммуникации и как опыта самосознания «я», виртуальная коммуникация саму потребность в общении не насыщает, а лишь возгоняет. И именно по этой причине семья и семейная жизнь постепенно утрачивает значимость в сознании пользователя. Семейная коммуникация воспринимается

⁴¹ Пэлфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2011. – С. 54.

как менее креативная, менее открытая, как некий барьер для личностного саморазвития и самоутверждения. Кроме того, не следует забывать и том, что замещение реальной коммуникации виртуальными формами приводит, особенно в молодом возрасте с его гиперсексуальностью и обострённой чувствительностью, к искажению смыслов взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Что также впоследствии отражается на развитии половых контактов между будущими партнерами и рассогласовании внутрисемейной гармонии.

1.3. Традиционные семейные ценности в условиях современности:

устойчивость и изменчивость

По результатам исследования возможности замены института семьи в современном обществе как варианта решения кризиса традиционной семьи и семейных ценностей, мы пришли к выводу, что практически реализуемый поиск каких-то «свободных» форм отношений в семье сам оказывается в плену представлений об институциональных формах семейной жизни. Что в полигинической (полиандрической, полигамной) семье, что в однополых отношениях (а также в их современных экзотических сочетаниях), смыслы семейного существования, связанные с такими аспектами как верность, поддержка, эмоциональная расположенность и мн. др., сохраняются, равно как и ожидания со стороны вступающих в подобные нетрадиционные связи индивидов по отношению к встречной общественной оценке и социально значимым функциям государства. Косвенно, данная ситуация также подтверждает тезис о рассогласовании в современном обществе формы семьи как нормативно заданного способа существования и культуры семейности.

Вся современная культура характеризуется высокой степенью неопределенности, диффузией границ некогда устойчивых типов мировоззрения, ценностей, отношений и связей между людьми. Если мы говорим о кризисе традиционной семьи сегодня, то вопрос о ценностном регулировании жизни

такой семьи – это прежде всего вопрос о том, сохраняются ли традиционные ценности (видоизменяются) или уходят в прошлое окончательно, уступая место новым смыслам. Можно ли при этом говорить о том, что смещение ценностной сферы в область инструментальной жизненной «рациональности» и есть новая почва семейного жизнестроительства? Например, решение жилищного вопроса для подавляющего большинства современных российских семей, составляющих «среднее» звено социальной структуры, является очевидной ценностью-целью, которая подчиняет себе порядок жизни, семейный быт, содержание отношений супругов, родителей и детей. В таком своём статусе и качестве «жилищный вопрос» нередко рассматривается как безальтернативный «вход» в счастливую семейную жизнь. По этой причине, как свидетельствуют данные социологических исследований и мониторинга, господдержка в данном вопросе, в том числе материнский капитал, льготные формы ипотечного кредитования и др., рассматривается населением как важнейший индикатор участия государства в нуждах рядовых граждан. В то же время, можем ли приравнивать культурный статус семейного жилья («дома») современной супружеской пары и статус жилья в традиционном обществе (как сквозной универсальный тип ценностей семейной жизни)? Очевидно, нет. Аналогично и все иные модусы, выражающие материальную основу и источники существования человека в семье.

Понимание кризиса семьи как кризиса культуры семейности как раз и способствует раскрытию смыслов изменения ценностного измерения жизни среднестатистической российской семьи. – Сложившаяся еще в советское время практика подмены культуры семейности культурой быта (уровня и качества потребления) в городской среде в ситуации кризиса социально-экономической сферы на рубеже веков обернулась замещением семейности как совокупности форм совместной жизни, коммуникации, ценностей, «семейностью» как стремлением нарастить материальную основу благополучной жизни (в первую очередь новой молодой семьи, отделяющейся от семьи родительской). Как итог – усугубление кризиса семьи, рост числа разводов и иные негативные тенденции, на фоне растущей поддержки семьи как с точки зрения ее стартовой жизненной

площадки. В том-то и дело, что никакая государственная поддержка не может реинтегрировать *бытие семьи*, скрепляемое не «квадратными метрами», а именно ценностно-смысловым отношением членов семьи к собственной выбранной форме совместного судьбостроительства. Семья как осознанный и свободный *стратегический* выбор личности – то, что и составляет основу семейности, – есть выбор совокупности таких установок в жизни, которые *авторскую* позицию «я» (жизнь или судьба как результат личного проектирования, некоего «сценария») реализуют предметно только в *диалоге* с другим (другими) «я», близкими родственниками (мужем/женой/родителями/детьми).

Кроме того, следует понимать, что вопрос ценностей семейной жизни – это не вопрос психологии или педагогики (хотя роль семьи в обществе чаще всего и обсуждается на профильных педагогических или психологических площадках). Модные ныне практики семейного консультирования, различные сетевые семейные «форумы», ссылаясь на те или иные положения теоретических психоаналитических и философских разработок европейской мысли XX века, пытаются словно компенсировать деструкцию семейности, внутренний вакуум смысловой сферы различными пропагандируемыми или просто тиражируемыми в соответствии с рыночной целесообразностью различными имитативными формами «обладания» – обладания счастьем, любовью, дружеским пониманием и поддержкой, удовлетворенностью в коммуникации, в интимной сфере (сексуальной) и т. д. Проблема усугубляется тем, что фактический «провал» социокультурной сферы 90-е годы как сферы изначально и онтологически именно смысловой, не был возмещен восстановлением (возвратом) досоветских исконно российских правил «домашней» жизни. Критерии карьерного успеха, финансового обогащения, профессиональной состоятельности, «признания» в той или иной социальной группе, стали рассматриваться в том числе и на уровне семейной жизни как ключевые ориентиры. Сама семья превратилась в *функцию* по обеспечению минимально необходимых стартовых позиций в жизни

взрослеющего мужчины или женщины. Такова была участь института брака и родительства.

Эти и другие обстоятельства позволяют уверенно говорить о том, что кризис семьи в современном обществе как кризис ценностного измерения в жизни любого человека не является кризисом смены одной аксиологической парадигмы другой. Можно предварительно сформулировать вопрос, ответ на который, по-видимому, будет еще корректироваться самим временем и текущими изменениями в жизни нашей страны и всего мирового сообщества:

- могут ли ценности семейной жизни, семейного бытия и быта, быть не традиционными, какими-то иными? Если речь идет о семье как исторически сложившемся способе реализации культурно и природно заданной жизненной программы человека, предполагающем союз мужчины и женщины, а также их детей.

Главная проблема современного западного и российского общества с этой точки зрения – это дисгармония семьи и семейности как типа культуры и коммуникации. Ненормативные же практики выстраивания союза мужчины и женщины (и тем более однополые отношения) сталкиваются с противоречием между ценностями семейной жизни и желанием утверждения личной свободы. Собственно, нетрадиционные семейные отношения тем и отличаются, что сознательно избегают семейности как культуры взаимных обязательств – нравственных, нередко имущественных, хозяйственно-бытовых, наконец, эстетических. Семья как институт, как скрепленная брачными или родительскими (или братско-сестринскими) узами общность нескольких людей (родственников) еще не является в современном обществе ценностью. Ценностью ее наделяет именно коммуникативное, семиотическое, одним словом, культурное измерение. Оно, несомненно, опирается и на отношения мужа/жены, и на воспитание подрастающего поколения и на уважение к старшим, но всякий раз оставляет вне зоны институционализации эмоционально-чувствительное и лично-заинтересованное восприятие совместной жизни.

Обсуждение инвариантной сущности и трансформации традиционных семейных ценностей в современном обществе позволит ответить на поставленный выше вопрос лишь частично. Главная и глубинная причина заключается в следующем.

Генеральный вектор цивилизационного процесса, насколько о нем можно объективно судить, опираясь на данные исторической науки (включая палеоантропологию и археологию), сквозь призму семейной тематики, предстает как индивидуация и обособление семьи. В эпоху модерна, зарождения и развития промышленного типа производства, изменения положения городского образа жизни и городского населения в общей структуре общества, индивидуация семьи, как уже подчёркивалось выше, шла амбивалентно: 1) как укрепление двухпоколенной небольшой семьи, привязанной ментально, экономически, юридически именно к городу и 2) как рассогласование семьи и семейности как типа культурной коммуникации, основанной на ценностном выборе личности. То, что мы наблюдаем в постмодернистской массовой культуре и обществе постиндустриальном, в этом отношении является продолжением данного процесса отпочкования семьи как социальной общности от более крупных структур. Сама ключевая связь между процессом трансформации семьи и динамикой общества проходит именно по линии, выражающей социально-политический, экономический, коммуникативный *прогресс*. С чем и связана одна из ведущих иллюзий контрсемейного (посттрадиционного) неолиберального дискурса – представления о том, что и сама семья может быть заменена более «прогрессивным» способом реализации жизненной программы индивида. Как будет складываться в будущем оценка семьи как института нормативного и соответствующего традиционного образа мышления, мировоззрения, на уровне общественно задаваемых и индивидуально считываемых ожиданий, будет зависеть в том числе от вектора развития всей структуры современного общества. На сегодняшний день очевидно, что культурная «отмена» города не произойдет. Более того, такая отмена может быть подобна социальному шоку и травме. Анализ и прогноз, видимо, должен идти в направлении отслеживания

динамики города и городского образа жизни (городского хронотопа), в котором все большую роль сегодня играют сетевые структуры коммуникации и обмена.

Существует ли в таком городе некий предел миниатюризации семьи? Если ее укрупнение (по основанию межпоколенной связи) объективно затруднено в урбанизированном мире. С юридической точки зрения семья как институт вполне гармонизирует с сужающимися жизненными рамками (территориальными, коммуникативными, ролевыми и др.). Подтверждением является широкое практическое применение понятия семейной «доли» в чем-либо (имущество, наследство, доля участия в воспитательном процессе, если после развода между бывшими супругами нет согласия относительно общности детей). – Неолиберальная идеология говорит нам: *такого предела нет*. И современная практика Европейского союза в плане правового закрепления различных ненормативных форматов отношений в семье это подтверждает.

Достаточно привести пример правового оформления статуса ребенка. Ребенок все более и более превращается в партнера родителей, что, конечно, приводит к деформации не только молодой психологии, но и ценностного отношения к семье и семейности. *Партнерство* родителей и детей, во всяком случае, пока дети остаются психофизиологически *детьми*, является одной из угроз культуре семейности, заметно нарастающих в некоторых современных западных сообществах. Глобальные цели этого негативного процесса вполне понятны и связаны с совершенствованием скрытых механизмов манипуляции населением, массовым сознанием, его подчинением, репрессивным контролем и т. д.

Главная же опасность заключается в том, через отмену ценности детства и его важнейших экзистенциальных смыслов путем правового регулирования статуса членов семьи и пропаганды свободы каждого, подвергается разрушению не просто семейность, – демонтируется сам, исторически и генетически исходный механизм *преемственности* культуры. Механизм, в котором огромную роль играет онтология опыта, примера, повторения, научения, образования. Без ценности детства аффирмативная составляющая культуры существенно теряет.

Ценность детства зримо выражает ситуацию *границы* (предела) – онтологически необходимую в процессе формирования нравственности, личностного самосознания, без которых в свою очередь невозможна социальная зрелость человека, а, следовательно и ответственность, и свобода, и жизнеутверждающее творчество. Ценность детства – это не просто ценность *начала* жизненного пути в хронологическом смысле слова. Детство как *опыт* является необходимым условием формирования автобиографического нарратива индивида и в этом смысле без детства культура семейности как живой поток, как мотивационный импульс, как переживание *Моего Мира*, невозможна. Конечно, на то, как складывается данный опыт, влияет и жизненная среда, внешняя обстановка. Детство, прошедшее в роскошной дворянской усадьбе с большим садом и кучей нянек и детство, проведенное в маленькой городской квартире со строго размеченным жизненным расписанием, – это разное детство. Но его *эта* разность очевидна для взрослых, а не для самого ребенка. Мир глазами ребенка обладает своим особым измерением, своей загадкой и своим неповторимым волшебством, которые недоступны зрению взрослого. Семья может начинаться и не с детства – с брака, с требований традиции или общества, но семейность – во многом покоится на ценности начала. Ценность и смысл начала обретаются не в союзе мужчины и женщины (мужа и жены), а в *кругу* семьи. Чем крепче семейность, тем больше возможности у взрослеющего индивида определить себя и собственное авторство жизненного пути. Присвоение авторства открываемого Мира и Пути – невозможно без обретенного начала этого пути.

Что касается нашей страны, равно как и других обществ и государств, отстаивающих не только политико-экономический, но и культурный, ментальный, ценностный суверенитет, то единственным способом, как представляется, сохранить семью в ее традиционном качестве и роли в жизни как индивида, так и общества в целом в условиях неотменяемых трендов постиндустриальной урбанизированной эволюции является укрепление (во многом требующее даже возрождения) не просто ценностей, составлявших веками основу семейной жизни – брачных отношений мужа и жены, родителей и

детей, а также сопутствующих факторов гармонизации внутрисемейной коммуникации, а самой культуры *семейности*. Семейность как культура *формы* (архитектоника семьи) – не идентифицируется пространственно или структурно-функционально. Семейность существует на уровне образов, смыслов, сюжетов, нарративов, отношение к которым составляет внутреннее звено опосредствования уже взрослого индивида, основу его самосознания. Семья – это то, от чего человек отталкивается, из чего он исходит (и выходит в юном возрасте); семейность есть то, к чему человек возвращается. Семья индивида образует, воспитывает, направляет.

В любом случае все традиционные ценности связаны именно с динамикой культуры семейности, с семьей в ее исторически изменчивом качестве (от патриархальной «большой» семьи, привязанной к соответствующему типу социальной структуры и производства, к постиндустриальному, городскому). Сама по себе тема семейных ценностей в текущем социально-политическом и культурном контексте является одной из ключевых призм оценки состояния нравственности общества, его духовного здоровья, внутренней цельности и опоры свободы и уверенности в дне завтрашнем.

Можно ли предложить абсолютно исчерпывающий перечень традиционных семейных ценностей? (хотя бы даже в целях методологического структурирования исследования). – Вряд ли. И прежде всего потому, что само ценностное восприятие семейной жизни каждым человеком не может быть полностью переведено на язык статистического отчета, протокола, и не может быть подвергнуто окончательной научной редакции (или, тем более, цензуре). Исследование семьи как института и как типа культуры, не преследует цель создания некоего абсолютного идеала семьи. Можно рассматривать лишь исторически, цивилизационно, географически, этнически конкретные преходящие формы и нормы семейного типа существования. А для каждого человека идеальной всегда является именно *его* семья – семья существующая или уже реально, как предметно реализованный личный сценарий, проект или же как только полагаемый горизонт, цель, к которой он стремится и реализует поэтапно

(мужчина создает семью, объединяясь узами с любимой женщиной, у них появляются впоследствии дети, они создают семейное гнездо, рожают и воспитывают детей, строят «дом» и т. д.).

По этой самой причине перечень семейных ценностей, несмотря на весь свой известный «сквозной» универсализм, носит всегда индивидуальный характер. Кроме того, кризисные явления в семейной жизни современного человека говорят о том, что семейные ценности хоть и претерпевают изменения, но в них сохраняется определенный инвариант. – То нечто устойчивое, что позволяет говорить о преемственности традиции семейственности как ведущей социальной и экзистенциальной стратегии индивидов. Ведь, несмотря на общий социокультурный кризис и иные негативные характеристики современной массовой культуры с ее деструктивными тенденциями и культурами, несмотря на статистику семейных разводов и «брошенных» детей (а также стариков, больных, инвалидов, людей, утративших психофизиологическую или социальную дееспособность), все-таки именно создание *своей* семьи выступает для подавляющего большинства населения значимой целью и аргументом в проектировании того или иного сценария.

Еще с далекого прошлого известны основные семейные ценности, когда преобладающим типом семьи была «большая» патриархальная семья-община (многопоколенная, с четкой иерархической структурой, привязанной к идентичности мужчины и женщины в их природном и социальном функциональном и смысловом разделении). К ним можно отнести:

– супружескую верность (предполагающую ценности и смыслы любви, коммуникативной удовлетворённости в браке, гармонии и удовлетворённости в регулярной сексуальной жизни мужа и жены и пр.);

– общественное (со стороны) одобрение брака как определенного выбора мужчины и женщины;

– многопоколенность и межпоколенность (без чего проблематичны общность семейного домовладения, хозяйства, быта, а также процессы семейного воспитания и образования и пр.);

- уважение к старшим (и иерархичность) или, иными словами, ценность родительства, ценность рода, «фамилии»;
 - репродуктивность и оптимальную детность (по количеству детей);
 - отдельно следует указать на ценность самого детства, не являющуюся социологической или правовой категорией;
 - любовь и верность близких родственников, взаимную поддержку и помощь;
 - общность места проживания (в этом отношении гостевой брак не соответствует традиционным представлениям о смысле семейной формы жизни).
- Не случайно в этимологии русского слова «семья» присутствует древнерусский элемент «*семинь*» и «*сечь*»,⁴² который впоследствии стал означать «домочадец», привязанный к дому, очагу, к «*братии*», т. е. *семерым*.

Можно сказать, что взаимность и единство в толковании семейного прошлого и *желаемого* семейного будущего также являются семейной ценностью.

К числу традиционных семейных ценностей в известной степени можно отнести и ценность *повседневного* быта (с определенными оговорками, так как известный исторический опыт советского семейностроительства говорит о том, что далеко не всегда культура быта способна стать благодатной почвой взращивания культуры семейности).⁴³

Для современной неклассической культуры повседневность вообще является одной из ключевых координат и как таковая образует первичную сферу

⁴² Фасмер М. Семья // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / Пер. с нем. и допол. О. Н. Трубачева. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. – С. 600.

⁴³ В современных отечественных исследованиях имеются и иные классификации семейных ценностей, в которых акцентируется не только коммуникативное, культурное измерение роли семьи, но и институциональное. Например, А. В. Ковалева предлагает следующую модель: «Группы семейных ценностей этического значения: – единство; – защищенность; – ответственность. Группы семейных ценностей функционального значения: – дети, родительство; – любовь и забота; – реализация себя в передаче собственного мировоззрения и жизненного опыта; – здоровый образ жизни, оптимальная среда существования; – экономическая стабильность, общее имущество, фамильные ценности; – морально-нравственные устои; – внутрисемейное общение, духовное обогащение; – семейный статус (супруг, родитель); – отдых с близкими людьми; – счастье, любовь; – упорядоченные сексуальные отношения. Группы семейных ценностей правового значения: – защита государством; – обязательства; – права» (Ковалева А. В. Интерпретация системы семейных ценностей и ее компонентов в современном обществе // Ученые записки ТОГУ. 2010. Том 2. № 1. – С. 35 [Электронный ресурс] - <https://pnu.edu.ru/ejournal/pub/articles/72/>).

опыта, в которой формирование и функционирование практически всех основных ценностей происходит, что называется, *впервые и непосредственно*. Повседневность в этом отношении можно обозначить как один из ведущих факторов становления и динамики культуры семейности. Жизнь семьи, причем, абсолютно любой семьи и в любые времена, в любых социальных группах и регионах, протекает повседневно (каждодневно, ритмично), а значит она опирается на структуры *повторяющегося*, однообразного, в чем-то рутинного, опыта. Часы, дни и более крупные отрезки семейной жизни во многом схожи между собой. В этом опыте присутствуют лакуны иных граней – праздники, мгновения счастья и горечи (рождение или смерть близкого, например), путешествия, творческие лабораторные опыты и другие превращения повседневности во что-то противоположное ситуации повторения и привычки.

Возможна ли гармония между семейностью и повседневностью? – Да! Но при одном условии – если сама *эстетика повседневности* будет выступать конституирующим элементом содержания семейного бытия-быта. Как раз отсутствие этого условия, или его серьёзная деформация, были одной из основных характерных особенностей жизни подавляющего большинства постсоветских (российских) семей. Один из признаков нарушения гармонии повседневности и семейности – это превращение семейности в *привычку*. Повторение как онтологическая «модель» ситуации семейности вовсе не обязательно влечет за собой действие привычки. Повторение и привычка – это разные вещи. Привычка способна поглотить индивида, растворить его ограниченное «я»; повторение же определенным образом настраивает индивидуальное событийное течение жизни.

Повседневность и семейность близки друг к другу именно как ситуации *присутствия* (одно из выражений эстетизма семейности как типа культуры). В семье всё всегда происходит, можно сказать, «лицом-к-лицу» (внутри семьи «зрители» и «актеры» часто, не всегда и не обязательно, но часто, меняются местами, могут даже вступать в определённые игры друг с другом). Семейное присутствие как некая ситуация или событие не переводимо на язык правового

статуса членов семьи или целой фамилии. Сама данная событийность, открытость, *непосредственность* и есть то ценное, лично значимое для каждого в семье, что оказывается востребовано внутрисемейной коммуникацией. Семья сама является частью повседневного опыта и в этом смысле представляет собой фундаментальную «естественную установку» человека и его сознания (используем в данном случае термин феноменологической парадигмы в социологии и интеракционизме). В этом опыте присутствия расстояние физическое (например, обусловленное количеством квадратных метров в городской квартире или большой деревенской усадьбе), пространственная морфология и структура (того же жилья) пребывают в «снятом» виде: они превращены в семантические поля и коды, исполненные совсем иного содержания, открывающегося лишь в совместном семейном чтении. Не случайно статус повседневности в неклассической философии новейшего времени чрезвычайно высок (традиция феноменологической философии прежде всего).

Близость повседневности и семейности выражается еще и в том, что в обоих модальностях определяющей является личная (интимная) выразимость смыслов и доступность вещей. Ни повседневность, ни семейность нельзя перевести на язык цифр или протокольной биографии. Биография – в отличие от автобиографического повествования – всегда объективирована, отчуждена от «я». Семейность же – сохраняет и умножает авторство, причем именно в диалоге с другими такими же «я» (*семья – это семеро я*). И хотя в повседневности как определенном повторяющемся *порядке жизни* есть элемент нормативности (который впоследствии также может быть подвергнут институционализации, если мы вспомним определение Т. Бергера и Н. Лукмана: «На практике наиболее важная часть хабиитуализации человеческой деятельности сопряжена с процессом институционализации. И тогда встает вопрос, как же возникают институты. Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая

такая типизация есть институт»⁴⁴), содержание повседневного опыта остается преимущественно внедискурсивным. Оно доступно и понятно на уровне интуиции, чувства, тактильности, эстетики форм, слов и вещей. Аналогично знанию семьи и знанию семейному. Строго говоря, человека нельзя по-школьному научить такому знанию.

Отношение повседневности к другим семейным ценностям можно охарактеризовать еще и так, что все эти ценности (супружество, детство, помощь и поддержка, диалог поколений и пр.) становятся очевидными реальностями именно в повседневном опыте индивида. Чтение произведения любимого писателя может составлять часть культуры семейности, но никакая книга и никакой автор не содержат в себе готовый рецепт семейности как архитектурной опоры конкретной реальной семьи. Семейность нельзя скопировать. О ней можно прочитать, но ее нельзя воспроизвести по чужим лекалам. Знакомство, даже близкое, с чужим опытом семейности может составлять момент обретения индивидом собственной семейности. – Характерная особенность живой семейной культуры, подчёркивающая большую роль автобиографического нарратива в ней. В семейности сильны «мы-память» и семейная история; но семейность не редуцируема к заранее известному или написанному сценарию.

Добавим также, что для современного российского общества именно сочетание семейности и повседневности является симптоматичным и характеризует положение отдельной семьи в обществе, ее кризис и поиск выхода из него. Социально-культурный кризис, шок, который пережила страна с крушением советской государственности, обернулся массой проблем для всех без исключения граждан. Наиболее болезненно пережила это травмирование именно семейная культура и культура повседневного быта. Помимо сугубо материальных проблем (как известно, в 1990-е годы они доходили в немалом количестве российских семей до состояния нищеты), была разрушена,

⁴⁴ Бергер П., Н. Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Academia-Центр» «МЕДИУМ», 1995. – С. 92.

фактически, *срединная* жизненная область общества. А культура повседневности носит именно такой характер «среднего» звена. В силу разрушения его внешних опор (со стороны общества и государства), а также отсутствия внутренних ресурсов, повседневная жизнь для большинства оказалась опытом совладания с повышенными рисками, тогда как стабильность была вынесена за скобки текущего момента в качестве иллюзии, искомого неизвестного. Сегодня в нашем государстве предпринимаются огромные усилия по выведению повседневного существования из зоны отчуждения и риска. Но для окончательного решения вопроса как раз и требуется восстановить опыт семейной культуры как ценностный и актуальный предел личностной жизненной стратегии.

Исторически, в разных типах семьи преобладали свои ценностные установки, но их общий знаменатель можно выразить следующим понятием – *семьецентризм*. Именно семьецентризм, по нашему мнению, следует, видимо, рассматривать как наиболее всеобщее (универсальное) понятийное выражение всех семейных ценностей, независимо от их локации и генезиса. Подчеркнем, выражение именно традиционных семейных ценностей, то есть тех смыслов и форм существования, которые прямо или косвенно связаны с наличием *реальной* семьи в жизни человека.

Понятие «семьецентризм» удачно синтезирует в себе и функциональную нагрузку семьи как института и ее же культурное, семиотическое, эстетическое измерение. В современной исследовательской литературе разрабатывается социально-психологическое толкование семьецентризма, опирающееся в первую очередь на данные статистики⁴⁵. В контексте изучения культуры семьи и семейности в наше время семьецентризм необходимо представить как категорию культурологическую. А для этого как раз важно понять, в какой степени и каким образом семьецентризм как установка интегрирует в себе личностные аспекты социального существования, коммуникации, и сугубо общественные. То есть, другими словами, необходимо ответить на вопрос: может ли семьецентризм как

⁴⁵ Семьецентризм: миф или реальность? [Электронный ресурс]: коллективная монография / А. И. Антонов, А. В. Жаворонков, А. Б. Синельников [и др.]; Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2016.

ведущая ценность выступать ориентиром выхода из сложившегося кризиса семьи?

Следует отметить, что понятие «семьецентризм» в текущей традиции исследования современной семьи в рамках, ближайшим образом, отечественного социологического и психолого-педагогического дискурса часто взаимозаменяется понятием «*фамилизм*» (от лат. *familia* – семья). «Фамилистическая парадигма, раскрывающая понятие семьи, рассматривает ее, прежде всего, как исходный элемент общества. Фамилизм – термин, обозначающий направленность системы взаимосвязанных ценностей на семью и семейный образ жизни; на уровне общества, социальных институтов, общностей, групп, индивидов характеризует приоритет ценности семьи и детей перед всеми остальными ценностями»⁴⁶. Другой автор предлагает рассматривать фамилизм как интегральную систему личностных ориентиров и убеждений, для оценки которой должны применяться следующие критерии: «во-первых, критерий “Общая ценностная направленность личности”, представляющий собой совокупность устойчивых ориентаций, детерминирующих деятельность и общение личности независимо от наличной ситуации. ...Во-вторых, критерий “Развитость (широта) гендерно-ролевого репертуара личности”. ...в-четвертых, критерий “Личная ценность супружества” и критерий “Личная ценность родительства”»⁴⁷.

На наш взгляд, понятие «фамилизм» носит в большей степени именно социологический характер – основной акцент в нем делается на *функциональном* измерении ценностей (ценности предстают как регулятивы и нормативы). Да, в центре фамилистической установки семья как союз мужа и жены, родителей и детей, бабушек и дедушек. Однако в центре оказывается все-таки заинтересованное восприятие/отношение к функциям супружества-родительства-детства. Кризис семьи в таком ключе предстаёт как кризис

⁴⁶ Березовая А. Ю. Фамилизм как система ценностей российской семьи: региональный аспект. Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук 22.00.06 – социология культуры. Волгоград, 2017.

⁴⁷ Девярых С. Ю. Фамилизм как интегральное личностное образование // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы II международной научно-практической конференции 1–2 декабря 2011 года. – Пенза – Сургут – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 17-18.

функций того или иного компонента семьи. Семьецентризм представляется более предпочтительным понятием в контексте исследования кризисных явлений культуры семьи и семейности в нынешних условиях жизни общества. Отождествлять семьецентризм и фамилизм ни на понятийном (методологическом) уровне, ни на уровне реальной жизненной практики миллионов людей не оправдано. Главная причина – семьецентризм как интегрирующая аксиологическая установка непосредственно лежит в основе культуры семейности; связь культуры семейности и функциональной нагрузки супругов или родителей не является полностью обратимой. Семья как основа жизненного утверждения индивида может отличаться от нормативно прописанной общности. Культура семейности покоится на формах и способах внутрисемейной коммуникации и включает в себя, как было показано выше, не только роли членов семьи, но и определенные правила, вещи, семейные традиции, реликвии, память, толкование прошлого и предвидение будущего, единство семейного хронотопа и др.

Проблема современности и заключается в том, что деформировано ценностное восприятие функционально-ролевого измерения семьи в условиях нестабильной или вообще отсутствующей культуры семейности. Кризис может быть преодолен именно при условии восстановления внутрисемейных форм идентификации и коммуникации. Фамилизм же делает акцент на ценностном восприятии семьи с точки зрения ее функционального потенциала, который востребован в обществе индустриальном и постиндустриальном. Фамилизм, вполне вероятно, хорошо раскрывает грани кризиса семьи как явления социального порядка, но мало что дает в качестве источника понимания путей выхода из него, если говорить именно о современной «маленькой» городской семье. Осознаваемая молодыми людьми необходимость вступления в брак и рождения/воспитания детей неизбежно будет сталкиваться с проблемами психологической дисгармонии супругов и материальной необеспеченности (это – две основные причины массовых разводов в современной России). Решить данное противоречие, оставаясь в пределах такого круга понятий и аргументов –

задача со множеством переменных и неизвестных. Никакая научная модель или парадигма не в силах «изобрести» универсальную методику преодоления семейных конфликтов или поиска душевной гармонии молодой семейной пары.

Семьецентризм же как культурологическая категория фиксирует не процесс адаптации личности к нормативам и ролям внешне задаваемой или наследуемой в силу обычая/традиции общности (как микромоделю общества в целом), а маркирует внутренние источники в самосознании человека, его собственную готовность жить в семье и для семьи, но при этом не разрушая целостность и цельность собственного внутреннего мира, собственного «я». Только в этом случае, при наличии устойчивой внутренней самоидентификации по основанию связей и отношений с семьей, индивид будет сохранять свободу выбора как способ обретения ценности семьи (а не научение или предписание).

Кризис семьи как кризис удовлетворенности каждого члена семьи, например, ролью в брачных отношениях или родительских следует отличать от кризиса семейности. Когда сам по себе брак (как институт, интегрирующий определенные социоприродные функции, культуру совместного хозяйства или сексуальную жизнь, основанную на регулярности и постоянстве партнера) может вполне устраивать мужа или жену. Но при этом ценность семьи, не редуцируемая к браку или воспитанию детей, остается минимальной. Устойчивость традиционных ценностей потому и оказывается подвержена негативным социально-правовым или политико-экономическим процессам, что отношение личности к этим ценностям в условиях урбанизированного образа жизни постиндустриального общества получает почти всегда внешнюю интерпретацию. А проблемы психоэмоционального контакта/конфликта супругов рассматриваются как сугубо частные и не связанные с ценностным восприятием семьи как *целого*.

Предварительно резюмируя сказанное, можно обозначить несколько ключевых пунктов:

– «семецентризм», наряду с «семьей» и «семейностью», выступает важнейшей категорией философско-культурологического анализа культуры семьи в современном обществе;

– в отличие от социологического концепта «фамилизм» (очень близкого и этимологически и семантически), семецентризм синтетически выражает исторически накопленный опыт ценностного измерения семейной жизни именно в ситуации размежевания семьи как социального нормативного института и семейности как экзистенциально окрашенного интимно-заинтересованного опыта, как внутреннего момента самосознания личности, ее «возврата» в семью через процесс общественного признания и самореализации;

– семецентризм как общий интеграл традиционных семейных ценностей раскрывает возможный механизм сохранения или даже восстановления ценности самой семьи в условиях растущих противоречий общественного развития (увеличение свободного времени, женский труд и престиж карьерного роста, профессионального совершенствования и идентичности, гедонистические идеалы и прозападная идеология «свободной любви» и бездетного брака, хрупкость социальной инфраструктуры и общественных фондов потребления и пр.);

– в самом общем виде семецентризм и означает неравенство ценности семьи ценностям отдельных составных элементов семейной жизни или статусно-ролевых (институциональных) функций семьи – брака, родительства и т. д. *Семецентризм выражает собой вектор культуры семейности* – культуры ценностного восприятия формы семейной коммуникации, ее содержания, эстетики, смыслов и открываемых внутри миров. Если семейность как опыт есть архитектоника семьи, то семецентризм есть выражение принципа координации и интеграции семьи как типа общности.

Ярким показателем фундаментального значения данной тематики в нашей стране является то внимание, которое уделяется государством этой стороне жизни простых граждан и общества в целом. На открытии «*Года семьи*» в России 23 января 2024 г. Президент РФ В. В. Путин не случайно подчеркнул в своем

выступлении ключевую роль именно традиционных семейных ценностей: «Семья даёт нам понимание многих простых, но важных истин. Они в советах и напутствиях отца, во всепоглощающей любви матери, в заботе сестёр и братьев друг о друге, в тех семейных ценностях, которые можно глубоко осознать, впитать только в семье. И которые потом становятся теми нравственными ориентирами, помогающими разобраться в сложностях жизненного пути, поддерживают на этом сложном жизненном пути любого человека стать ответственным за себя, за свою семью и за судьбу Отечества. Семейные ценности воспитываются с детства и не обрываются за порогом родительского дома, воплощаются дальше в делах и поступках. ... Безусловно, семейные ценности консолидируют общество. ...Россия – это, действительно, огромная семья, можно сказать, семья семей. Ведь здесь столетиями в мире и согласии живут люди разных национальностей, а многообразие их культур, языков, обычаев не разделяет, нет, а, напротив, объединяет Россию. Потому что у нас общие ценности большой, дружной семьи, они делают нас более сильными, уверенными и сплочёнными»⁴⁸. Глава государства подчеркивает прямую связь семейных ценностей и ценностей общегосударственных, общенародных, что и подтверждает коренной характер традиционной семьи и семейности в культурном опыте нашей страны (и не только нашей страны).

Сформулируем опорный тезис, который и будет выступать призмой оценки и понимания изменчивого и инвариантного содержания семейных ценностей в современном российском обществе: *традиционные семейные ценности, объединенные семьецентризмом, не противоречат ценностям индивидуального саморазвития (самоутверждения) только при условии преодоления отчуждения семьи как формы существования, как института (как нормы) от культуры семейности.*

Во-первых, с наличием данного отчуждения, как уже неоднократно выше подчёркивалось, связана суть кризиса семьи в современном обществе. Именно

⁴⁸ Выступление В. В. Путина в рамках Всероссийского форума «Родные-любимые». Открытие Года семьи в России. [электронный ресурс] - <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297>

поэтому нередко традиционные семейные ценности рассматриваются сегодня как чуть ли не анахронизм, как дань уважения прошлому, но отнюдь не как актуальный (эффективный) инструмент достижения личного жизненного «успеха» и иных, модных в гедонистическом обществе постмодерна и культивируемых на уровне глобалистской неолиберальной идеологии, смыслов существования человека.

Во-вторых, следует заострить внимание на том, что семейные ценности – это прежде всего именно *ценности*. А значит, они не могут рассматриваться просто по аналогии с предписанными государством (социальной, этнической, возрастной или любой иной группой) требованиями, нормами или целями. Любая ценность – постольку, поскольку она именно *ценность* – до конца не объективируема. Ее ядро носит лишь интуитивно достигаемый, духовный характер, доступный в первую очередь не на рефлексивном (дискурсивном) уровне, а на уровне глубинной субъективной чувствительности, эмоциональности и особой формы личного интимного знания, понимания. И если мы говорим о ценности семьи, или ценностях, связанных с жизнью внутри семьи, то эти особенности ценностного отношения кратно возрастают. Прежде всего потому, что именно семья, конкретно, родители и другие ближайшие родственники, с самого первого проблеска самосознания у индивида, образуют тот «жизненный мир», тот *являющийся* горизонт опыта, в котором «я» не просто обретает само себя, но и впервые само *признается* в своей собственной уникальности и ценности.

Ценность семьи, другими словами, тесно связана с ценностью самого человека как автономного, онтологически суверенного, субъекта. Семейные ценности, если использовать терминологию русской классической философии, раскрывают особенности жизни *сердца*, а не ума⁴⁹. Те ощущения и те грани опыта, которые переживает человек в кругу близких, любимых, родных, вряд ли могут быть исчерпывающе представлены на уровне логики причинно-

⁴⁹ См., напр.: Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2006. – С. 763-766 и др.

следственных отношений (зачастую, семейная радость или семейная боль противоречит формальной каузальности). Внутри семьи многое видится и воспринимается сердцем, а не сухим рассудком.

В современном западном обществе логика *расчета*, естественным образом доминирующая в контексте развития «свободного рынка», присутствует и в создании семьи. Связана ли она с традиционными ценностями? Отчасти да. В том случае, если речь идет о семье как нормативном институте, благодаря которому в обществе реализуется связь внутри определенных социальных групп. В этом случае семья выступает носителем символического социального капитала. Особенно такая тенденция была характерна для общества модерна, в том числе в России (этот сюжет нашел свое отражение в художественной литературе того времени). В современном же обществе, с размытыми границами социальной структуры, с высокой степенью социальной неопределенности, подобная логика расчета как основа жизненной семейной программы выглядит в большей степени наивной, чем реалистичной.

Только внутри семьи могут прививаться человеку такие представления о жизни, о личной и народной судьбе, которые делают желанным определенный жизненный сценарий (образ жизни), предполагающий традиционный союз мужчины и женщины, наличие детей, создание и поддержание семейного очага в виде домохозяйства, дома, имущества и пр. Самое главное – только в семье (через семейные формы общения, обмена) человек обретает само первичное *желание* семьи и семейности как способа самоутверждения и жизнотворческой реализации. Семейные ценности как регуляторы поведения и целеполагания не могут находиться в противоречии с общечеловеческими и общественно значимыми ценностями. О связи культуры семейности и идеалов классического гуманизма мы уже выше писали. Повторим еще раз: именно на уровне семейного воспитания фундаментальные ценности человеческой жизни становятся зримыми и лично выраженными координатами. Семья становится для человека главной моделью сближения с другими людьми, в которой определяющей

является сама *форма* коммуникации – основа культуры семейности и главный источник ее содержания.

Семьецентризм, в отличие от эгоизма, не предполагает уход от общества (при условии, если ценность семьи сохраняет связь с общими традиционными ценностями государства или народа). Видимо нельзя ставить в один ряд семьецентризм, этатизм и социоцентризм как позиции, направленные против обособляющегося «я». Конечно, в любой семье «мы-идентичность» преобладает над «я-идентичностью» (как было показано выше, конструкция «мы» выступает основой опосредствования «я» в культуре семейности). Но семьецентризм не сводится к какой-то одной из этих форм самоопределения человека.

В чем состоит принципиальное отличие традиционных семейных ценностей, вращающихся вокруг главной ценности самой семьи и семейности? Почему они столь важны именно сегодня, в условиях радикальной ломки всех устоев жизни общества во всем мире. – В ситуации болезненного, не всегда результативного, перехода к искомой устойчивой платформе социально-культурного развития нашего общества и государства только традиционные семейные ценности и сама культура семейности могут выступать автономным, исторически родным, источником регенерации нравственности и всеобщих мировоззренческих ориентиров. Семья и семейность представляют собой естественным образом сложившуюся форму опосредствования единичного человеческого существования, достижения гармонии и баланса отдельного «я» и коллективной общности.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ КАК УСЛОВИЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ (МОРАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

2.1. Культура супружеских отношений

Итак, семья как реальный экзистенциальный опыт и как социально-культурный институт в любом обществе предполагает первичную форму реализации определенной жизненной программы витального уровня. Природная фактичность человеческой особи, ее половая дифференцированность, необходимость удовлетворения потребностей в сексе, в пропитании, в продолжении рода, в безопасности от внешних угроз, составляет исходное начало семейной жизни. Результат развертывания данного начала – наличие в семье союза мужчины и женщины, рождение их детей, совместный быт, труд, обустройство жилища и организация внутрисемейной коммуникации. Все эти процессы санкционируются обществом, государством, религиозными структурами, этническими или социальными группами (кастами, сословиями, территориальными – городскими или деревенскими – общностями и т. д.).

Необходимо теперь более внимательно посмотреть на то, как в современном обществе развёртывается эволюция компонентов культуры семьи и семейности (в том качестве и статусе семейности, о котором шла речь в первой главе работы). К их числу относится культура супружеских отношений, отношения родителей и детей и диалог поколений, реализуемый именно в аксиологическом и коммуникативном опыте семейности, сопрягающем под «одной крышей» несколько возрастных групп (или, наоборот, расторгающих их). Данный перечень, на наш взгляд, как раз и указывает на те грани культуры современной семьи, которые проблематизируют ее статус и само существование в сложном жизненном пространстве XXI столетия, во-первых, и показывают границы допустимого минимума в определении самой семьи, во-вторых. Иными словами, без супружества или без отношений родительства-детства (даже не по признаку кровного родства) семьи просто нет. Все ценности семейности как типа

культуры, утраченные или только чаемые современником, так или иначе связаны с тем, что индивид мыслит самого себя, переживает собственный путь в *отношении* к близкому человеку – мужу или жене, отцу или матери (возможно, брату или сестре, бабушке или дедушке). С этим связана семейная память и личная автобиография, важность семейного дома как «гнезда», баланс прошлого и будущего в текущем настоящем человека, данных сквозь призму себя «маленького» (детство) и себя «большого» (творца собственной, неродительской, новой семьи). Большинство дискуссий о кризисе современной семьи как кризисе ее традиционного образа вращается вокруг таких тем, как новые форматы отношений между мужем и женой, проблемы воспитания детей и подростков (особенно в связи с расширением влияния цифровой среды и сетевой коммуникации), восприятие ценностей старшего поколения.

Кто же такие сегодня, в современной культурной ситуации нашей страны, да и всего человечества, супруги? – Те, без которых не было, нет и не может быть семьи. С точки зрения институциональных характеристик семьи, которые, как мы выяснили, для современного публичного коммуникативного пространства являются определяющими, именно супружеские отношения, определенная форма взаимных прав и обязательств между мужем и женой, выступают основой семьи. При этом, если обратиться к «*Семейному кодексу РФ*», супружеские отношения исходят из принципа равенства обоих супругов во всех основных сферах и вопросах совместной семейной жизни. Статья 31 «Семейного кодекса РФ» гласит: «1. Каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. 2. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно исходя из принципа равенства супругов. 3. Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей»⁵⁰. В следующих разделах данного документа раскрывается специфика имущественных отношений между мужем и женой, в

⁵⁰ Семейный Кодекс РФ. - URL: – <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925>

том числе специфика брачного договора. Кроме того, как уже отмечалось выше, в современном российском законодательстве официально закреплено положение о том, что в основе семейного союза может быть только брак мужчины и женщины. Никакие экзотические варианты однополых (или, может быть, каких-то иных) отношений не признаются легитимными. Что выражает общую для страны, власти и общества позицию в вопросе сохранения традиционных нравственных и культурных ценностей и смыслов человеческого существования и исторического развития в целом. Особенно, если учесть, что тема однополых браков на сегодняшний день используется неолиберальными прозападными элитами как спекулятивный инструмент манипуляции общественным сознанием и как своеобразный индикатор того или иного политического вектора. Основа же российской цивилизации и государственности, как неоднократно подчёркивал Президент РФ В. В. Путин, – в традиционных ценностях⁵¹.

Выбранный современным европейским и, частично, американским сообществом путь легализации однополых отношений во многом детерминирован именно политическими соображениями, идеологизированными спекуляциями, преследующими цели, явно далекие от проблем самой семьи и ее кризиса в постиндустриальном мире. Тем более, и это самое главное, как показывает опыт теоретического, в том числе философского, осмысления однополых отношений в контексте публичного неолиберального дискурса, официальное правовое регламентирование нетрадиционных половых связей отнюдь не способствует тому, что сами люди, участвующие в них, становятся более счастливыми, достигают некой искомой и по-своему толкуемой гармонии, благополучия и спокойствия. Личное «счастье» уж точно не может утверждаться бюрократически, законом. А те внутренние противоречия, которые преследуют такие однополые семьи, в конечном счете, связаны с тем, что даже и в их случае семья как ценность никуда не исчезает. И попытки выстроить основания собственной семейной «мы-идентичности» представителями одного пола

⁵¹ Путин В. В. Встреча с участниками Всемирного фестиваля молодёжи. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73616>

сталкиваются всякий раз с рассогласованием стратегии «свободной морали» и выбора и желанием реализации экзистенциального проекта под названием «любовь», который включает в себя такие смыслы как дружба, уважение, взаимная поддержка, понимание, эмоциональная, а не только сексуальная, близость, наконец, верность и преданность. «Счастье» нельзя написать, его можно лишь пережить.

Если мы внимательно посмотрим на кодифицированную характеристику семьи и супружества как ее основы, представленную нормативно в действующем законодательстве РФ, то в ней очевидны несколько аспектов, значимых именно с точки зрения выявления влияния нормативной платформы семейной жизни на грани ее культуры:

– *супружество* как юридический термин, имеющий собственный содержательный четко зафиксированный объем, отсутствует. Чаще всего его характеристики принимаются, что называется, «по умолчанию». В равной мере супружество в качестве специального культурологического или социологического концепта также отсутствует (подавляющее большинство социологов исходит из принятого именно в юридической литературе понимания как супружества, брака, так и семьи в целом);

– супружество рассматривается как *ядро семейной жизни*: без вступления в тесные отношения мужчины и женщины и их последующего общественно одобряемого оформления в виде института брака практически невозможно появление *новой* семьи, невозможно наступление социального статуса и роли родителей и невозможно появление детей (в физическом и правовом смысле слова, если ребенок усыновлен). Супружеские отношения – это точка пересечения диалога поколений в семье, это связь двух людей имущественными, нравственными, общительными, эстетическими, психоэмоциональными, педагогико-воспитательными и иными скрепами. Разрушение супружеских отношений влечет разрушение семьи (семья видоизменяется, обретает новые свойства и статус). В супружестве находят свое зримое воплощение фундаментальные ценности человеческой культуры – любовь, преданность,

готовность помогать и уважение, дружба, сострадание, наконец, *ценность самой жизни*, возможность ее осмысливаемости, наполнения теми или иными смыслами;

– ценностный аспект самого супружества, зафиксированный законодательно, связан с идеей *равенства* мужа и жены. Данный аспект, на наш взгляд, является ключевым. Во многом его толкование, критика или вознесение, образует камень преткновения споров вокруг темы семьи, кризиса традиционной семьи, роли в ней мужчины и женщины, которые ныне развернуты в научной литературе, СМИ и публицистике широким фронтом;

– важно, что равенство супругов нормативно интерпретируется не только как возможность и наличие *одинаковых прав*, но и в не меньшей степени как некоторое *обязательство*,⁵² реализуемое, прежде всего, в двух областях: а) имущественной и б) связанной с воспитанием/образованием детей, созданием общепринятой в обществе материальной базы их «благополучия». Как известно, в законодательстве четко прописаны ситуации, когда родители (оба или один) лишаются родительских прав именно по причине невыполнения данного норматива по усиленной реализации функций воспитания и обеспечения;

– кроме того, принципиальным моментом, характеризующем тезис о равенстве супругов, согласно приведённой выдержке из текста «Кодекса», является целевая ориентированность и мужа и жены на саму семью («Супруги обязаны ...содействовать благополучию и укреплению семьи»). Иными словами, ценность семьи закрепляется в российском законодательстве не просто декларативно (как красивая идея), но и как требуемое государством *условие* организации совместной жизни мужчины и женщины в виде брака – санкционируемого и всеобще одобряемого института, формы, способа реализации личностных смысловых мотивов и половой идентичности. По нашему мнению, данный пункт «Кодекса» свидетельствует о том, что

⁵² Подчеркнем, что в данном случае мы раскрываем грани именно нормативно прописанного в отечественном законодательстве представления о равенстве супругов. При этом, конечно, следует иметь в виду, что в современном европейском и американском обществе наряду с имущественными и воспитательными функциями не меньшей (а вероятно, и большей) силой обладают иные взаимные обязательства супругов друг перед другом, налагаемые то ли государственно, то ли по условиям брачного договора. К их числу могут относиться обязательства в сфере сексуального взаимодействия, разделения функций по ведению домашнего хозяйства, быта и т. п.

нормативно ценность компонентов семейной жизни и семейности как типа культуры не разводится с ценностью самой семьи как целого. Данное качество семейной жизни выше мы обозначили как *семьецентризм*. На уровне одобряемого государством жизненного проекта под названием «супружество» (брачные отношения) ведущей является ценность и смыслы семьи. Если так, несколько условно, можно сказать, *единый* опыт самоопределения мужа и жены должен опираться на семейность, а не на эгоистичные установки исключительной самореализации.

Исходя из прописанных законодательно норм семейной жизни, а также с учетом сегодняшних реалий культурно-исторического эволюционирования супружеских отношений в супружестве можно выделить несколько основных компонентов (или уровней), динамическое развертывание которых, в конечном счете, и лежит в основе изменяющейся культуры супружеских отношений:

– супружеские отношения в своей исходной первичной данности есть отношения мужчины и женщины, детерминируемые дифференцированной человеческой природой, половым различием и соматической конституцией самца и самки. В отношениях мужа и жены огромная роль принадлежит сексуальной сфере. Возможность регулярного секса с постоянным (любимым, близким) партнером является ценностью семейного образа жизни вообще. Гармонизация интимной жизни является одним из залогов нормального внутрисемейного психоэмоционального микроклимата. В современной западной социологии брак вообще и рассматривается прежде всего с точки зрения реализации именно сексуальной энергии индивидов. Вспомним известное определение брака, которое дает Э. Гидденс: «Брак можно определить как получивший общественное признание и одобрение сексуальный союз двух взрослых лиц»⁵³. В русской философии В. В. Розанов также рассматривал половую связь партнёров в браке как высшее проявление мистической связи мужчины и женщины. Без половой связи мужчины и женщины нет какого

⁵³ Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. 2-е изд. допол. и переработ. М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 156.

смысла в семейной брачной жизни супругов: «Брак и даже акт супружества есть проникание друг в друга и друг другом мужской природы и женской природы. В данном субъекте, как и в каждом человеке, обе эти природы есть: так как он произошел не от одной матери и не от одного отца, но от соединенных матери и отца, от клеточки мужской и женской»⁵⁴. Отношение к сексуальной жизни в браке в разных культурах и в разные исторические эпохи менялось⁵⁵. Если говорить о христианской антропологии, которая наложила отпечаток на патриархальные «домостроительные» нормы семейной жизни в том числе на Руси, то в семейной жизни половые контакты рассматривались с точки зрения реализации необходимого минимума человеческой природы (плоти)⁵⁶. В современной культуре, опирающейся на опыт сексуальной эмансипации модерна, в условиях роста возможностей виртуальной коммуникации, представления о нормах сексуального поведения мужа и жены существенно меняются⁵⁷. Поиск взаимной гармонии, удовольствия, наслаждения друг другом сменяется, как отмечает Э. Гидденс, поиском собственной идентичности в сексе⁵⁸;

⁵⁴ Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства // Розанов В. В. Сочинения. Том 2. М.: Правда, 1990. – С. 71.

⁵⁵ Самое емкое и точное *философское* определение брака, на наш взгляд, содержится в «Философии права» Гегеля. Важность данного определения в контексте исследования эволюции культуры семьи в современном мире определяется тем, что немецкий автор пытается установить *всеобщую* форму (формулу) брака, его *понятие* или сущность: в браке ни договорная правовая основа взаимодействия мужа и жены, ни сфера природного, связанного с сексом и продолжением рода, общения, ни сугубо чувственная, связанная с любовью, сами по себе в отдельности не образуют брак как основу семьи и как важный этап развития самого человека. Гегель пишет: брак «есть правовая нравственная любовь; тем самым исключается все преходящее, зависящее от настроения и просто субъективное» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – С. 210). Именно Гегель удивительно точно выводит главное отличие брака от сожительства: «брак отличается от сожительства тем, что в последнем случае главное – в удовлетворении естественной потребности, тогда как в браке она оттесняется на второй план» (Там же. – С. 212). Очевидно, что данное определение не утратило своей актуальности и сегодня, в условиях ультрагедонизма массовой культуры, обесценивающего многие преимущества культуры семейности.

⁵⁶ Как отмечал М. Фуко, характеризуя отношение к семейной жизни и браку в раннехристианскую эпоху, «на фоне интенсификации аскетизма и расширения системы государственных структур семейная ячейка, отношения между супругами и повседневная жизнь супружеской пары во всем вплоть до ее половой активности становятся всё более значимыми ставками» (Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти / Пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – С. 254).

⁵⁷ По мнению известного отечественного исследователя гендерной эволюции И. С. Кона, сексуальная эмансипация новейшего времени была в первую очередь эмансипацией женщин. Мужской социальный и психологический профиль эмансипация затронула в меньшей степени и, скорее, с обратным эффектом, сделав актуальным поиск мужчиной собственной идентичности в сексе (Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. – С. 100-101).

⁵⁸ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. – С. 202.

– супружеские отношения есть отношения двух субъектов той или иной деятельности (хозяйствующих, промышленяющих, творящих и т. д.), обладающих частной собственностью, унаследованным или приобретенным имуществом. Собственно, заключение брака в традиционном патриархальном обществе прежде всего и было определенным договором имущественного характера (тема приданного невесты – одна из самых популярных в народном фольклоре и классической литературе). В современном мире подобная трактовка брака сохранилась во многих локальных этнических традициях (Средняя Азия, Северный Кавказ и др.). Современные супруги в равной мере владеют семейным имуществом (одна из граней принципа правового равенства мужа и жена). Важно не просто наличие совместной собственности. Супружество оказывается опытом взаимного обустройства семейного «гнезда». В этом опыте особым значением обладают не только материальные ценности, но и определенные символы и знаки. Наследуемый мужем еще от архаики импульс охотника-добытчика органично дополняется женским началом созидания тепла и уюта в семье, заботой о ежедневных функциях семьи, приготовлении пищи и т. д. Стандарты современного потребительского общества и массовой культуры вносят свои существенные коррективы в данную область взаимодействия супругов. Многочисленные «гендерные» дискуссии постоянно акцентируют смену ролей мужчины и женщины в обществе. Современная городская супружеская пара чаще всего состоит из двух работающих членов (очень часто сегодня жена зарабатывает не меньше мужа, что становится немаловажным пунктом самоопределения женщины, ее самовыражения, престижного желания быть равной мужу или быть выше мужа). И если сам по себе мужской и женский труд был известен еще в аграрном обществе, то сегодня актуальной, модной является модель бизнес-партнёрства мужа и жены. Супруги могут совместно вести одно общее дело (в равных или неравных пропорциях). Могут выступать партнерами в каком-то творческом процессе. Все мы хорошо знаем семейные тандемы известных медийных персон, актеров, музыкантов, художников, писателей (в нашей стране очень показательный пример – чета Николая Добронравова и

Александры Пахмутовой; известно много и других не менее ярких примеров совместного семейного подвижничества в искусстве). Наконец, супруги могут быть и соавторами, представлять собой не только сексуальный и имущественный союз, но и интеллектуальный: в академической и университетской среде мы знаем много семейных пар ученых, докторов и кандидатов наук, профессоров, чьи брачные узы стали во многом возможны именно благодаря наличию определённой профессиональной идентичности в рамках того или иного профильного сообщества;

– супружеские отношения помимо сексуальных и деловых (имущественных, хозяйственных, творческих) обязательств и контактов включают в себя также специфический уровень *коммуникативной реальности* – сферы взаимного общения, обмена вербального и эмоционального. Отношения мужа и жены – и это справедливо для абсолютного большинства культур и для современного западного общества – это совместный опыт строительства уникальной семантической сферы, некоего «текста», «письма», нарратива. Нередко в супружеских парах, насчитывающих уже не один десяток лет совместной жизни (но вполне возможно и гораздо меньше), формируется не только единый взгляд на общность домостроительства, ведения хозяйства, быта, воспитания детей и пр. Складывается специфический, понятный только *Им Двоим*, язык, на котором они, каждый для себя и друг для друга, выражают свои мысли, чувства, эмоции, оценки, желания, ощущения. Этот язык может быть как в прямом смысле слова особой лингвистической реальностью, наполненной своими аллегориями и метафорами, так и в более широком плане – определенным семиозисом, обладающим своим особым эстетизмом (данный эстетизм – часть общего эстетизма культуры семейности как культуры *формы*, о котором мы писали в первой главе работы). Коммуникативный обмен между мужем и женой реализуется не только посредством вербализации внутреннего содержания, но и посредством определенных семантических пауз, определенного синтаксиса и фонетики (важны слова, но не менее важны и тона, а также то, что остается между слов). Эти паузы и водоразделы также наделены

весомым смыслом, а порой и ценностью. Разговор между мужем и женой равнозначен и равноценен их взаимному молчанию. О чем молчат или о чем умалчивают муж или жена – могут понять (знать) лишь они сами. Супружеская коммуникация – довольно плотная сфера, в ней нет вакуума и фактор времени здесь играет роль сепаратора смыслов и кодов. И эта коммуникация, надо признать, отделена внутренними градациями от коммуникации родительско-детской, или братско-сестринской. Муж и жена друг с другом общаются не так, как со своими родителями или детьми (другими родственниками). Общение мужа и жены может проходить и на уровне тактильности, не имеющей – подчеркнем это – и намека на сексуальность (эротизм). На уровне определенных эстетизированных образов, красок, и даже ароматов (включая телесные запахи друг друга).

В этих обозначенных гранях и свойствах супружества как феномена социально-культурной эволюции мы опираемся в первую очередь на принятые и устоявшиеся в российском обществе и публичном праве (законодательстве) нормы и представления о том, что такое семья, что такое брак и т. д. При этом, конечно, следует иметь в виду, что традиция современного отечественного семейного права в целом отражает общие для многих стран и локальных обществ тенденции в части толкования равенства мужа и жены.

Исходя из обозначенных нормативных аспектов супружеских отношений и их уровней применительно к современному российскому и западному обществу можно предложить условное определение культуры супружеских отношений как компонента общей культуры семейности:

– Культура супружеских отношений является общественно одобряемой формой взаимодействия и коммуникации мужчины и женщины, состоящих в правовом отношении друг с другом, которая включает в себя ценностно-смысловые, имущественные, знаково-символические (эстетические) и другие аспекты совместного жизнестроительства.

Культура супружеских отношений опосредована институционально – она опирается на брак и закрепляемые в браке права и обязанности супругов. Для

социологов и юристов понятия супружества и брака практически идентичны по объему. Но в культурном измерении супружеские отношения не сводятся только к нормативным характеристикам брака. Более того, как мы покажем ниже, формализованное правовое закрепление отношений между мужчиной и женщиной далеко не всегда способствует гармоничному развитию культуры семейности.

В качестве определенного типа культуры (как ключевого компонента культуры семейности) супружество, отношения супругов, может быть охарактеризовано как *способ производства единства двух «я»*, сохраняющего их *различенность* в качестве основания *ценностного* восприятия самого супружества обоими. Коммуникация супругов и их взаимодействие носят *стилистически* выраженный характер. Это такие отношения, которые становятся образом жизни, привычкой, но от того не теряют собственную интенсивность и привлекательность. – Условие и, одновременно, следствие поддерживаемой культуры семейности. Культура супружества не должна низводиться на уровень «рядом-жительства»,⁵⁹ по меткому выражению русского философа И. А. Ильина.

Можно ли и нужно ли говорить о наличии в обществе (пусть даже только российском) определенного *идеала* супружеских отношений? Некого идеального типа культуры супружества? – Нет. Аналогично тому, как не было и не будет никогда одного-единственного идеала семьи вообще. Конечно, на уровне научного исследования или философского концептуального обобщения тот или иной автор может формулировать определенные универсальные типичные черты,⁶⁰ которые достаточно широко распространены, понятны абсолютному большинству людей, образуют основу любой семейной «статистики», но для каждой конкретной супружеской пары они остаются не более, чем «общим представлением». Культура супружеских отношений,

⁵⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. – С. 145.

⁶⁰ Французский автор Пьер Фредерик Ле Пле, например, предлагал в качестве идеала семьи рассматривать такую семью, жизнью которой руководят три закона: «закон устойчивости, закон авторитета, закон любви» (Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. М.: Синодальная типография, 1897. – С. 229).

разумеется, связана с общими ценностями и семейной жизни и культуры вообще (любовь, творчество, самовыражение и т. д.). В каждом исторически конкретном обществе существовал нормативный идеал супружества, который в большей степени носил функциональный характер и отражал особенности господствующей социальной структуры, типа производства и т. д. В качестве познавательной модели той или иной культурной (этнической, социальной и иной) общности идеал супружества и семьи в целом может играть важные функции. Но при этом очень важно, чтобы он не превращался в инструмент манипуляции общественным сознанием. Любые навязываемые извне нормы или тропы жизнедеятельности всегда будут приводить к обратному деструктивному эффекту.

Идеал для каждой семьи и каждой пары «мужчина + женщина» всегда *свой*, индивидуальный, во многом интимный, не всегда проговариваемый, не всегда *налично присутствующий*, но лишь *доступный* их совместному внутреннему чувству. Кроме того, не следует забывать и о том, что идеал супружеских отношений может сосуществовать рядом с отдельными идеалами самих супругов – мужа и жены, теми их собственными представлениями, с которыми они, возможно, вступали в брак или отношения, и которые постепенно, по мере развития собственной семейности, сочетались или видоизменялись вместе с общим идеалом супружества. – Тем идеалом, который они обрели *вместе*, в творческом свободном созидании собственного совместного, разделенного на двоих, жизненного ценностно-смыслового проекта. В какой-то степени он может, конечно, совпадать с предписанным традицией, обществом, может быть, родителями (другими родственниками). Его устойчивость в качестве конституирующего элемента семейной жизни и культуры семейности амбивалентна: в той мере, в какой *добытый* совместно идеал супружества отражает нормы и представления общества, в такой же он их и отрицает. Как результат любого творческого усилия личности. Этот результат может быть *больше*, чем его автор. Но и автор также может быть больше собственного

творения. Суть семейной жизни и супружеских отношений – где-то посередине данного поиска и потока смыслов и вещей.

Культура супружеских отношений в своем глубинном фундаментальном измерении носит глубоко диалектический характер.⁶¹ В ее основе исходное противоречие человеческой природы – родового и единичного, биологического и социального. Культурные смыслы супружества могут быть объективированы в таких сюжетах и темах как любовь и дружба, жизнь и смерть (необходимость продолжения себя, продолжения рода), наличие переживаемого и осознаваемого смысла жизни, ее эмоциональная насыщенность и окрашенность, наконец, такие «большие» исторические сюжеты как судьба мужчины и судьба женщины в истории цивилизации вообще. Является ли супружество одобряемой обществом формой легализации власти мужчины над женщиной или подобная власть как раз снимается в отношениях мужа и жены?

Если следовать ныне модному на Западе феминистскому подходу, то в истории всегда господствовала идеология мужского превосходства (начиная с сексуальности и заканчивая политическими институтами и экономикой). Сама история цивилизации пронизана одной-единственной легендой. Как писал один из адептов гендерной версии культурной эволюции А. Дворкин, «В этой легенде мужчины обладают великой удачей, они – носители ценностей. В этой легенде женщины – добыча, наравне с золотом, драгоценностями, землями и сырьем»⁶².

На наш взгляд, на поставленный выше вопрос о том, можно ли рассматривать культуру супружеских отношений как своеобразную форму «одомашнивания» мужской власти (а может и насилия⁶³), дать абсолютно однозначный исчерпывающий ответ, видимо, нельзя. Во всяком случае, пока, в текущей социальной ситуации, ни в нашей стране, ни в странах с господствующей неолиберальной идеологией (равно как и в странах с

⁶¹ Лучше всего этот характер отражен в приведённом выше гегелевском определении сущности брака.

⁶² Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 204.

⁶³ Данный аспект культурного статуса мужчины и женщины затрагивается в недавно вышедшей в русском переводе книге немецкого культуролога Вольфганга Мюллера-Функа (Мюллер-Функ В. Жестокость. История насилия в культуре и судьбах человечества / Пер. с нем. Д. С. Дамте. М.: АСТ, 2023. – С. 244-300 и др.).

сохраняющим силу традиционным семейным фундаментализмом), предпосылок или аргументов для подобного утверждения нет. И мужчина, и женщина никогда не оставались абсолютно статичными носителями той или иной культурной маски, роли. И если в глазах общества в целом, особенно в Новое и новейшее время, общественный прогресс связывался с определенным толкованием мужского и женского начала,⁶⁴ то на уровне семейной жизни оценки т. н. «мужского насилия» над женщиной могут различаться в очень широком диапазоне. И решение этой дилеммы (если тут вообще можно вести речь о каком-то решении...) прямо связано с тезисом о равенстве, столь важном для институционального толкования супружества. Во многом прав А. Г. Дугин, когда отмечает, что «гендерная оппозиция мужчина – женщина не являлась (особенно в традиционном обществе) *абсолютной*: и перед лицом *подчеловеческих* явлений (домашних животных, предметов и т. д.), и в локальном масштабе женщина легитимно выполняла мужские, *упорядочивающие* функции, ... имея определенную и варьирующуюся в разных обществах степень свободы для применения оправданного и легитимного насилия»⁶⁵.

Итак, еще раз вернемся к пункту о равенстве супругов в семье (который, как мы видели по тексту российского «Семейного Кодекса», является ключевым в описании правовых отношений между мужем и женой). Почему именно он так важен в современном социально-культурном контексте? Все дело в том, что тезис о равенстве мужа и жены, мужчины и женщины, на протяжении последних лет ста-пятидесяти выступал едва ли не основным аргументом в критике

⁶⁴ В качестве примера можно привести оценку мужского и женского типов культуры, которую дает Г. Зиммель. Женское начало, по мнению немецкого автора, связано с созданием таких форм жизни, которые недоступны мужчине. Главный критерий женского начала – принципиальная невозможность *объективации* женской «души», женской «сущности»: «На вопрос, стала ли единая сущность женщины в какой-либо области культуры – оставляя в стороне “дом” с его особенной структурой – действительно “объективным духом”, мы с уверенностью ответить не можем; вследствие чего становится тем более вероятным, что развитие женской культуры задержала не случайность отдельных содержаний культуры и их историческое развитие, а принципиальное несоответствие формы женской сущности объективной культуре вообще. Чем радикальнее расходятся мужская и женская сущность, тем менее из этого разделения следует деклассирование женщин, которое обычно из этого выводится; тем автономнее возвышается их мир на собственной, не разделяемой с мужским миром и не заимствованной у него основе» (Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. – С. 264).

⁶⁵ Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикта, 2010. – С. 496.

традиционной патриархальной нравственности, общинной морали и семьи (в которой господствует старший мужчина). Такая критика и само представление о равенстве как некоем искомом идеале или ценности нашли свое отражение и в социально-политической практике феминистского движения (и вообще во многих политических лозунгах эпохи позднего модерна и постмодерна), и в философской антропологии XX в., в социологии, юриспруденции и психологических исследованиях семейных отношений. С одной стороны, такое равенство рассматривалось как достижение всего прогрессивного человечества, как взлет гуманистического настроения самой культуры и общества. Тема прав женщины – одна из ведущих в русской классической литературе XIX в. (вспомним образы «эмансипирующихся» женщин и обсуждение роли женщины в истории в произведениях В. Г. Белинского, А. Н. Островского, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого и др.)⁶⁶. С другой, практика институционализации идеи равенства полов и равенства мужа и жены как членов семьи стала формой выражения той самой исторической судьбы малой семьи, городской, оторванной от корней большого патриархально-аграрного сообщества, о которой шла речь выше и которая как раз связана с рассогласованием семейности как типа культуры и семьи как нормативно закреплённого союза представителей одного (максимум, двух) поколения.

Сформулируем сразу ключевой тезис, от которого будем отталкиваться в анализе эволюции культуры супружеских отношений в современном обществе (это касается, в общем, и западного и российского общества нашего времени):

– Институционально зафиксированное и нормативно понимаемое равенство супругов (экономическое, юридическое, прежде всего) является социально принятым, общественно (государственно) одобряемым ценностным измерением отношений мужа и жены. Однако практика реализации идеи

⁶⁶ Обстоятельный анализ культурно-исторического становления дискурса феминизма в России в эпоху модерна (начиная со времени реформ Александра II), с опорой на документальные первоисточники, представлен в монографии Ирины Юкиной. См.: Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности / Под ред. Т. А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. – С. 67-122 и др.

равенства как основополагающей для построения супружеских отношений как ядра семейной жизни не способствует укреплению культуры семейности.

Вполне логично и совершенно объективно, что в современном прочтении принципа равенства мужа и жены, с одной стороны, выражены необходимые условия функционирования малой городской семьи как субъекта социально-экономического взаимодействия, производства и т. д. И муж и жена должны трудиться (дома или где-то на рабочем месте, вести общий бизнес, или создавать совместный творческий проект), вносить посильный вклад в общее семейное благосостояние, наконец, должны вместе воспитывать детей (или помогать престарелым родителям). Важно понимать именно объективные исторические составляющие процесса *выравнивания* положения мужчины и женщины в обществе на уровне института семьи. Более того, формирование правового статуса семьи в лоне высокоурбанизированной жизненной среды изначально предполагало наличие у женщины равных с мужчиной возможностей. Бессмысленно реализовывать правосубъектность семьи как социальной и производственной единицы только по линии одного члена семьи. Иначе сама правовая форма регуляции теряет свой объективный статус.

С другой, в духе постмодернистских «гендерных» дискуссий равенство прежде всего рассматривается как залог реализации «подлинной» роли женщины в обществе и культуре, как необходимый этап в преодолении патриархального (маскулинного, «логоцентричного») образа самого супружества, идеи отцовства-материнства. Иными словами, идея равенства прямо связывается с так называемым «гендерным партнерством», в координатах которого сторонники модного на Западе неолиберального дискурса рассматривают перспективы развития супружеских и семейных отношений. Попытаемся выявить иллюзии и явные заблуждения, которые сопровождают такое толкование супружества в контексте поиска путей выхода из кризиса семьи. Его распространение характеризует и российское общество (особенно в крупных городских центрах, в большей степени подверженных влиянию посттрадиционных представлений о нравственности и смыслах человеческого существования в целом).

Возникает вопрос: если идея равенства была столь значимой и оказалась столь выстраданной европейским и российским обществом в новейшее время и в итоге получила законодательно закреплённую форму, то может ли она рассматриваться как основание какого-то нового типа семьи (и семейной культуры) по отношению к семье традиционной? Сама по себе тематизация супружеских отношений как знаковая проблема самосознания характеризует именно индустриальную и постиндустриальную культуру и общество⁶⁷. Для того, чтобы разобраться в данной проблеме, очевидно, необходимо, раскрыть смысл самой идеи равенства супругов. Что в данной идее превалирует – правовой аспект или более глубокий социально-культурологический? Связанный с переосмыслением не только положения в обществе и в семье женщины и жены (если противопоставлять вслед за феминизмом семью «прогрессивную», современную, семье традиционной, патриархальной), но и самой идеи супружества, супружеских отношений.

Не разрушит ли равенство гендерное, *равенство партнеров*, не просто семью старого патриархального типа, но семью вообще? – Вопрос не риторический. Особенно если учесть тот факт, что большинство западных же теоретиков постиндустриального общества сходились в отрицательных оценках перспектив традиционной семьи (семьи, состоящей из двух разнополых родителей и их детей), не говоря уже о большой патриархальной родовой семье прошлого⁶⁸. Многообразие типов семейно-брачных отношений рассматривается

⁶⁷ Речь идет о том, что в жизни самого общества, буквально, каждого индивида, выстраивание отношений внутри семьи является предметом личных усилий, планирования, насыщенного эмоционального и рефлексивного опыта. Еще Ж. Ле Гофф писал, характеризуя сословное аграрное общество средневековой Европы, что в патриархальном обществе «Индивид ... в первую очередь принадлежал семье. Большой семье, патриархальной или племенной. Под руководством своего главы она подавляла индивида, предписывала ему и собственность, и ответственность, и коллективные действия» (Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 342.). В такой семье «Без сомнения, женщина находилась в подчиненном положении. Она не была в чести в этом мужском, военном обществе, чье существование постоянно было под угрозой» (там же. – С. 347). Понятно, что в большой традиционной многопоколенной семье ни о каком равенстве супругов в современном институциональном смысле слова речи не было. Далеко не случайно, что именно идея равенства стала чуть ли не центральной в идеологии феминизма. Феминизм именно так и интерпретировал эволюцию семейных отношений: во главу угла ставилось равноправие мужчины и женщины, а также ценность свободной, не связанной экономически или эмоционально с противоположным полом, женщины. Казалось бы, в такой идее равенства самой по себе нет ничего драматического и опасного с точки зрения динамики самой культуры.

⁶⁸ Как писал Э. Тоффлер, «Часто задаваемый вопрос: “Каково будущее семьи?” – обычно подразумевает, что, поскольку нуклеарная семья Второй волны [индустриальное общество] утратит господствующее положение, ее заменит какой-то другой тип семьи. Более правдоподобным кажется, что в Третью волну [постиндустриальное

как адекватия именно «гендерной идентичности» и «культурному плюрализму»⁶⁹.

Можно ли уверенно говорить о том, что *партнерство* может в современных условиях реально заменить собой традиционную модель супружеских отношений как ядра семейности? Феминизм трактует партнерство как 1) отказ от патриархальных стереотипов в отношениях между мужем и женой и как 2) признание самодостаточности друг друга (ни мужская, ни женская идентичность не детерминированы на природном биологическом уровне).⁷⁰ К патриархальным стереотипам феминисты относят: «мужчина – глава семьи, кормилец и добытчик; женщина – мать, жена, хранительница очага, воспитатель детей; главное призвание женщины – быть хорошей матерью; статус незамужней женщины является в обществе отягчающим обстоятельством; жизнь женщины тогда полноценна, когда у нее есть дети; общество предосудительно относится к женщине, воспитывающей ребенка без мужа»⁷¹.

По нашему мнению, акцентировка смыслов патриархального типа семейного «общезития», которая постоянно встречается в текстах постмодернистских авторов, на самом деле, затемняет более серьезную проблему. А именно: настойчивое стремление перевести супружеские отношения в плоскость партнёрства и тем самым как бы «осовременить» традиционный одобряемый формат отношений полов приводит к разрушению *нравственного* ядра семейности в ее охарактеризованном выше качестве как регулятора опыта самосознания индивида⁷².

общество] не будет одного преобладающего типа семьи на протяжении длительного времени. Вместо этого мы увидим огромное разнообразие структур семьи, скорее не массу людей, живущих в единообразном семейном устройстве, а людей, проходящих через эту систему, оставляя личностные или “обычные” траектории на протяжении жизни» (Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – С. 352.).

⁶⁹ Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. – С. 24-44.

⁷⁰ Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Ред.-сост.: Н.М. Римашевская (науч. ред.), Л.Г. Луныкова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. М.: Наука, 2009. – С. 70-81.

⁷¹ Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. – С. 247.

⁷² Считаю необходимым в контексте исследования сослаться на докторскую диссертацию Л. Н. Надолинской, посвященную целиком теме гендерного дискурса и гендерного партнёрства. Ключевой вывод данного автора гласит: «В результате исследования гендерного дискурса предлагается новый современный гендерный идеологический конструкт – гендерное партнерство. Необходимость его распространения, как самого приемлемого будущего идеала отношений между полами очевидна, потому что современные гендерные

Партнерство – это состояние отношений людей, адекватное политическому, хозяйственному, правовому, научно-исследовательскому взаимодействию, диалогу. Муж и жена, несомненно, могут быть *партнерами* в бизнесе или, например, в творчестве (вместе работать над созданием художественного произведения, фильма, музыкальной композиции, научной монографии и т. п.). В этом случае действительно между мужем и женой существует содержательное равенство. Но статус и смысл, ценностный аспект, *такого* равенства явно не следует отождествлять с опытом выстраивания совместного проекта под названием «семья». Можно ли вообще рассматривать партнерство как нравственную категорию – очень большой вопрос!⁷³

Можно, конечно, посмотреть с другой стороны: разве между супругами не могут выстраиваться *семейные* отношения с учетом достижений мужа или жены в области внесемейной деятельности (бизнеса или творчества, например)? Известно множество реальных жизненных историй, известных семейных биографий, когда основная интрига развития брака завязывалась вокруг проекции личной самоидентификации мужа или жены в том или ином качестве или статусе на взаимные отношения (права и обязательства в их нравственном понимании)⁷⁴.

отношения в настоящий момент являются дисгармоничными. Смешение ролей, стереотипов, правовых норм с социокультурными и моральными нормами приводит к несовпадению гендерной ментальности и гендерной реальности и мешает становлению гендерного партнёрства» (Надолинская Л. Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России). Автореф. ... дисс. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008. – С. 19.). Гендерное партнерство, рассматриваемое как «идеал», вызывает, конечно, множество вопросов. Подобный идеал вряд ли гармонично сочетается с культурой классической, устойчивой, семейности. Рассогласование гендерной ментальности и гендерной реальности, о которой пишет цитируемый автор, принимается как некая объективная данность, как факт, от которого следует отталкиваться. Однако, более глубинное противоречие, скрывающееся за таким рассогласованием – между нормативной семьей и семейностью – остается вне поля зрения. Провозглашение партнерства «идеалом» и, следовательно, ценностью, вполне укладывается в философскую парадигму, составляющую основу неолиберального модного дискурса (ее суть выражена идеологами глобального постиндустриализма – Э. Тоффлером, Э. Гидденсом и др.). Вполне допустимо, что и мужчина и женщина в качестве «ассиметричных» партнеров в условиях развития информационного общества получают некие новые культурные и социальные предпочтения. Но выиграет ли от них *семья* и культура семьи? Практика развития семейных отношений в современной России заставляет серьезно усомниться в этом.

⁷³ Даже если речь идет не о семье, а просто о межличностных отношениях, о дружбе, о доверии между людьми и т. д. Да, в бизнесе или политике партнёрские отношения предполагают свой определенный этический кодекс (кодекс чести, кодекс «слова»). Но в том-то и дело, что такое партнерство опирается на взаимную выгоду, получение тех или иных предпочтений (здесь одна ценность – успех). Соображения же, диктуемые нравственным самосознанием личности, в лучшем случае, на втором плане. Совсем иного рода реальность – семья.

⁷⁴ Такие ситуации не раз становились предметом художественного осмысления в литературе и кинематографе. Вспомним известную киноленту позднесоветского времени «Забывтая мелодия для флейты» Эльдара Рязанова и Леонида Филатова, 1987 г., в которой хорошо изображен как раз кризис советского типа семейности.

В основе культуры супружества вряд ли могут лежать научные регалии одного из участников или хорошая бизнес-хватка. Любовь,⁷⁵ ценность *бытия* другого человека, уникальный эмоциональный опыт *двоих*, готовность созидать совместный смысловой горизонт, могут, конечно, дополняться общностью приоритетов в той или иной деятельности, *но не могут ими подменяться*. Семья и дом – это не лекционная аудитория и не финансовый институт. Прочность и долговечность брака и семейности имеет совершенно иные источники. Видимо, в такой подмене кроется одна из главных причин разрушения многих известных, в том числе, «звездных», супружеских союзов в творческой, научной среде. Превращение семьи в атрибут или украшение «успешного» жизненного проекта чревато утратой семьи. – Факт, от которого трудно отстраниться.

В критике традиционной семьи и нравственного идеала классического супружества, которая считается практически в гендерном неолиберальном дискурсе последних десятилетий, есть еще один посыл, о котором следует сказать отдельно. И связан он именно с тем, что тезис о партнёрстве как новом формате супружеских отношений обладает привлекательностью среди женщин (убежденных сознательно или просто повседневно следующих установкам феминистской идеологии), а также среди сторонников однополых отношений. Быть *партнером Другого* и выстраивать соответствующие *отношения* с Другим именно в качестве партнера – для современника это своеобразный модный (пропагандируемый) вариант обретения собственной женской/мужской идентичности помимо традиционно одобряемых обществом, культурой, государством, норм и ожиданий. То есть статус партнерства определяется не совместным участием в какой-то области деятельности или творчества, и не просто задекларированным нормативно равенством мужа или жены как субъектов права, а самим желанием позиционировать свое «я», свой мужской/женский облик *в качестве основания для свободного обращения с*

⁷⁵ Существует огромное множество философских определений любви. Здесь в нашей диссертации мы их опускаем. Это предмет отдельного исследования. Но их общий знаменатель (как в русской философии, так и в европейской) – это понимание глубинной онтологической и ценностной связи двух любящих людей. Подлинная любовь может быть только взаимной, продуктивной, исцеляющей, наделяющей индивидуальный путь смыслом и раскрывающей Бытие Другого как необходимый момент собственного.

собственной социально-культурной идентичностью независимо от того, какие требования к ней предъявляет общество (социальная группа). Может ли такое свободное обращение стать основанием прочного супружеского семейного союза? – Ответ феминистов однозначно утвердительный. Мы же позволим себе серьезно усомниться в том, что такое «самоосвобождение» женщины или мужчины (если он не хочет традиционного формата отношений с женщиной) от самих себя может способствовать укреплению внутренней экзистенциальной гармонии, спокойствия, уравновешенности души и созданию прочной счастливой семьи.

Добавим еще к сомнению в возможности интерпретации «партнёрства» как нравственной категории аналогичное сомнение в возможности приписывания понятию «*отношения*» (партнерские отношения) нравственного измерения. Опять же: отношения деловые или правовые понятны и прозрачны с точки зрения их критериев, целей и смыслов. Когда же современный юноша или девушка говорят о том, что «у меня были *отношения* с ним/ней», становится не совсем понятно – о чем идет речь? Просто о дружбе (но и тогда тоже возникает вопрос – что такое дружба)? О сексе «без обязательств»? О совместном времяпрепровождении и общении на приятные, интересные двоим, темы (включая время, проведенное в кафе за чашкой кофе или в кино)? О какой-то взаимной финансовой или репутационной выгоде (отношения как маркер?)?

В таких или подобных отношениях партнеры остаются равноудалены от глубинных смыслов и ценностей любви, от того, что многие философы-экзистенциалисты называли заинтересованностью в «бытии другого» и т. д. Возникает серьезное сомнение в том, что мужчина/женщина могут состоять в *партнёрских отношениях с любимым* человеком. Ибо феноменология любого подлинного человеческого чувства говорит нам: *чувство есть опыт*. Любовь, дружба есть живой и взаимный опыт. В этом опыте переплетаются борьба, обретения, потери, творчество и многое-многое другое. А для модного современника – жителя мегаполиса, наполненного гедонистической феерией, – нет ничего драматичного в утрате такого партнера. Все низведено на очень

примитивный уровень *потребления наслаждения*. Партнерские отношения лишают брачный союз мужчины и женщины главного «ядра» семьи – «*чувства взаимной духовной сопринадлежности*»⁷⁶ (как его определил И. А. Ильин).

Для того, чтобы быть прочным фундаментом семейного союза партнёрские отношения лишены важнейшего качества – *эксклюзивности* (по мнению А. Г. Дугина, обязательным условием внутренней субординации в традиционной семье была именно эксклюзивность⁷⁷). Очень часто девушки или юноши говорят об «отношениях» в прошедшем времени. Обратим внимание на эту деталь. *Никто сейчас не говорит об утрате другого человека, любимого человека, дорогого человека, близкого человека. Нет. Все сведено к утрате именно отношений, которые все более и более напоминают ныне «дегустацию гламура», а другие просто образуют список подписчиков на страничке в социальной сети, делая зримой для любопытствующих историю или богатый опыт отношений, а, следовательно, повышая символическую стоимость такого «партнерского облика».* Показательный факт – «бывшие» партнеры нередко остаются в качестве участников виртуального коммуникативного пространства. Никакой личной драмы. «Гендерное партнерство» низводит уровень культуры супружества на уровень знакового обмена, превращая любовь и семейность в самый настоящий *перформанс* (вполне в духе эстетики постмодерна⁷⁸ и виртуальной коммуникации).

Тот кризис семьи в современном обществе, который, как мы определили, во многом является следствием рассогласования семейности и нормативной институциональной формы существования семьи, в сфере взаимоотношений

⁷⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. – С. 145.

⁷⁷ Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Триеста, 2010. – С. 496.

⁷⁸ В постмодернистской литературе встречается интерпретация гендерной полоролевой идентичности как перформативной конструкции, опирающейся не на реальные отношения между мужчиной и женщиной, не на традицию супружества, а на представления друг о друге (друг через друга), аналогично перформативным высказываниям или перформативной эстетике современного театра. Эстетика перформанса, однако, явно противоречит традиции классической семейности: «Перформативная концепция пола была вызвана к жизни культурой лесбиянок и гомосексуалистов, культурой, которая предлагает совершенно иные представления пола» (Туя Пулькинен. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб. 1999. – С. 177). См. также: Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Под ред. Е. Гаповой. Минск: Прописи, 2000. – С. 329.

супругов (появление новой молодой семьи возможно лишь при условии вступления в отношения мужчины и женщины) проявляется в поиске так называемых «новых» типов семейных или просто брачных *отношений*. Что уже само по себе свидетельствует, как минимум, о том, что искомое равенство супругов, принимаемое как жизненный старт, как *предпосылка* создания семьи, отнюдь не гарантирует автоматическое достижение благополучия, совместного «счастья» и ценности самой семьи.

Отношения между мужем и женой как определенный общественно санкционируемый опыт и степень личного роста в условиях традиционного уклада (например, знаменитого русского «домостроя») не предполагали обострённое восприятие смыслов супружества (в данном случае мы не говорим о любви как о таком опыте, который связывает двух людей и приводит к принятию решения о заключении брака). Брак, статусно-ролевая нагрузка и мужа и жены были хорошо известны и заранее предпосланы. Эпоха индустриализации и тем более современный этап развития западного общества предложили специфически *правовой* вариант закрепления семьи в ее обособленном миниатюризированном качестве. Равенство супругов как *правовая* категория оказалось востребованным именно в условиях увеличения доли промышленного производства, роста крупных городских центров жизни, когда прежние социальные ранги утратили свои функции.

В известном смысле равенство прав мужа и жены действительно стало определенным достижением социальной эволюции. Но вместе с тем, это достижение сделало очевидным невозможность институционального (рамочно и юридически оформленного) инициирования (обретения) *содержания* семейных отношений и, прежде всего, отношений между мужчиной и женщиной. Ибо само равенство прав и обязанностей – подчеркнем это особо – наделено содержательным смыслом (и соответственно, каким-то ценностным измерением) лишь по отношению к *субъекту права*. Для юристов (возможно и для социологов) в этом никакой проблемы вообще нет. Брак и есть не что иное как длящееся всю жизнь или какой-то ее отрезок *правовое отношение*, влекущее

за собой некие имущественные и коммуникативные обязательства⁷⁹. Сошлемся в данном случае на мнение современного немецкого автора Н. Больца, который в своем эссе, в общем, на наш взгляд, верно указал на действительное соотношение идеи равенства (как цели-ценности западного общества) и тенденции реального практического развития культуры семьи. *«Борьба за равенство – это всегда борьба против семьи. Ведь семья отвечает за воспроизведение как внутренней, так и внешней асимметрии в отношениях. ... Семейная жизнь не имеет отношения к равноценному обмену: дать, чтобы взять; здесь все основано на радикальном неравенстве. Тот, кто взял на себя семейные обязательства, не должен рассчитывать на значительные преимущества»*⁸⁰ [курсив наш. – Т. К.].

Уравнение супругов не только во внешне прописанных правах на институциональном уровне, но и во внутреннем опыте самовосприятия и восприятия близкого человека чревато утратой семейности как особого ценностного и коммуникативного опыта. Указанная Больцем «асимметрия» семейных отношений не должна рассматриваться как отсутствие *взаимности*.

⁷⁹ Возникает вопрос: можно ли отождествить предметно выраженный опыт *мужчины и мужа* (отца), с одной стороны, *женщины и жены* (матери), с другой? Отождествить именно на уровне личностного восприятия, самоопределения, самосознания человека. Иными словами, в какой степени *равенство супругов*, принимаемое современным обществом как аксиома, является также и *равенством полов*, равенством субъектов культурной коммуникации, обмена, эмоционального опыта, воспитания детей (внуков), наконец, политического акционизма и творчества (научного, художественного, интеллектуального)? В союзниках ли ныне право и психология, право и эстетика, право и традиция? Если речь идет о семье и культуре семейных отношений.

Отнюдь не секрет для подавляющего большинства семей в нашей стране и за ее пределами, что подлинная семейность, невидимые нити внутрисемейных связей и отношений складываются нередко не в силу, а как раз вопреки юридически прописанным канонам супружества. Самоопределение мужчины в качестве мужа и женщины в качестве жены институционально закрепляется паритетно. Но как в реальности формируются и развиваются внутрисемейные отношения между супругами, зависит вовсе не правового статуса и не от прописанной нормативно формулы равенства. Не надо забывать о том, что в современном западном обществе высокий уровень развития правового сознания отнюдь не гарантирует наличие соответствующего личностного отношения к декларируемым формам совместной жизни мужчины и женщины. Нередко феминистские лозунги о правах женщин противоречат реальным представлениям женщин о смыслах супружеской жизни (иначе зачем вообще вступать в союз с мужчиной?).

⁸⁰ Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 89-90.

Тема внутреннего различия в отношениях между мужем и женой (мужчиной и женщиной), о которой пишет Больц, сама по себе не нова. Она звучала еще в классической философии в связи с осмыслением сущности *желания* и *признания* как ключевых конститутивных моментов антропологического опыта. В частности, в «Феноменологии Духа» Гегеля и в традиции французского экзистенциализма тоже гегельянского толка (Данная тема получила глубокое осмысление в известном комментарии гегелевского текста, который дал А. Кожев: Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по *Феноменологии духа*, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб: Наука, 2003. – 792 с.). Без *различия* сама человеческая природа теряет основания собственной суверенности; опыт самосознания как стержень духовности и мышления делает всякий раз востребованным борьбу неравных начал.

Культура семейности как раз и строится на основе взаимности. Чувства и смыслы не должны быть односторонними, не должны оставаться без ответа. «Любовь – это неэкономическая категория, она требует времени. Это относится и к бесконечному терпению, которое необходимо для воспитания детей, равно как и для понимания любимого супруга»⁸¹.

Большц пишет о том, что изначальная дифференциация мужчин и женщин, их естественное неравенство, без которого вообще было бы невозможно создание семьи, подвергается осуждению именно в либеральном правовом обществе. Категории свободы и равенства, значение права и иных форм публичной регуляции частной жизни человека, очевидно, не способствуют укреплению ценностей семейной жизни и самого супружества как ее ядра. Равенство прав мужа и жены, прописанное в законодательстве большинства стран, стало самой настоящей «превращённой формой». – Оно не просто подменяет содержание семейности ее формальными признаками; по сути, легализует и оправдывает утрату мужчиной своих качеств, традиционно обозначаемых понятием «мужественность», также и утрату женщиной многих из тех качеств, которые наделяли ее столетиями особым статусом и делали само супружество столь желанным для мужской части населения.

В связи с этим далеко не случайно феминистская идеология очень часто сопрягается с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений. Традиционный образ мужчины и женщины мало сочетается с тезисом о равных друг другу представителях полов. Если мы посмотрим на практику современных европейских государств, то обнаружим, что весьма солидными социальными предпочтениями наделяются представители неполных семей, геи, и вообще люди, для которых ценности классической семьи, шире, классической культуры, являются анахронистичными. При этом, что самое интересное, современная высокоурбанизированная жизненная среда рассматривается как предрасположенная к феминизации мужчины и девальвации классической семьи (и традиционной роли женщины в семье). В СМИ и социальных сетях мы

⁸¹ Большц Н. Указ. соч. – С. 90.

наблюдаем открытую пропаганду моды на т. н. «унисекс» и «метросексуализм»⁸² (тогда как «сексизм» чуть ли ни приравнивается к расизму и шовинизму). «Унисекс, прокрустово ложе эмансипации, преодолел путь от модной причуды до правительственной политики. Мужчины должны стать заботливыми и помогать по хозяйству; женщины должны имитировать сексуальное поведение мужчин и подавлять свои материнские инстинкты. Мужчины должны заботиться о детях, которых эмансипированные женщины почти не рожают. Политкорректность делает мужчин мягкими и чувствительными, а женщин холодными и расчетливыми».⁸³ В целом выводы, к которым приходит данный автор, носят однозначный характер (не будем забывать, что он описывает именно западную модель): семья в современном мире, по его мнению, под угрозой.

Тот известный факт, что в современном западном обществе широко распространена мода на заключение между супругами «брачного договора» как юридически обязывающего документа, следует рассматривать не как результат

⁸² Феномен метросексуализма ряд современных культурологов рассматривает как наследие известной классической европейской традиции дендизма (см. интересную обстоятельную монографию, посвященную именно данному вопросу: Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 640 с.), берущей свои истоки еще в новоевропейской культуре рококо (особенно во Франции в XVIII в., когда эталоном мужского стиля были придворные Версалия в противовес прежнему стилю воина). В современном урбанизированном обществе метросексуал – типичный мужчина (чаще молодой), успешный в бизнесе, творчестве, спорте или просто в любой иной профессии, карьере, тщательно отслеживающий все тенденции моды и вообще стремящийся по максимуму жить *стильно*. Об этом стремлении к стилизации жизни в массовой культуре постиндустриального общества писал еще Э. Тоффлер (Тоффлер Э. Шок будущего: / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 339-343). «Молодые люди, принадлежащие к данной социальной категории, не спешат обзаводиться семьей и, соответственно, какими-либо обязательствами, по крайней мере, в обозримом будущем, что не мешает им иметь подруг. Как правило, это бывают последовательные, а не одновременные связи, и такая девушка-подруга имеет статусное положение girlfriend. Партнеры в пролонгированных отношениях называются girlfriend и boyfriend не только в англоязычных странах, но и во многих других европейских странах в возрастной группе от 16 до 45 лет» (Остроух И. Г. Метросексуал – стиль жизни, форма самореализации и самосознание мужчины в постиндустриальном обществе // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 14-22). В качестве метросексуала выступает и гетеросексуал и гомосексуал. Сексуальная идентичность в данном случае погружается в ткань социального и семиотического (знакового) позиционирования. В любом случае, пропагандируемые метросексуалами жизненные ценности (точнее, даже, практика их реализации, воплощения) идут явно вразрез с ценностями традиционного супружества. Конечно, современная высокоурбанизированная жизненная среда, городской комфорт, преимущества цифровых технологий и иные качества «экономики сервиса» не требует от мужчины (мужа и отца) исключительно брутальных черт обычного самца (образ *мачо*). Более того, представительницы прекрасной половины человечества сегодня также нередко выбирают себе в качестве сексуального партнера или просто друга именно метросексуалов (видимо, как дань моде и как желание не быть такими, как все, как масса). В обоих случаях очевиден диссонанс ценностей семейности и супружества и данной тенденции размывания границ мужской/женской идентичности на уровне именно поведенческих моделей. Ценности семейной жизни, супружества – это не просто ценности совместного проживания, сексуального удовлетворения, общего бюджета или даже рождения/воспитания детей. Это в том числе и ценности общего, именно *единого*, смыслополагания, коммуницирования, творчества и т. п. Которые не просто остаются горизонтом совместной жизни, но и являются *реальным* образцом (примером) для формирования личностной стратегии и самосознания каждого члена семьи.

⁸³ Больц Н. Указ. соч. – С. 81.

интеграции правовой и семейной культуры (внешне, формально, брачный договор именно так и подается его адептами в публичном пространстве), а ровно наоборот⁸⁴. – Как выражение глубокого кризиса и рассогласования институционального и смыслового внутрисемейного взаимодействия. Если только в исключительно правовой (буквально прописанной) форме супруги могут и готовы реализовать свое *взаимное* равенство и иные совместные каналы отношений, то это лучше всего свидетельствует об уровне развития культуры супружеских отношений. Супружеские отношения, воспринимаемые мужем или женой как *вариант* собственного жизненного проекта, оставляют семью не позади личного социального «взросления» и реализации (как муж/мужчина/сын/отец в гегелевском проекте гражданского общества) – она просто превращается всецело в предмет сугубо личного свободного *выбора*⁸⁵.

⁸⁴ Еще в конце XVIII в. Кант писал о гражданском контракте как основе брака (Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. В 6 томах. Т. 4. Часть 2. М.: Мысль, 1965. – С. 192-195.). Затем брачный договор стал предметом осмысления в системе Гегеля (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – С. 212-213). Конечную цель и смысл брака немецкий философ определял как *нравственные*. Мужчина и женщина заключают брачный договор не с целью реализации природной страсти. Она в браке отодвигается на второй план. В этом – одно из основных отличий брака от *сожительства*. И Этот момент как раз и характеризует отличие уже современного прочтения сущности брачных уз и семейных отношений. Представитель современной массовой культуры видит в браке легальную возможность реализовывать собственные представления о ценности сексуальной жизни. А возможна ли культура супружеских отношений помимо или вне сексуального взаимодействия – большой вопрос для современника. По Гегелю же, цель супружества – формирование *единого Лица семьи*, единой цельной «нравственной субстанции», развитие которой приводит к рождению и постепенному взрослению детей. Распад семьи, о котором пишет Гегель, – есть лишь момент конституирования новой семьи, с одной стороны, и момент укрепления гражданского общества и государства, с другой.

⁸⁵ Вот это стремление «застолбить» свой сделанный выбор особенно молодыми людьми, вступающими в брак, часто приводит к обратному эффекту. Цель и смысл супружества вступившие *таким образом* в него муж и жена также рассматривают как предмет собственного индивидуального выбора. Если до какого-то момента времени или этапа развития отношений внутри семьи супругам удастся согласовывать свои индивидуальные смыслы и желания, то такой единый семейный проект будет жизнеспособен. Но реальная жизненная практика большинства семей говорит о том, что семейность как форма выраженного предметно единства двух и более людей так и не преобразует индивидуальные проекты. Прежде всего потому, что она сама остается внутри сферы личного частного выбора. Именно поэтому брачный договор и в своей формально-юридически прописанной роли, и как способ выстраивания отношений внутри семьи, в контексте общей эволюции современной культуры и ситуации кризиса семьи, традиционных ценностей, предстает как зримый символ восприятия семьи и супружества как чего-то *временного*.

Не случайно ведь теоретик постиндустриального общества Э. Тоффлер писал о том, что будущее за такой семьей, которая будет выступать для супругов не более, чем «серийным браком», «временным браком». Сама семья из образца устойчивого социально-культурного образования превратится, как полагал автор «Футурошока», лишь во *фрагмент* жизненной траектории (семейной траектории). И со временем в биографии каждого человека страницы семейной истории будут скорректированы вопросом: «на каком этапе реализации семьи и брака как выбранного проекта вы находитесь?» (Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 275-285). В подобное видение эволюции семьи вполне вписывается не только сугубо юридический аспект договорной основы супружества, но и его культурный смысл, ценностная составляющая. Договорная регулировка отношений, юридически зафиксированная структура имущественного взаимодействия супругов, направлена, в конечном счете, на минимизацию споров и конфликтов именно в случае развода супругов: сам развод должен стать максимально легкой процедурой, дойти до уровня «клика».

Для подавляющего большинства современных, особенно молодых, семей характерна следующая формула: «я ищу в семейной жизни нечто такое, что удовлетворит мои представления о смысле существования, об удовольствии, о счастье, о благополучии, эмоциональном насыщении и пр.». – «Идеология самореализации», как охарактеризовал современное восприятие семьи и брака отечественный автор Л. Ионин⁸⁶. Во многом подобное отношение к семье является потребительским. И во многом именно оно лежит в основе причин массовых разводов: мужчина или женщина, вступающие в брачный союз, не видят, не осознают *ценность* совместного опыта (можно сказать даже совместного бытия-быта), и не воспринимают его в качестве цели, к которой еще нужно идти, творчески, работая, в том числе и прежде всего работая над самим собой⁸⁷.

На самом деле идея равенства в ее современном прочтении редуцирует саму культуру супружеских отношений к экономической калькуляции (хотя без нее – никуда!) и институциональным основам функционирования. Не выводит из кризисного состояния, охватившего миллионы семей в ситуации постмодерна, а скорее наоборот, заводит в еще больший тупик. Культура вообще и культура супружеских отношений в частности не может заключаться лишь в уравнивании чьих бы то ни было прав/обязанностей. А если учесть, что правовое измерение равенства чаще всего связывается с обретением большей *свободы* (выбора, действий, моральной ответственности и т. д.), то ценность семьи и соответственно культура семейности оказываются где-то на периферии смысловых горизонтов мужа или жены. Проблема состоит в том, что вступающие в нормативно зафиксированные отношения молодые люди (а возможно и люди преклонного возраста, которые в прошлом имели опыт семейного строительства и на определенном отрезке пути решили реализовать новое видение смысла совместной жизни) фактически подменяют *равенство содержания* семейной жизни *равенством формы*. То есть, другими словами, проект совместной жизни воспринимают как уже готовый, данный и не требующий от мужа или жены творческих усилий. Сама же совместная жизнь, союз двух людей, остается за пределами таких усилий каждого и воспринимается как источник ресурсов семейной жизни, не требующий восполнения.

⁸⁶ Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 210.

⁸⁷ В современном обществе существенно изменилось отношение к разводам. Если в классической культуре традиционного типа развод был фактически социальной и экзистенциальной катастрофой, трагедией, влекущей наложение определенных общественных или сословных санкций, то сегодня развод – легкая процедура, исчерпываемая определенными юридически оформленными действиями. «Формируется своего рода роковой круг: разведенные заключают браки с разведенными, и это делает развод легким и иногда привлекательным выходом из любых жизненных трудностей. Не надо быть большим психологом, чтобы понять последствия такого развития. Чем легче развестись, тем меньше люди вкладывают труда и заботы в сохранение и поддержание собственной любви. Когда легко развестись, люди более склонны к конфликтам и менее склонны идти навстречу друг другу. Они могут подыскать себе другого партнера, который может оказаться лучше предыдущего, хотя, может быть, и хуже» (Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 190).

Когда запросы сексуального наслаждения друг другом и материального обеспечения совместного проживания (приобретение собственного жилья, его комфортное обустройство и т. п.) достигают определенного насыщения, естественно возникают вопросы дальнейшего осмысления совместной супружеской жизни, ее содержательного наполнения, дающего опыт переживания полноты и гармонии. Очень часто появление и воспитание детей и вообще обретение супругами социального статуса родителей становится способом замещения именно того ценностно-смыслового вакуума, который весьма быстро сменяет собой первичное очарование от узаконенного получения наслаждения в интимной сфере или же в статусно-ролевой (в случае брака «по расчету» как выгодной «сделки»). Но даже и родительство в этом случае не в силах «спасти» семью: отец или мать приходят к осознанию необходимости поиска «новых отношений», потому как их совместный проект становится формальным и

Проблема не в том, что самореализация рассматривается мужем или женой как приоритетный индивидуальный смысл. Проблема в том, что такой жизненный горизонт исключает ценность семейной жизни как таковой. И это еще раз возвращает нас к тезису о кризисе семье как кризисе именно культуры семейности: семейность не редуцируема к брачным или родительским, имущественным или правовым отношениям. Семейность как ценность и как способ самоидентификации взрослого индивида должна обретаться и созидаться. А также, что не менее важно, должна передаваться от поколения к поколению. Подрастающему молодому человеку именно родители должны передавать на уровне личного опыта (примера) значение семейной жизни так таковой (прежде всего для самого себя как взрослого состоявшегося члена общества, нужного и ценного в своей индивидуальности). Чем крепче узы семейности, тем человек более защищен от влияния внешних факторов общения, работы, службы и иных форматов жизнестроительства. Таким образом и получается, что семейная культура не просто включает в себя культуру супружеских отношений, а во многом от нее зависит на уровне индивидуального экзистенциального проекта каждого из супругов.

2.2. Культура детско-родительских отношений

Естественным закономерным следствием брачно-семейного союза мужчины и женщины, его общественно одобряемым и ожидаемым результатом является продолжение жизни – появление на свет ребенка. Супруги становятся родителями, а культура супружеских отношений обретает новые свойства и новый статус – культуры родительства и детства как составного компонента культуры семьи. Происходит это и в том случае, если по каким-то независимым от воли человека причинам мужчина или женщина не могут стать родителями в биологическом смысле слова (приёмные дети и в соответствии с действующим

внешним обязательством, лишенным внутренней мотивации и заинтересованного отношения. Осознание долга перед детьми не наполняет семейную жизнь живым нравственным содержанием.

законодательством, и в силу вековых устоев нравственности – это тоже дети и в этом качестве ничем не отличаются от детей кровных).

В родительстве и детстве социально-антропологический и природный опыт человеческой особи обнаруживает свое дальнейшее универсальное измерение, обладающее, конечно, исторически локальными чертами, но в основе своей не зависящее от времени и места появления у мужчины и женщины плода их любви и совместной жизни. Анализ культуры семейности в контексте изучения кризиса традиционных ценностей не может не затронуть вопрос о трансформации отношения родителей и детей как очень важной грани этой самой семейности в современном мире. Состояние российской семьи сегодня в этом измерении является показательным; ряд ее особенностей носит сугубо «сквозной» характер и сближает с семьей европейской или азиатской, вместе с тем есть черты, которые отличают культуру родителей и детей как элемент национальной русской традиции, как ее зримый предметный образ и смысл.

Сама по себе тема взаимоотношения родителей и детей, надо признать, очень емкая, масштабная и во многих своих аспектах, на самом деле, даже выходит за рамки изучения культуры именно семьи (будь то в отношении традиционного общества или же городского постиндустриального). «Родители и дети» – вопрос и сюжет не одной только философии. Если даже бегло посмотреть литературу, посвященную вопросам изучения родительства и феномена детства, то большая ее часть – это разделы психологии и педагогики, демографии, социологии и семейного права. В рамках западной и русской философии тематизация родительства и детства часто осуществлялась в рамках исследования возрастных особенностей человеческого мировосприятия, идентичности, культурных ролей и функций. В современных западных концепциях постиндустриального общества появляются весьма интересные исследования культуры детей, складывающейся под влиянием цифровых

технологий, мировой Сети, виртуальной коммуникации и иных проявлений «четвертой» революции⁸⁸.

Веками отношение родителей и детей становилось предметом осмысления в искусстве и даже политике (вспомним знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха своим детям). Всем хорошо известны великие художественные картины прошлого, произведения скульптуры, классической литературы, музыки, посвященные именно данной стороне жизни человека и самой истории (один самых известных и древних образов, символизирующих связь родителей и детей, представлен в Ветхом Завете). Ставшее метафорой, символически выражающей ход социального времени, его ритм, зигзаги и противоречия, словосочетание «отцы и дети» исторически заняло место в ряду ключевых смысловых и ценностных фигур жизни общества и отдельного человека. Все мировые религии, легенды, сказания, поэтика и мифологии, так или иначе предлагали картины мира, опирающиеся в том числе на определенную интерпретацию данной оппозиции. Но, еще раз подчеркнем, в таком широком формате тема отношения родителей и детей выходит за рамки аналитики семейного образа жизни; в ней появляются смыслы и аспекты, уводящие в сторону от специфики кризиса ценностей семейной жизни в современных условиях.

Хотя, если обратиться к классической европейской и русской литературе эпохи формирования индустриального общества, то во многом именно сквозь призму диалога/конфликта отцов и детей рассматривался и кризис как раз традиционных ценностей, прямо связанных с семейностью и самой семьей как социально одобряемым способом личностного роста субъекта. В творчестве Д. И. Фонвизина, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, А. М. Горького, Б. Дизраэли, О. де Бальзака, Ч. Диккенса, О. Уайльда и мн. др. художников слова критически осмысливается нравственное состояние общества. При этом едва ли не основным симптомом

⁸⁸ Например, см.: Пэлфри Дж. Дети цифровой эры / Пэлфри Джон, Гассер Урс; / Пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Эксмо, 2011. – 368 с.

разрушения его духовных основ выступает сознательное отторжение молодым поколением жизненных принципов «семьи», которая почти полностью ассоциируется с мировоззрением родительским, «увядающим», «ветхим». Идеалы «новой» жизни родителям неведомы или непонятны, чужды. Эта же тематика наполняла и многие страницы литературно-критических заметок и общественной публицистики – очень распространенного жанра интеллектуального творчества в XIX в. Такой срез темы «родители и дети», несомненно, важен в рамках культурологического исследования семейной жизни. В его проекции на наше время высвечивается ключевой вопрос – как влияет специфика информационного общества, культуры сетевой цифровой коммуникации на соотношение разного уровня ценностей – родительских, детских и ценностей самой семьи как единого жизненного опыта и «организма». Является ли оппозиция ценностей детей родительским – оппозицией ценностям семьи и семейности сегодня? Классический сюжет конфликта «отцов и детей» ныне – это конфликт детей с семьей или нет? И, наконец, главное: кто они – современные родители и современные дети?

Прежде чем попытаться ответить на данные вопросы, следует с самого начала обозначить ряд принципиально важных аспектов.

Социальный статус и культурные грани *родительства* в современном мире (и российское общество здесь не исключение), его смыслы, задачи, формы предметного воплощения, отнюдь не равны сумме социально-культурного опыта *материнства* и *отцовства*. В любой культуре и во все времена родители – это всегда *пара*. Это та самая семейная пара, союз мужчины и женщины, которая изначально и создает новую семью (вступает в брак и затем рождает детей). При этом в этой паре присутствует мужчина как муж и отец и женщина как жена и мать.

Исторически так сложилось, что по мере эволюции самой цивилизации, традиционного патриархального общества с его циклическим жизненным укладом и статичной социальной структурой, затем промышленного городского типа общества, роли, функции и ценностное измерение отца и матери

качественно менялись. Соответственно, не оставался неизменным и образ родителей. Даже в пределах одной исторической эпохи и традиции: в большой крестьянской семье и в аристократической семье Средневековья или Нового времени отношения отца, матери, родителей между собой и к детям было разным. Разным был и статус детей, сам образ детства, его мир, особая семантика и эстетика. Родители и дети были порой очень далеки друг от друга не только в возрастном и нравственном плане, но и в эмоциональном, социальном, и даже политическом. Далеко не всегда в прежние времена содержание отношений родителей к детям было таким, к которому привыкли мы сегодня. А статус матери и тем более отца никогда не отождествлялся полностью с родительским (с его функциями и целями). Нередко задачи прямого воспитания, ухода, «кормления» выносились за рамки функций и статуса родительства. В аристократических кругах, в городском сословии «мастеров» западноевропейских королевств в Новое время была широко распространена практика воспитания ребенка в чужой семье (считалось, что так процесс воспитания будет более результативным)⁸⁹. Нередко, особенно в «третьем сословии», «чужой» ребенок становился просто *слугой*. Эта особенность отношения родителей к собственным и к чужим детям хорошо описана в художественной литературе, нашла свое отражение даже в языке (напр., во франц. языке слово *garçon* означает в повседневной речевой практике одновременно и мальчика и слугу).

Так сложилось на протяжении длительного цивилизационного развития всего человечества, что идеи и образы отцовства и материнства значительно превосходят грани сугубо семейной жизни и саму семью как способ социально адаптированного существования индивидов. В первую очередь и отцовство и материнство исполнено архетипическими смыслами *начала, порождения, тварности, «почвы» (земли)*, которые на протяжении тысячелетий видоизменялись и обрастали различными коннотациями, начиная от простейших

⁸⁹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – С. 363-367.

архаических мифопоэтических образов и заканчивая сложными рафинированными метафизическими, онтологическими конструкциями монотеистических религий и европейской философии.⁹⁰ В таком древнейшем понимании и отцовство и материнство были тесно связаны с общей преобладавшей дуальной картиной универсума, которая в отцовстве часто видела активное преобразующее, формообразующее начало, а в материнстве пассивное, поддающееся обработке. Отцовство и материнство, имеющее отношение к среднестатистическому семейному опыту, в зависимости от традиции, времени, ценностей и иных факторов, по общественной санкции и или по личному выбору самих людей, могло, конечно, примерять на себя эти высокие идеи и масштабные смыслы. Однако, конкретное русло развития уже семейного типа коммуникации между матерью, отцом и ребенком зависело от целого ряда условий и обстоятельств экономического, политико-правового, эмоционально-психологического и иного свойства. «Отцы и матери неодинаково воспринимают и относятся к сыновьям и дочерям, к новорожденным и к подросткам. Кроме того, их взаимоотношения зависят от конкретных социальных условий, так что “естественное”, само собой разумеющееся, нормативное для одной страны и эпохи, например инфантицид [умышленное детоубийство], выглядит “противоестественным”, странным и даже чудовищным в другую эпоху»⁹¹.

Родительство невозможно представить без матери или отца (пусть даже приемных), но оно к ним не редуцируемо. – Именно данный аспект играет ключевую роль в понимании трансформации родительства и детства как компонентов культуры семьи в ее ценностном и правовом измерении в современном обществе.⁹² Прямое подтверждение чему мы находим в том числе

⁹⁰ Как известно, данный аспект стал предметом изучения в традиции психоаналитической философии, а также в философско-исторических концепциях новейшего времени, акцентировавших цивилизационное или типологическое своеобразие обществ/традиций, выражающееся в преобладании «женского» или «мужского» типа духовности, идентичности, мышления и т. д.

⁹¹ Кон И. С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 251.

⁹² Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России. Автореф. дисс. доктор. социол. наук. Институт социологии РАН. М., 2008. – 49 с.

в современном российском законодательстве: программа укрепления института материнства во всех нормативных локальных и общегосударственных документах прописана, что называется, «отдельной строкой». И дело не только в демографическом аспекте. Понятно, что окончательное решение рожать и воспитывать детей принимает всегда женщина (против воли женщины может наступить беременность, но рождение ребенка – остается в поле ее выбора). Важны еще и социальные роли и формы *реализации* материнства, которые очень сильно разнятся с отцовскими. С определенными допусками родительство можно рассматривать как некое сочетание ролей и ценностей отца и матери, но лишь в том случае, если за точку отсчета принимать образ семьи как *начало* новой «ячейки» и нового миниатюрного «организма». А вот по отношению к ценностям детства и образу *детей как членов семьи*, родительство уже будет отличаться от простого сложения усилий отца и матери.

Итак, культурно-исторические и социальные смыслы отцовства и материнства отличаются от родительских: они не совпадают с ними ни по объему, ни по содержанию практической деятельности, общественно значимых функций и целей. Хотя, безусловно, очень близки. Указанное отличие проявляется и на уровне восприятия родителями, отцом и матерью, собственных детей: для одних дети и весь жизненный опыт, связанный с детьми, есть ответ на потребность в любви, ласке, заботе и т. п., для других дети могут выражать определённый социальный символизм или вообще быть случайным следствием и навязанной необходимостью.

Степень близости смыслов родительства с отцовством/материнством возрастает по мере приближения семьи и общества к нашим дням, ко времени господства малой городской семьи и настойчивого стремления западного социума застолбить «право вето» на традиционные нравственные устои. В современной городской семье мы не встретим «кормилиц». Если это не предусмотрено какими-то медицинскими соображениями, связанными с заболеваниями молочной железы у женщины или возможностью инфицирования новорождённого в период грудного вскармливания. Зато очень часто занятые на

работе *мамы* и *папы* прибегают к услугам профессиональных няnek (по статистике, больше всего услугами няnek пользуются именно обеспеченные слои населения). В первую очередь это делают молодые супруги, проживающие, как правило, в большом городе, работающие и вообще плотно окутанные многочисленными социальными и экономическими горизонтальными и вертикальными связями-нитями. Статус и роль нянки вполне вписывается в ценностный круг подобной городской семьи, в приоритеты обоих супругов, преследующих цели личного успеха, образования, творческого роста, обогащения или следования пресловутой «феминизированной» моде, отвергающей образ женщины-жены-матери, сидящей дома и занимающейся бытом и воспитанием детей (редко эту роль примеряют сегодня на себя мужчины). Российские авторы Синявская О. В., Гладникова Е. В. в своем исследовании процессов институционализации услуг «профессионального родительства», с опорой на солидный фактический материал и обширные статистические данные, показывают, что «Спрос на инновационные институциональные услуги, помощь со стороны профессиональных работников по воспитанию и образованию детей заметно выше со стороны наиболее образованных родителей. И в этом проявляется их стремление раньше начать развитие ребенка, обеспечить его более качественную подготовку к школе».⁹³

При этом существуют серьезные объективные барьеры развития сферы услуг профессионального «ухода за детьми», связанные с особенностями того или иного региона, финансовым положением семьи и т. д. Данные, которые приводят указанные выше авторы, относятся к периоду 2000-х годов. Именно тогда в нашей стране был объявлен курс на укрепление института семьи, материнства и детства. Сегодня цифры статистики, конечно, могут отличаться и как таковые составляют предмет интереса в большей степени именно

⁹³ Синявская О. В., Гладникова Е. В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. – С. 372-373.

социологии, а не культурологии.⁹⁴ Но это отличие не меняет концептуальный характер общей картины состояния культуры родительства: функциональная нагрузка отца и матери, связанная с уходом, воспитанием, образованием детей и разной помощью им, не тождественна тем смыслам и ценностям, которые супружеская пара (или родитель-одиночка) полагает в качестве содержания собственной идентичности в качестве родителя.

Мировая Сеть полнится объявлениями и другого рода – «как научиться быть родителями?»⁹⁵. Подобное превращение родительства в профессию прежде всего конечно происходит в определённой коммуникативной среде сообществ и групп, преследующих часто вполне коммерческие цели (или рекламу, пиар). В нашей стране в последние годы такая идея профессионального родительства также стала весьма популярной особенно в связи с ростом социальной поддержки детей-сирот со стороны общественных организаций и государства.⁹⁶ Вот что читаем на одном из профильных информационных порталов: «Профессиональная замещающая семья – тип устройства, когда дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, воспитываются в семейной обстановке профессиональными родителями. При этом профессиональные родители не обязательно становятся опекунами или усыновителями. Профессиональные семьи соответствуют нескольким критериям: воспитание детей – основная занятость профессиональных родителей; семьи постоянно работают со специалистами (психологами, педагогами, логопедами) для создания индивидуального плана развития детей; у таких родителей очень высокий уровень подготовки: они могут воспитывать детей со сложными случаями (подростков, братьев и сестер – особенно, когда их больше, чем двое, детей с повторными возвратами, детей с ментальными особенностями развития);

⁹⁴ См., например, обширные аналитические обзоры с данными опросов населения РФ по темам, связанным с положением семьи, детей, отцовства и материнства, которые приводит ВЦИОМ: «Дела семейные». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinnye>

⁹⁵ О феномене профессионального родительства в России. – URL: <https://ru.exrus.eu/O-fenomene-professionalnogo-roditelstva-v-Rossii-id595cc15ecb828a08c20a4078>

⁹⁶ Махнач А. В. Профессиональная замещающая семья: статус, проблемы, решения // Проблемы сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 341-400.

профессиональная семья может быть и временным решением, пока ребенку не найдут приемных родителей».⁹⁷ Сама идея такой «замещающей» семьи иллюстративно раскрывает уровень качественного изменения статуса и самого смысла родительства в современном обществе.

Культура родительско-детских отношений ныне, в том числе в нашей стране, пребывает в зоне повышенного влияния господствующих социально-политических идеологий и различных экономических обстоятельств. Почему мы выше указали на «вечный» характер вопроса об отношении «отцов и детей»? В наши дни отношение родителей и детей также является важнейшим индикатором нравственного состояния общества, его культуры и степени зрелости, готовности воспроизводить ценностный уровень именно коллективного существования.

Сегодня именно с темой отношения родителей и детей связаны основные вопросы, проблемы и противоречия семейной жизни: основы семейного воспитания (потому как речь идет всегда о воспитании детей, субъектами которого выступают родители), возможность и необходимость аккумуляции материальной почвы семьи, стремление оставить детям наследство, помочь приобрести им собственное жилье и в целом как-то «закрепиться» в сложном и порой жестоком мире. Исторический опыт советской и российской семьи уже наших дней очень показателен в этом отношении. В советское время идеализация общественного воспитания и формирования некоего идеального типа «советского гражданина» связаны были преимущественно с публичными институтами. Советская педагогика и психология семейной жизни официально явно отдавала приоритет школе как субъекту не только образования, но и воспитания. Советская школа во многом охраняла детство, но одновременно вырабатывала в ребенке определенное отношение к семейности (все мы помним ставшие сюжетами известных кинолент ситуации, когда внутрисемейные споры выносились на публичное обсуждение на уровне местных партийных организаций). Поэтому на волне крушения советской государственности и в силу

⁹⁷ Слабжанин Н. Профессиональные семьи и профилактика: как победить сиротство в России. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5ee8889e9a794776ebb75219>

слабости культуры семейности (в СССР подменявшейся культурой быта, досуга, постоянно не удовлетворенного потребления, дефицита благ и т. п.) в конце прошлого века собственно воспитание как таковое оказалось почти в полном забвении. Та малая часть населения страны, которая в хаосе экономических и правовых перипетий смогла как-то сохранить ценность семейного образа жизни и самой семьи на уровне именно личностного самоопределения, столкнулась просто с тем, что на «выходе» своего воспитательного процесса результат не был востребован обществом и самим воспитуемым.

Сама жизнь диктовала определенные условия, при соблюдении которых молодой человек, вступающий во взрослую жизнь, мог получить шанс на *успех*. – Ключевое слово, ставшее основным критерием выстраивания всякой индивидуальной моральной стратегии. А чем такая обусловленность оборачивается для воспитания и отношения человека к воспитательному труду? Только одним – обесцениванием того *всеобщего* (смыслов, целей, масштабных жизненных задач), которое единственное и может составлять основание воспитания как постепенного обуздания «природного произвола» и формирования у подрастающего человека основ самосознания, собственного «я» в соотношении с общественными нормами и ценностями. И составляло всегда ранее в традиционном обществе и в семье с господствующей системой традиционного мировоззрения. Не секрет, что для подавляющего большинства россиян (наверно, не только россиян) в последние десятилетия смысл родительского попечения о детях, их воспитания и заботы о них сводился именно к социально-экономическому измерению существования (создание материальной почвы для детей, добыча возможности успешной карьеры и т. п.). Отчуждение культуры семейности от нормативного (институционального) режима современной малой семьи, о котором шла речь в первой главе диссертации, сильнее всего и проявляется в кризисе культуры отношений родителей и детей. Скромный «символический капитал» семейной формы общения, семейности как основы личного самосознания и самоидентификации приводят к тому, что классический конфликт *отцов и детей* делает крен в

сторону нового витка – *конфликта семьи и детей*. Возможно, в связи с предпринимаемыми в последние годы государством усилиями (в том числе провозглашенный Президентом РФ новый национальный проект «Семья» в его стратегическом, а значит, надо полагать, и ценностно-смысловом статусе и качестве) эта тенденция будет переломлена в более позитивном для общества и самой личности направлении.

Нельзя не сказать о том, что родители и дети в современном мире оказались предметом острых дискуссий о правах и свободах личности. В первую очередь, конечно, в европейском и американском обществе. В предыдущем параграфе мы установили, что для культуры супружеских отношений сегодня характерно противоречие между правовой (нормативно-институциональной) формой закрепления союза мужчины и женщины, неизбежной с экономической и социальной точки зрения, и ценностным измерением отношений семейной пары. Конфликт права и ценности стал не просто фактором эволюции современной городской семьи, он стал участником внутрисемейной коммуникации, дополнив классические сюжеты семейных драм прошлого. Отношения между родителями и детьми сегодня с этой точки зрения являются «органичным» и – увы – закономерным следствием раскручивания темы «прав гражданина», получившей модную и пропагандируемую (во всяком случае сторонниками неолиберального дискурса и идеологии феминизма) интерпретацию в координатах «гендерного партнерства». Актуализация темы прав детей, а по сути, их сознательное превращение в искусственных «взрослых», и есть не что иное как перенесение идеологии партнерства на внутрисемейные, а точнее, на родительско-детские отношения. Огромную роль в этом процессе играет прежде всего т. н. *ювенальная юстиция* (англ. *juvenile justice system*).

Сама по себе тема ювенальной юстиции – масштабная и противоречивая. Огромный объем литературы по данному вопросу представлен прежде всего многочисленными юридическими и социологическими публикациями (их исчерпывающий перечень, особенно с учетом зарубежных, наверно и не имеет практического смысла). В таком своем объемном качестве и статусе ювенализм

– предмет отдельного исследования. Наша задача – раскрыть влияние самой идеи институционального закрепления «прав ребенка» на эволюцию семьи, семейности, семейных ценностей. Главный вопрос, который задают многие участники научных и общественных дискуссий, а также рядовые граждане, который повторим и мы – не приведёт ли к дальнейшему разрушению семьи и ценностей семейной жизни ставка на ювенальную юстицию?

Кратко напомним, что истоки ювенальной юстиции уходят во вт. пол. XIX в., когда в ряде европейских стран и США возникла идея защиты прав несовершеннолетних, которые активно были уже тогда вовлечены в производственный процесс на крупных промышленных объектах. Первый ювенальный суд в собственном смысле слова был учрежден в США в Чикаго в 1899 г. При этом самую активную роль в его организации играли представительницы феминистского движения (члены Чикагского женского клуба, а также Джулия Латроп из общественной организации «Hull House» (приют для иммигрантов), общество патроната «Visitation and Aid society» и др.⁹⁸). Первоначальный смысл ювенального правосудия носил сугубо юридический характер, не связанный как-то с позиционированием тематики прав детей по отношению к ценностным установкам семьи или общества в целом. – Такое толкование ювенализма получил уже в последние десятилетия.

Сама по себе тема особого статуса или особого правового режима несовершеннолетних не является изобретением именно модерна. Как минимум, со времен еще поздней Античности детство и юность рассматривались вполне обособленно с точки зрения прав и возможностей соответствующей социальной группы (по половому или возрастному критерию).⁹⁹ Уже в эпоху становления

⁹⁸ См.: Ювенальная юстиция. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция; Давыдова Ю. Х. Проблемы применения ювенальной юстиции в области защиты прав несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10. – С. 167-169; Чашин А. Н. Ювенальная юстиция. М.: Дело и Сервис, 2014. – 112 с. и др.

⁹⁹ См.: Джарман О. А., Микиртчян Г. Л. Судьба детей подкидышей в античном мире // Медицина и организация здравоохранения. – 2018. – Том 3. № 1. – С. 49-59; Кленьшева Н. Д. Рождение ребёнка в древнеримской семье: боги и ритуалы // Диалог со временем. – 2010. – № 33. – С. 260-273.; Кон И. С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 256; Павлов А. А. Брак: любовь или добродетель (античные этюды) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2001. Вып. 2. – С. 9-28; Смирин В. М. Римская «familia» и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. – С. 18-40 и др.

индустриального общества и массовой культуры детство стало предметом внимания в контексте изменения социальной и экономической функций малой семьи в городских условиях (а промышленный рост прежде всего и проходил в городах). Лучше всего об этом сказано в специальном разделе «Капитала» К. Маркса, посвященном женскому и детскому труду: «Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи»¹⁰⁰. О детском труде еще в доиндустриальную эпоху европейской истории писал и М. Фуко¹⁰¹. Если ювенализм рассматривать с такой позиции, как осознание необходимости защиты детей (подростков) от эксплуатации и элементарного насилия со стороны социальной, экономической или даже политической системы, то он вполне оправдан и даже востребован. И прямо, и косвенно это подтверждает та нормативная источниковая база, которая современными юристами рассматривается как фундамент ювенальной юстиции¹⁰². Обратим внимание на то, что основная часть данных документов была принята в середине и второй половине минувшего столетия именно как реакция международного сообщества на масштабные нарушения и прав человека вообще и несовершеннолетних, в частности, широкая практика которых составляла значительную половину жизни западноевропейского (и опосредовано, бывшего колониального) социума. Как раз послевоенное время и характеризовалось в западных странах как период активного формирования т. н. «социального» государства. Правовая защита детей рассматривалась в такой ценностной системе координат как необходимый элемент социальной политики.

¹⁰⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга I: Процесс производства капитала. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 401.

¹⁰¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – С. 241.

¹⁰² «К источникам ювенального права принято относить международные правовые акты: Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.; Конвенцию о защите прав и основных свобод человека 1950 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Женевскую декларацию прав ребенка 1924 г.; Декларацию прав ребенка 1959 г.; Конвенцию о правах ребенка 1989 г.; Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г.; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила); Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г. (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 и др.» (Ветошкин С.А. Ювенальное право: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. – С. 22.).

В наше время, особенно на волне неолиберальной идеологии «гендерного равенства» («партнёрства») и идей феминизма, а также в связи с правовым закреплением в ряде европейских стран института однополого брака и возможности получения родительских прав представителями одного пола (вместо традиционных «мама» и «папа» теперь гендерно нейтральные символы – «родитель № 1» и «родитель № 2»), ювенальная юстиция стала публично позиционироваться как способ установления «подлинной свободы личности» и распространения моральных принципов «нового» типа. Как мы уже отмечали, «новая мораль» не связана никакими традиционными смысловыми узлами, никакими христианскими убеждениями и никакими гуманистическими идеями классической культуры модерна, давшей миру в образах и мыслях литературы и философии выдающиеся примеры поиска оснований духовности, нравственности, в целом, человеческого бытия и истории. Именно в таком идеологически оформленном виде ювенальная юстиция сегодня используется в качестве открытого политического инструмента спекулятивной манипуляции общественным сознанием различными агентами глобалистского фронта. Вполне очевидно, что такой ювенализм есть яркий пример современного социального и юридического экстремизма. И уже совершенно независимо от первоначальных целей и смыслов его конечный результат так или иначе связан с деструкцией семейной формы жизни, традиционных ценностей семейности и всего общества.

Стремление широко внедрить ювенальную юстицию, оправдать ее, аргументировать именно ценностно (связать с гуманизмом), должна рассматриваться как индикатор разрушения существовавшего веками фундаментального отношения между родителями и детьми. Того самого, благодаря которому сама семья и как институт, обусловленный нравственной, эстетической, духовно-мыслительной составляющей общества, и как первичный экзистенциальный, коммуникативный, эмоциональный опыт индивида, существовала, выполняла свои всеобщие признанные функции и являлась, самое главное, базовой ценностью в сознании взрослеющего человека. Иными словами, превращение ребенка в субъекта права, абсолютно равного любому

взрослому, то есть превращение его в *партнера своим родителям*, есть явный и яркий признак разрушения ценности семьи. И в этом смысле, подчеркнем, разрушения базовой мировоззренческой смысловой платформы жизни самого будущего взрослого человека.

Как минимум, ребенок, рассматриваемый на уровне публичных институций, права, социальных трендов, как обладатель «взрослой» правосубъектности, уже выходит за рамки процесса родительского воспитания. Само это воспитание лишается многих совершенно объективных проводников и инструментов, сводясь к «терпимости», «невмешательству» и сбережению самой открытости. А ведь мы хорошо знаем и помним, что тысячелетиями в истории культуры, в том числе в истории европейской традиции, включая философию и христианство, смыслы воспитания включали в себя не только «позитивный» аспект, но и элементы понуждения, наказания, ограничения свободы в действиях, словах и выборе. В современном радикально настроенном ювенализме считается желание не только утвердить права ребенка как равные правам взрослого. Претензия звучит масштабнее: наделить ребенка не просто партнерским уровнем правосубъектности, а *особым* уровнем и статусом. Родители, как и специально созданные органы публичного контроля, опеки и т. д., обязуются охранять данные права и всячески способствовать их воплощению.

В данном случае, говоря о смыслах и следствиях юридически прописываемого статуса ребенка как «партнера» своим родителям, следует, конечно, понимать, что современная социально-экономическая ситуация, особенности коммуникации в информационном обществе, иные аспекты самой жизни, явно становящейся все сложнее и сложнее, объективно приводят к более раннему превращению ребенка во взрослого. Можно выделить много параметров такого взросления, начиная от физиологического и полового «созревания» девочек и мальчиков, готовых вступать в интимную связь, и заканчивая необходимостью начала активной трудовой деятельности. Иногда такая необходимость наступает совершенно независимо от самого ребенка или даже окружающих его взрослых; может быть связана с внешними социальными

или экономическими катастрофами, кризисами, войнами, вынужденной миграцией и т. п., либо с внутренней ситуацией в семье, утратой родителей или их недееспособностью. Если же, все-таки, ребенок не теряет родителей, но, например, в 10-летнем возрасте принимает решение самостоятельно добывать «карманные деньги на мороженое» посредством выполнения той или иной дополнительной себе работы, то в какой-то степени, в качестве субъекта хозяйственной деятельности, он может выступать «партнером» своему отцу или матери. Нередко такая ситуация возникает в тех семьях, в которых, по мере перехода ребенка из раннего детского в средний детский возраст, более активную роль в его воспитании начинают играть не «мама с папой, а бабушка с дедушкой». В этом очень известном всем случае мальчик или девочка на стороне более старшего поколения своей семьи находят порой большее и чуткое понимание своих желаний и ценностей (не обязательно капризов!) и тогда отец/мать становятся в отношении *условного* равенства с сыном/дочерью.

Подобное партнерство не следует отождествлять с пропагандируемым в неолиберальной общественности (особенно это касается Скандинавских стран¹⁰³) статусом ребенка, подавляющим и родительский статус и статус самой семьи. В случае, когда ребенок среднего возраста действительно по каким-то объективно сложившимся обстоятельствам получает некий собственный «надел» работы или может быть даже долю в «совещательном органе» своей семьи, в принятии каких-то общих решений, что реально может предотвратить сползание такой ситуации в крайности и экстремизм ювенального (или феминистского, трансгендерного) публичного дискурса? – Только одно: крепкая сохраняющаяся и приумножаемая *культура семейности*, сама *семейность как ценность и как основание самосознания индивида*. То, что, к сожалению, ныне утрачено многими семьями, в том числе и в нашей стране. Семейность не

¹⁰³ См.: Волгушева А. А. Зарубежный опыт социальной защиты детства. – URL: [Зарубежный опыт социальной защиты детства \(center-yf.ru\)](http://center-yf.ru); Резник В. Формы семейных отношений и их отражение в законодательстве/ Семейное право в Швеции // Права соотечественников Северной Европы. – 2014. – № 2. – С. 32-39; Останин М. Страны Скандинавии: оборотная сторона ювенальной юстиции. – URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/strany_skandinavii_oborotnaya_storona_yuvenalnoy_yustitsii_1612/; Рачек И. М. Механизм защиты прав ребенка на международном, европейском и российском уровнях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. – С. 119–122 и др.

отвергает полностью партнерство, но, как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, она не может низводиться на уровень атрибута в коммуникативной реальности двух (и более) партнеров. Внутри семейной связи есть любовь, есть ценность красоты, особый эстетический мир. Между партнерами могут быть лишь *отношения*, критерии и смыслы которых привязаны не к тому, что людей скрепляет духовно, эмоционально, повседневно, а к тому, что их обособляет, к тому, что рассматривается в обществе с массовой культурой как основание индивидуалистической стратегии «я», ее успешности, эффективности, оправданности.

Данная грань отношений между родителями и детьми, которая складывается в современном обществе и частично идеологически захватывается (культивируется в публичном пространстве, в сфере «брендов», моды) ювенализмом, к нему, как ангажированному и весьма агрессивному вектору социального развития, конечно же, не сводится. В более широком смысле и сам феномен ювенализма и обозначенные выше ситуации раннего «взросления» ребенка имеют социально-культурное измерение, не выводимое только из роли усиливающейся правовой регуляции в обществе. И это самое измерение раскрывает существенные, глубинные аспекты родительско-детских отношений, влияющие прямо на судьбы семейного образа жизни в исторической ситуации наших и предстоящих дней.

В конце концов, радикальный вариант ювенальной юстиции, пропагандируемый в ряде европейских государств, является предметом и делом политического мышления и поведения элитных групп в обществе. Насколько само общество и от его имени государство, публичные институты, сама власть, готовы и способны отстаивать традиционные семейные ценности, противостоять деструктивному валу правового экстремизма в сфере вопросов семьи, детства, материнства и пр., ровно настолько семья хотя бы на институциональном уровне и будет защищена. В нашей стране, как мы видим, в последние годы предпринимаются масштабные меры по поддержке семьи и семейных ценностей. И это отражает не просто уровень желаний власти; в семейной

политике говорит и само общество. Что, конечно, объективно свидетельствует о пробуждении и укреплении национального самосознания и постепенном преодолении отчуждения элитарного сознания – очень негативного фактора российской социально-культурной действительности рубежа веков.

Выше мы уже несколько раз отмечали невозможность некоего универсального идеала семьи или супружеской пары. Идеал у каждой семьи, у каждого вступившего в брак, свой, личный. Но вот какая любопытная деталь – штрих к общему портрету современного россиянина, значимый в контексте проводимого исследования культуры семейности. На фоне статистических показателей РОССТАТ о количестве разводов¹⁰⁴, по данным ВЦИОМ (на репрезентативной основе проводившегося в июле 2023 г. опроса граждан РФ, приуроченного ко Дню семьи, любви и верности) представления об идеале семейной жизни и ценности детства в массовом сознании за последние годы изменились в положительную сторону¹⁰⁵.

Однако глубинные причины пока еще слабого влияния политического курса в сфере укрепления института семьи и ценностей семейного образа жизни (если говорить о нашей стране) на преодоление кризиса семьи как раз и заключаются в том, что проникающие в самую ткань семейной жизни процессы самой культуры, их прямое влияние на отношения супругов, родителей и детей, носят внеправовой и внеполитический характер. Речь идет об изменении возрастных моделей поведения и весьма кардинальной трансформации феномена детства в современном мире (по отношению к традиционному и

¹⁰⁴ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect; См. также: Семья и дети в России. 2021. М.: «Перо», 2022. – 120 с.

¹⁰⁵ «День семьи любви и верности – относительно новый праздник в истории современной России, в этом году его будут отмечать в 16-й раз. Символом праздника являются православные святые Петр и Феврония Муромские – образец идеальной семьи, наполненной доверием, согласием и взаимопониманием. В наши дни россияне представляют себе идеальную семью примерно так же. *Главное в такой семье – это взаимопонимание, взаимоуважение, забота друг о друге*, так считают две трети наших сограждан (66%), и это почти в три раза больше, чем десять лет назад (26%). За это время опрошенные также стали чаще говорить о таких составляющих идеальной семьи, как *счастье, гармония* (11% в 2013 г., 28% в 2023 г.) и *любовь* (12% в 2013 г., 20% в 2023 г.). А вот благополучие и достаток теперь называются реже (2013 г. – 25%, 2023 г. – 16%). То есть в представлениях об идеальной семье за десять лет появилось больше внимания к духовной составляющей, чем к материальной. Еще один тренд – идеальной семьей стали реже называть полную семью (2013 г. – 20%, 2023 г. – 14%), но в два раза чаще – *семью с детьми* (2013 г. – 7%, 2023 г. – 14%). ВЦИОМ: «Идеальная семья – 2023». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023>

индустриальному типу общества).¹⁰⁶ Конфликт родителей и детей («отцов и детей») как наиболее распространённая версия интерпретации динамики малой городской семьи сегодня приводит к конфликту детей и семьи. Но за ним скрывается более серьёзное изменение ключевой пары любого общества – *взрослого и ребенка*, а также изменение образа и ценности самого *детства* в самосознании индивида. Попытаемся понять, играет ли в этом какую-то роль семья и семейность.

В отличие от правового ювенализма ряд современных культурологов говорит о феномене «ювенилизации» как наиболее характерном симптоме эпохи, отражающем процессы смещения возрастной идентичности (на уровне ценностных предпочтений и коммуникативных, поведенческих моделей). «Ювенилизация означает омоложение поведенческих стратегий индивида, осуществляемое путём включения в них моделей поведения, конвенционально признанных присущими более молодым людям. То есть, ювенилизация означает любой “сдвиг” поведенческих стратегий к образцам, свойственным более молодым поколениям. Она не заключается только в том, что люди старшего возраста начинают одеваться похоже на молодёжь или бороться с биологическими признаками старения. Это ещё и проявления старшими социальных практик, присущих молодёжи. Ювенилизация предусматривает разное заимствование старшими людьми практик не только молодых людей, но и детей и подростков»¹⁰⁷.

Иными словами, ювенилизация означает определенную поведенческую и коммуникативную стратегию на «омоложение» людей старшего возраста. Понятно, что в современной массовой культуре с ее гедонизмом и культом символического потребления стремление быть «вечно молодым» находит свое одобрение в социальных практиках «гламурной» субкультуры (ориентированной чаще всего на образы молодежного стиля), и имеющего

¹⁰⁶ Бочаров В.В. Антропология возраста: Учеб. пособие. - СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – С. 117-139.

¹⁰⁷ Манокин М. А. Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2012. – № 3. – С. 77.

весомую коммерческую подоплеку престижа. Однако ювенилизация – это не только мода и не только желание *казаться* молодым. В первую очередь, это желание именно *быть* молодым, смотреть на мир глазами юного человека, ценить в мире и в других то, что может увидеть и оценить только юный человек.

Отметим огромную роль в этом «цифровой реальности», вовлекающей в свои сетевые структуры практически все сферы общественной и индивидуальной жизни. Что это означает для современной семьи и тенденций изменения ценностного восприятия семейности? Повседневная (обыденная) практика внутрисемейного общения в наши дни нередко сводится к формальному информативному обмену, лишенному эстетики и моральной атмосферы прошлого. Их место занимает пребывание даже старшего поколения бабушек и дедушек в «Сети». Не говоря уже о детях, подростках и их относительно молодых родителях, которые сами фактически принадлежат к «цифровому» поколению, выросшему уже в эпоху социальных сетей.

Подобное «цифровое омоложение» приводит к ломке культурных градаций и взрослых и детей (подростков), а не только к расширению коммуникативного опыта детства и охвату мира взрослых (инфантильность). Реальность цифрового универсума оказывает прямое и сильное влияние на культурный статус родительства. Ныне сложно приходится тем отцам и матерям, которые черпают свои представления о должном из мира социальных сетей и пропагандируемых в блогосфере идеалов. Но самая большая опасность заключается в том, что родители оказываются в ситуации бегства в мир «виртуальных наслаждений» от самих себя, связанных воспитанием детей и скучным однообразным бытом. Скучный эстетический и коммуникативный опыт отчуждённой семейности лишь усугубляет данное противоречие между привлекательной, но фальшивой реальностью фасадов виртуального мира и фактическим содержанием текущего жизненного опыта. А в глазах детей (и тем более подростков с их обострённым мировосприятием) их собственные родители оказываются не конкурентоспособными в деле обретения сокровенной истины анонимного общения. Если для поколения родителей нашего времени цифровая

реальность оказывается во многом компенсаторной по отношению к семейной (супружеской, родительской и иной) жизни, то для их детей жизнь там рассматривается едва ли не как предпосылка жизни здесь. Пребывание в мире Интернета оказывается для ребенка более намагниченным в силу особенностей детского мировосприятия, в котором исходной доминантой является образное восприятие, предшествующее зрелому понятийному мышлению. Удивительный парадокс: цифровизация общительного и образовательного опыта миллионов детей приближает их взросление. Но в то же время такая «взрослость» не делает их социально ответственными.

И вот теперь возникает непростой вопрос: подобное «омоложение» приводит к диффузии культурных градаций *и взрослых и детей* (подростков) или только к расширению коммуникативного опыта детства и охвату мира взрослых (инфантильность¹⁰⁸)? Ответ на данный вопрос имеет прямое отношение к проблеме кризиса семейности. Этот же вопрос можно сформулировать и иначе: не происходит ли в современной культуре растворение детства, его «исчезновение»? – Выражая именно подобное опасение, известный американский культуролог и теоретик педагогики, Нил Постман так и назвал свою книгу, увидевшую свет еще в 1982 году – *The disappearance of childhood*. Так или иначе, культура родительско-детских отношений сегодня отражает не только текущие социальные процессы, но и результирует гораздо более длительные исторические тенденции. «Тенденция к ювенилизации зрелости – одно из проявлений дробления, стирания границ, смешения. Логика дробления дает о себе знать в самых разных областях жизни: в радикальном феминизме, в теории гендера и в играх с полом, в нормализации нетрадиционных форм

¹⁰⁸ Российский автор С. Лишаев причины инфантилизма, свойственного современному массовому мироощущению, видит в особенностях постмодернистской культуры, общества и экономики сервиса, доступности благ и изобилия форм коммуникации (в том числе благодаря Интернету): «Зависимость дробной зрелости от занимательного и занимательности свидетельствует об *инфантильной черте* в человеке, сбросившего груз больших целей и облегчивших себе жизнь. Оставшись без целей и имея много времени не занятого поиском решения вопроса о “хлебе насущном”, они вынуждены решать проблему оставшегося “без игрушки” ребенка: что делать? Чем себя занять?» (Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. – С. 306).

сексуального поведения, в установках на политкорректность, мультикультурализм и т. п.»¹⁰⁹.

По мнению ряда авторов, занимавшихся вопросами культуры детства, данный феномен, несмотря на свою очевидность в любом антропологическом опыте в его природном измерении, как явление культурно-историческое, связанное в том числе с эволюцией личного жизненного пространства индивида, семьей, сменой аграрного общества индустриальным, имеет свои хронологические локации. Во многом эта особенность детства была обусловлена влиянием религиозных представлений (прежде всего христианства в европейской культуре). Как отмечает Ф. Арьес в своем фундаментальном исследовании феномена детства в западной цивилизации, «открытие детства» начинается в эпоху расцвета готики (XIII в.), и в плоть до Нового времени, до искусства большого стиля барокко и пришедшего ему на смену в XVIII в. рококо, ребенок медленно, постепенно занимает свои позиции в образах, смыслах, мотивах, сюжетах и красках культуры¹¹⁰. На протяжении многих веков господства католической картины мира дети земные изображались, фактически, как взрослые, только маленького размера (роста). Их черты, их морфология, анатомия и жестикация ничем не отличались от взрослого индивида (ценность ребенка полагалась как некоторая *степень* от ценности взрослого). Только в эпоху Возрождения появляются изображения ангелов, по сути, как маленьких младенцев («карапузов»). Хотя еще и в XVIII в. несмотря на то, что в эстетике позднего барокко и рококо изображение младенческого тела (купидона, ангела и т. п.) присутствует практически в каждом произведении, создается множество портретов детей (детей аристократии, наследных принцев и принцесс) именно как маленьких взрослых (начиная от позы, прически, костюма и заканчивая общим антуражем, «сценой»). И только с конца XVIII в. ребенок, наконец, обретает те черты, которые хорошо знакомы уже жителю современного общества. «В XX веке ребенок стал своего рода центром сосредоточения эмоций,

¹⁰⁹ Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. – С. 324.

¹¹⁰ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – С. 44-59.

социальной ценностью, доказательством способности индивида вскормить и передать различные качества. Мы видим многочисленные признаки этого в литературе и образах, также как и в целом ряде институциональных мер, предпринимаемых для прокреации детей»¹¹¹.

Фактически, в социально-культурной ситуации, отражающей зарождение современной техногенной городской цивилизации, когда у семьи простых рабочих появляется четко отделённое *свободное время*¹¹² (его можно тратить на внутрисемейные заботы и воспитание детей), ребенок и само детство обретают собственную (не религиозную, не сословно-политическую, как «принцы крови») семантику и ценность. *Детство наполняется своими уникальными смыслами*. Огромную роль в этом играла система образования, *школа*. О сущности школы с этой точки зрения эволюции культуры родительско-детских отношений очень хорошо написал Н. Постман: «Детство ... было порождением среды, в которой определенная форма информации, контролируемая исключительно взрослыми, поэтапно предоставлялась детям в тех формах, которые считались психологически приемлемыми для усвоения. Поддержание детства зависело от принципов управляемой информации и последовательного обучения»¹¹³. Огромную роль в институционализации мира детства через обучение сыграло и массовое издание учебников и детской литературы. При этом «ее преобладающая часть была представлена изданиями дидактического характера»¹¹⁴, что говорит о возросшей ценности именно воспитательного процесса. О роли именно родителей в воспитании блестяще писал в свое время еще В. Г. Белинский: «На родителях, на одних родителях лежит священнейшая обязанность сделать своих детей *человеками*; обязанность же учебных заведений

¹¹¹ История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2015. – С. 607.

¹¹² Понятие «свободное время» используем в точном соответствии с характеристикой из «Капитала» К. Маркса (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга I: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1952. – С. 532).

¹¹³ Postman Neil. The disappearance of childhood. New York: Delacorte press, 1982. – P. 72.

¹¹⁴ История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартъе; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковой. М.: Издательство «ФАИР», 2008. – С. 419.

– сделать их учеными, гражданами, членами государства на всех его ступенях. Но кто не сделается прежде всего *человеком*, тот плохой *гражданин*»¹¹⁵.

Последующая эволюция индустриального социума, затем формирование сетевой информационной культуры, как раз и привели, по мнению Н. Постмана, к разрушению границ между взрослой и детской жизнью. Сам Постман писал свою книгу еще в начале 1980-х гг. и, понятно, уделял большое внимание роли СМИ и телевидения¹¹⁶. Продолжая во многом эту же мысль, другие современные авторы Пэлфри Дж. и Гассер У. в своей книге «Дети цифровой эры» показывают, что объективные процессы виртуализации и сетевизации коммуникации, превращающие обладание информацией в главный социальный ресурс, приводят к неведомым ранее резким скачкообразным рассогласованиям в отношениях между родителями и детьми. Сегодняшнее поколение детей почти полностью вовлечено в *smart*-пространство, окутано Интернетом в виде Сетей и порталов. «Благодаря цифровым технологиям наша личностная идентичность оказалась теперь у всех на виду, причем таким способом, который раньше был просто невозможен»¹¹⁷. Произошла реконфигурация ценностного измерения существования ребенка и подростка (его «разволшебствование»), сказывающаяся прямо на развитии внутрисемейного диалога. Самое главное – происходит «исчезновение» детства в сознании самого постепенно взрослеющего индивида. Вывод, к которому приходит в своей книге Н. Постман и который мы полностью разделяем: «Невозможно представить себе, что наша культура забудет о том, что ей нужны дети. Но она уже на полпути к тому, чтобы забыть, что *детям нужно детство*»¹¹⁸. Вот этот момент, актуальность которого в наши дни по сравнению с 1980-ми гг. возросла кратно, на наш взгляд, является

¹¹⁵ Белинский В. Г. О воспитании детей вообще и о детской книге // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. – С. 295.

¹¹⁶ «Телевидение разрушает разделительную линию между детством и взрослой жизнью тремя способами, каждый из которых связан с его недифференцированной доступностью: во-первых, потому что оно не требует обучения, чтобы понять его форму; во-вторых, потому что оно не предъявляет сложных требований ни к уму, ни к поведению; и в-третьих, потому что не разделяет свою аудиторию. ... Возникающая новая медиасреда предоставляет всем одновременно одну и ту же информацию. Учитывая условия, которые я описал, электрические СМИ не могут утаить никаких секретов. Без секретов, конечно, не может быть не может быть детства» (Postman Neil. *The disappearance of childhood...* – P. 80).

¹¹⁷ Пэлфри Дж. Дети цифровой эры / Пэлфри Джон, Гассер Урс; / Пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Эксмо, 2011. – С. 104.

¹¹⁸ Postman Neil. *The disappearance of childhood...* – P. 153.

ключевым в характеристике современной ситуации отношений между родителями и детьми, между детьми и семьей (и семейностью). А именно: в силу различных объективных (экономических, технологических, нормативно-правовых и иных) причин происходит не просто раннее «взросление» ребенка (в котором нередко заинтересованы и сами родители), происходит *обесценивание опыта детства в самосознании взрослеющего индивида*.

Взрослый индивид может сколько угодно оставаться инфантильным, «играть в игрушки» и относиться к жизни по-ребячески, но это никак не затрагивает его собственный, *оставшийся в прошлом*, опыт детства. Данный опыт и его ценность именно в самосознании человека прямо связан с культурой семейности. Если его определить в экзистенциально-онтологических координатах, то следует указать на *ценность начала собственного пути* в жизни, в мире¹¹⁹. Сохранить эту ценность нельзя нормативно или ситуативно. Задача эта посильна только культуре семейности, способной в своих лучших проявлениях органично сочетать мир детства и формы воспитания/образования, постепенного признания взрослыми права голоса растущего, *признания его права на самосознание и самоидентификацию*. – В этом и состоит суть «входа» ребенка в мир.

Современная же информационная сетевая среда, часто малодоступная родителям чисто технологически и адаптированная специально на подростковое восприятие, деструктивно влияет на границы опыта. «Дети цифровой эры» в собственной оценке самих себя нередко теряют контуры идентичности, восстановить которые не в силах и взрослые (или же у них нет такого желания, если их собственная жизнь ориентирована не на семейность, а на успех и карьеру). Переводя разговор в прагматическую плоскость и подводя итог параграфу, сформулируем не вывод, а вопрос. – Вопрос перед обществом и государством: могут ли сегодня быть выработаны консенсусно нормативные (или какие-то иные) формы закрепления баланса между свободой и не-свободой

¹¹⁹ Подобное толкование роли детства в жизни общества, правда, с психоаналитической точки зрения, приводит и Э. Эриксон (Эриксон Э. Г. Детство и общество / Пер. науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. Кн.», 1996. – 589 с.).

ребенка в информационном пространстве? Чтобы эти формы носили конструктивный созидательный характер, понятно, что они могут опираться только на семейность в широком смысле этого слова.

2.3. Культура межпоколенных отношений

В заключительном параграфе диссертационного исследования отметим сложившиеся на сегодняшний день особенности и противоречия межпоколенческой коммуникации как явления внутрисемейной жизни и как внешнего фактора, определяющего микроклимат в семье, отношения между родителями и детьми, между представителями трех и, возможно, более, поколений (когда «под одной крышей» проживают прабабушки, бабушки, мамы с папами и их дети, соответственно, внуки и правнуки).

В самом общем виде культура межпоколенческих отношений интуитивно понятна абсолютному большинству людей. Она включает в себя накладываемые возрастом правила, ограничения и требования к общению, обмену, передаче опыта или знания. Традиционно всегда семья и рассматривалась как та ступень в жизни индивида, на которой его учат уважать старших, проявлять чуткость к детям. *Уважение к возрасту* – первейшая и наиболее распространённая ценность культуры межпоколенческого взаимодействия, равно как и культуры семейности в целом.

В современной массовой культуре и информационной жизненной среде опасность «исчезновения» грозит не только детству. Она носит более масштабный характер и связана с утратой четких поведенческих, аксиологических и семантических границ *поколениями* вообще. Равно как и сам возраст теряет свои привычные социокультурные очертания. Сложность, противоречивость и объем таящихся здесь проблем прямо обусловлены процессами, увы, неподвластными отдельной семье или тем более отдельному человеку – научно-технологическим прогрессом цивилизации, кратным

увеличением темпа и скоростей жизни, превращением самого социального пространства в огромное переплетение сетей.

Изменение статуса и ценности информации, а также бесконечное совершенствование способов доступа к ней абсолютно всеми желающими, привели к тому, что многократно возросла *онтологическая ценность достижимости* другого человека, предмета, вещи, процесса, территории. Как писал немецкий культуролог Н. Больц, «Даже привычные формы социальной иерархии сегодня все быстрее заменяются гетерархической сетевой культурой. ... Важно не присутствие, а достижимость, не субстанция, а функция».¹²⁰ Фактически, в условиях раскручивающейся «четвертой» технологической революции (понятно, неизбежной и по многим «пунктам» практически полезной), эта достижимость заменила собой онтологическое измерение и ценность, а также осмысленность, эстетическую привлекательность, *присутствия* (со-присутствия). А в любой семье, как мы помним, *общность* жизни, то ее качество, про которое в повседневности часто говорят «жить/думать/делать/решать семейно», практически невозможно без этого самого присутствия как в физическом, пространственно-временном, смысле слова, так и в символическом, духовном.

Многие спросят: почему это присутствие нельзя заменить цифровой копией или проекцией человека? Просто общаться на уровне информационного обмена вполне можно конечно и посредством новейших технологических форм (сети, мессенджеры и т. д.). В этом прагматическом отношении возможности современного индивида и семьи просто несопоставимы даже с семьей сер. XX в., не говоря уже об обществе аграрном. Однако семейность – это не только обмен, а если и обмен, то крайне редко симметричный. Но главное тут другое: опыт присутствия с онтологической и ценностной точки зрения важен не столько как опыт *близости* членов семьи (или просто людей), сколько как опыт определенного *порядка* этих людей и вещей. Опыт присутствия – это опыт *места*, «дух», убранство, «рельеф» которого отражают настройку именно

¹²⁰ Больц Н. Азбука медиа / Пер. с нем. Л. Ионина и А. Черных. М.: Издательство «Европа», 2011. – С. 104.

семейного дела. Присутствуют всегда *разные* люди, и эта их исходная разность не стирается, не утилизируется. С этим связан и эстетизм культуры семейности. Подобным местом может быть и семейный дом, а в доме, например, стол для общего застолья, или сад; могут быть и совершенно отдельные вещи, предметы, особая конфигурация которых воспроизводит только для членов семьи известный *лишь им* смысл, событие.

Мгновенная досягаемость неизбежно влечет за собой обесценивание многих иерархически выстроенных социально-культурных диспозиций, структур, рангов, наконец, обесценивание качества и разности уровней человеческого развития (его образования, воспитания, творческой самореализации, физического совершенствования). То, что в прежние времена, даже в эпоху модерна, было доступно лишь части общества, дифференцированной по возрастному, профессиональному, духовному и иным признакам, теперь оказывается в зоне широкого свободного доступа всем. Вопрос, который когда-то броско поставил Э. Фромм – иметь или быть? – в складывающейся ситуации грозит обернуться собственным обесмысливанием, вызванным тем, что само различие обладания и бытия может быть (или уже почти) утрачено. Ныне занятие своего места в социальном пространстве, по сути, не привязано жестко к социальному времени и к социальным структурам.

Все эти объективные процессы накладывают самый серьезный отпечаток на эволюцию семейной формы существования, а внутри ее на изменения в отношениях между представителями разных возрастов и поколений. Справедливый тезис о перспективе возможного «исчезновения» детства Н. Постмана сегодня следует дополнить опасением следующего рода: вместе с ценностью детства в личном опыте и самосознании индивида тает и ценность взрослой (зрелой) жизни (как определенного структурно выделенного сегмента общества). Что это означает для семьи и может ли сама семья как-то предотвратить подобное «сползание» поколенческой идентичности в бездну цифровой «сборки» «я»?

Сразу же следует отметить, что, как и в случае с вопросами родительско-детского диалога внутри семьи и за ее пределами (конфликтом отцов и детей и т. д.), тема межпоколенческого взаимодействия является масштабным объектом изучения со стороны самых разных комплексных дисциплин и в этом качестве выходит за рамки исследования только семейной жизни и ее трансформации в современном мире¹²¹. Обращение к теме поколений в рамках изучения культуры семьи и кризиса ее традиционной ценностной составляющей в современном обществе, в целом отражает глубинную фундаментальную логику – *историческую логику* – эволюции семьи как *двуединой социоприродной формы бытия человека вообще*, в которой переплетаются случайное и необходимое, возможное и действительное. В этом вообще заключен принципиально важный момент: философский взгляд на семью, в отличие от любого частнонаучного исследования (при всей актуальности и злободневности такой практики в современных условиях), неизбежно приводит к выходу за пределы семьи в само общество, в семью большую («народ» в гегелевском смысле слова). Трансформация компонентов культуры семейности – это не только вопрос об эволюции самой семьи как замкнутого типа общности; прежде всего, это вопрос о том, как меняется внутренний механизм (двигатель) самого общества как единства множества живых людей, молодых и старых, думающих и о «хлебе» и

¹²¹ Наиболее известная концепция, оперирующая характеристиками поколенческой идентичности и межпоколенческого диалога с целью типологизации культуры и антропологических традиций, была, как известно, разработана Маргарет Мид. Кратко напомним, что ученый выделила три типа культуры: *постфигуративный, кофигуративный и префигуративный*. Все они отличаются содержанием и направленностью взаимоотношения между старшим и молодым поколениями (кто у кого учится, кто выступает носителем традиции и ценностей, кто транслирует опыт и т. д.). Постфигуративная культура типична для патриархального традиционного уклада и аграрного типа производства, в котором абсолютный приоритет принадлежит старшим, а образ времени носит циклический характер. Смена поколений в такой культуре не приводит к смене социального устройства, политического или иного прогресса. Кофигуративная культура характеризует периоды цивилизационной мобилизации ресурсов и производства новых эталонов (в первую очередь это относится к новому и новейшему времени – эпохе становления техногенной цивилизации). Она отличается тем, что каждое новое поколение принимает за образец те идеи или нормы, которые вырабатывает оно же само. Ориентация на прошлое уступает место ценности настоящего, а приоритет практик и смыслов воспитания подрастающего поколения уступает место консолидации взрослых зрелых людей среднего возраста, чьи личные достижения доказывают свою эффективность/полезность по отношению к наследуемым моделям и идеалам. Для кофигуративной культуры свойственен конфликт «отцов и детей». Смена поколений коррелирует со сменой базовых ценностей в обществе, при этом наиболее востребованной оказывается нуклеарная семья. Наконец, префигуративный тип культуры, имеющий отношение к нашим дням, специфичен господством ценности будущего и приоритетов жизненных идеалов именно молодого поколения. Концепция М. Мид, несомненно, не утратила своей актуальности и сегодня. (См.: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 322-361).

о «звездном небе над нами», но объединенных универсальностью самого желания *жить* и желания *жизни*. Культура семейности является в многом результатом обустройства и реализации этого самого желания.

Мужчина и женщина соединяются в природно-нравственном союзе брака, влекомые естественной потребностью полового различия, чувством любви, эмоциональным влечением, необходимостью совместного обустройства жизненного пространства, защитой, питанием и пр. В результате их объединения появляется ребенок (несколько детей). Мужчина становится отцом, а женщина – матерью. Их дети – новое поколение. Это не просто продолжение жизни в природном физическом смысле слова. Это непосредственное развитие той самой нравственной (бытийной) составляющей, что единственное и делает союз представителей двух полов *человеческим союзом*, нравственным образованием, связанным с ценностями, чувствительностью, смыслами и образами красоты, добра, понимания и помощи и т. д. В детях как следующем поколении данная специфически человеческая (не животная, не заданная на уровне «генетической предрасположенности») составляющая совместной жизни – подлинного *события* – обнаруживает свое собственное развитие. Дети для родителей – объективация, перевод во внешний предметный мир, данный всем другим людям в непосредственном восприятии и признанный этими людьми, ценностно-смыслового единства, в том числе высокого и лично значимого чувства любви. Семья как такое единство родителей и детей является утверждением и укреплением и человеческой двуединой природы и самого общества, социального организма, опирающегося опосредовано на ту же самую природу. Смена поколений и представляет собой предметное выражение данной опоры. Человек приходит в этот мир, рождается, взрослеет, созидает, творит, воюет, любит, радуется и печалится, открывает духовные горизонты жизни, рождает и воспитывает детей, достигает зрелости, затем увядает и, в конце концов, умирает, покидает этот мир, попричастствовать в котором ему посчастливилось. *Но общество не умирает.*

Можем ли мы сейчас, в XXI столетии, хотя бы приблизительно сосчитать, какое количество поколений сменилось за всю известную современной науке историю цивилизации? Даже если за условную «точку отсчета» взять так называемый «переход» к производящему типу жизни (неолитическая революция). Вряд ли. Каждый из нас, даже с использованием всех новейших технологических инструментов, объективных данных исторической науки, может заглянуть *вглубь* собственной семьи максимум на пару веков, узнать своих предков в пятом-седьмом поколении. Далее надёжность первоисточников кратно снижается (если, конечно, речь не идет об известной династии). Но та незримая тьма людей, родителей и детей, братьев и сестер, которая в итоге доросла до нас, продолжает неявно присутствовать в нас. И не только в каждом конкретном индивидуе через нити кровных связей, но и во всем обществе, в делах и предметах, вещах, смыслах, ценностях, в знании и вере, в культуре как синтезе коллективного мировоззрения, нравственном самосознании, правовом и политическом мышлении.

В этом присутствии, а точнее сказать, в этом длительном и противоречивом историческом движении смена поколений как конституирующий элемент самого общества есть обретенная человеком форма приручения смерти. Смерть как физическая граница человеческого существования не отменима. Бессмертие физическое, если бы вдруг таковое оказалось подвластно жителям Земли, обернулось бы в действительности страшной трагедией. Но вот совладание со смертью в культуре, в жизни сменяющихся поколений, целых народов и государств, вполне реально. Смена поколений есть не только процесс естественный; *для нас* – он есть процесс *познания* именно нравственной, общественной, ценностно-смысловой сущности самого человека. – Самая лучшая по своей наглядности демонстрация *диалектической* природы человека. Все известные на сегодняшний день ученым и философам закономерности человеческой истории (в том числе экономические, социально-политические, этико-эстетические и иные) так или иначе эту взаимосвязь подтверждают.

И именно в этом смысле процесс смены поколений, а значит и судьба семьи, относится к числу самых глубоких, не отменимых единичной волей, основ общественного бытия. От индивида через семью как единство мужа и жены, родителей и детей, лежит путь к обществу. Самое главное: нравственное, специфически культурное, измерение семейной жизни в брачном союзе мужчины и женщины лишь только *предполагается*. Его предметное воплощение, реализация с целью всеобщего признания, происходит в детях. «И эта смена следующих одно за другим поколений получает свое постоянство в народе»,¹²² – подчеркивает Гегель, раскрывая роль семьи в истории и в личном опыте каждого индивида. Смена поколений есть природно и социально обусловленный способ сохранения самой семьи от ее «разрыва» между старшими и младшими, между родителями и детьми. *Единство, целостность, цельность и ценность* семьи как *семьи* (а не просто собрания на одной территории или за одним столом кровных родственников) – есть непосредственное условие *преемственности* культуры, социального уклада, традиций и иных общественных ценностей.

Если все эти отмеченные фундаментальные положения спроецировать на эволюцию семьи в новейшее время, в эпоху индустриального и постиндустриального развития, то прежде всего следует зафиксировать следующее. По мере отказа от «старого порядка» социальной структуры общества (дифференциации его элитных и не-элитных групп), по мере укрепления и роста городов в качестве новых и главных центров экономической, научной и политической жизни семья как способ аккумуляции межпоколенческой связи существенно сужается. Модерн превратил нуклеарную семью в господствующий вид. В стандартной нуклеарной семье присутствуют родители и их дети. Это не означает, что в такой семье нет связи с бабушками, дедушками, братьями, сестрами и внуками. Но в нуклеарной семье горизонт планирования и пределы самой семейности почти не выходят за рамки двухпоколенного взаимодействия. Именно в нуклеарной семье статус и ценность

¹²² Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. СПб.: Наука, 2002. – С. 242.

родителей и детей обретают свое максимально емкое смысловое наполнение. По-особому звучит ценность детства. Слова *мама* и *папа* (в каждой лингвистической группе на свой лад) становятся не просто абстрактными обозначениями, а для каждого индивида, и маленького, и уже взрослого, обретают индивидуальное ценностное звучание. Произнеся когда-то первый раз в жизни «мама» или «папа» каждый ребенок получает и первую форму объективации собственного присутствия в этом мире, его обозначения и определения. «В начале было слово...» и этим словом для любого человека является *мама* или *папа*. Фундаментальный смысл этого *начала* жизни не сводится только к хронографу, к отметке на шкале биографического времени и возраста ребенка, *когда он впервые* осознал/обратился к своей матери. Во многом именно это начало и образует ту координату, ту Вселенную смыслов, вращаясь внутри которой каждый индивид сохраняет не только *память* о своем прошлом, о детстве, но и воспроизводит всякий раз «генетическую» связь с той самой семейностью. Вот почему нельзя просто обойти вниманием опасения по поводу утраты детства детьми в современных условиях. Нет семьи без союза двух людей. Но семья и семейность, забыв о детстве, так же окажутся на краю пропасти.

Кризис традиционной семьи для большинства населения, в том числе в нашей стране, чаще всего и прочитывается на повседневном уровне как разрушение ценностной связи между поколениями, а сама семейность (как то, об утрате чего сожалеют) рассматривается как особая нравственная культура поведения, общения, при которой формирование ребенка, будущего взрослого, его воспитание, привитие ему каких-то мировоззренческих норм, происходит в атмосфере уважения к старшему поколению¹²³. Семейность часто в массовом сознании ассоциировалась с культурой и этикой старших. Далекое не случайно в СМИ и открытых информационных сетевых сообществах состояние современной российской и европейской семьи сравнивают с культурой семейности в Азии и на Кавказе. В этих регионах ценности семейной жизни

¹²³ Колесов В. И., Смолонская А. Н., Смолонский С. И. Семья как социокультурный феномен в современном социуме // Заметки ученого. – 2018. – № 9 (34). – С. 52-57.

прежде всего связаны с особым отношением к представителям старшего поколения, авторитет которого носит безусловный характер. Является ли так интерпретируемая семейность прямым следствием сохранения идентичности определенного поколения или нет? Как мы знаем на множестве конкретных примеров даже российских регионов, почитание старших отнюдь не препятствует укреплению позиций молодого поколения в сообществе.

Культура родительско-детских отношений имеет непосредственным результатом своего развития определенный формат диалога поколений (очевидность этого процесса, как мы выше отметили, была осмыслена в координатах фундаментального онтологического и исторического опыта в классической философии). Вопрос об изменении ценности детства в сознании взрослеющего индивида (а любой взрослый – это бывший ребенок), а также в сознании его родителей, имеет к этому формату самое прямое отношение. Можно ли сегодня говорить о том, что типичная городская (или даже сельская) семья является неким консолидированным миниатюрным обществом – союзом нескольких поколений? Если учесть, что кратно ускоряющийся «бег» цивилизации, возрастающий темп самой жизни, обусловленные техническими и технологическими новшествами, активным захватом всего социального пространства виртуальными конструкциями приводит, или, точнее, уже привел, к ширящемуся рассогласованию идентичности взрослого представителя одного поколения и требований текущего социально-культурного *времени*.

Взрослый человек *среднего* возраста, в котором как раз любой индивид максимум отдает другим и обществу (и получает так же), трудится, создает новую семью, творчески самореализуется, строит карьеру, покоряет вершины социальных или политических пирамид, создает финансовое богатство, традиционно всегда образовывал «костяк» любого общества. На нем лежала основная нагрузка по реализации существующих в обществе и актуально действующих жизненных «программ», функций, нормативов и регламентов. И именно взрослый индивид обеспечивал стабильность ключевых общественных институтов, самого порядка, обладал не только «идеалами» и «грезами» в

сознании, но и в реальной жизни располагал тем или иным «капиталом», сохранение или приумножение которого было для него насущной задачей, определенной ценностью. Будучи членом семьи, такой взрослый индивид во многом уравнивал ценностные предпочтения старших (своих родителей) и младших (своих детей) и в этом смысле выступал неким условным центром семьи, семейной жизни (в какой-то степени гарантом ее стабильности). Что само по себе вовсе не отменяло уважение к старшим и признание особого мира ребенка, сферы его ярких и малопонятных зрелому человеку смыслов.

Проблема же нашего времени заключается в том, что взрослый человек средних лет все стремительнее и стремительнее начинает терять приоритетный контроль связи своей семьи (да и самого себя, если он вообще одинок, что тоже не редкость в наши дни) со стабилизирующими факторами социальной, экономической и технологической сферы, с ценностным вектором общества в целом (теряет власть над «ключами» от прочных устойчивых позиций в обществе). Этот вектор в наши дни именно в лице молодого поколения получает большее понимание и признание. По-видимому, усилия публичных институтов и государства должны быть направлены не только на поиск объективно контролируемого баланса между свободой и не-свободой подростков в Сети, но и баланса между жизненной «компетентностью» зрелого индивида (профессиональной, коммуникативной, смысловой) и его же гибкостью, готовностью в каком-то смысле *быть молодым и далее*. И одновременно такой баланс не должен противоречить семьецентристской установке, потому как создание семьи и работа над ее укреплением, сбережением, созданием домашнего очага, воспитанием детей, требует как раз психоэмоционального, ментального и аксиологического дистанцирования от молодого возраста, требует более четко выраженного усиленного самоопределения себя в качестве *зрелого*.

В условиях, когда новации в жизнь прилетают быстрее, чем среднестатистический человек успевает к ним не только адаптироваться, но и научиться ими продуктивно пользоваться в своей жизни, соблюсти все

указанные балансы становится все труднее и труднее. Иными словами, поколенческая идентичность как таковая сегодня перестает быть гарантом стабильности культуры семейности. Если только, конечно, саму такую идентичность не рассматривать как аморфное состояние. Что мы наблюдаем в современном европейском неолиберальном сообществе с его ценностями «гендерного партнерства», «терпимости» и пр. И эта проблема также актуальна, поскольку пройдет еще лет десять и господствующее положение в обществе, во всем мире, займет поколение, выросшее полностью в Сети, в smart-пространстве. Для этого поколения содержание виртуального измерения жизни, общения, работы более значимо, чем то, что пока еще тяготит над ним *по эту* сторону экрана монитора или смартфона. «Цифровизация жизненного мира – один из важных аспектов возникновения среды, который благоприятствует полисубъектности и препятствует формированию моносубъектного человека. ... Жизнь в ней готовит ребенка к тому, чтобы перенести реалии виртуального мира на реальность вне экрана, как если бы и здесь также не было никаких безусловных границ, правил и принципов. Сетевая жизнь готовит ребенка к тому, что потом, когда он станет взрослым, спокойно, как к чему-то “естественному” относиться к трансформации человека, к изменениям в его идентичности, к ее сменной субъектности, к размыванию границ человеческого и технического (жизнь в сети – форма симбиоза антропоса и техноса). А раз человеческое в человеке не определено, нет границ, то для человека допустимо все, чего хочется в данный момент и что технически выполнимо»¹²⁴.

Во всей этой проблематике есть и еще одна грань, прямо связанная с культурой семейности. Базовая для новейшего времени нуклеарная модель семьи – это родители и их дети, то есть *два* поколения. Однако, листая старые семейные фотоальбомы или просто вспоминая известные традиции советской семьи (во многом они сохранились в российских семьях и ныне), мы видим, что классическое семейное застолье практически всегда предполагало собрание представителей *трех* поколений: бабушка с дедушкой, мама и папа, дети (внуки).

¹²⁴ Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. – С. 310.

Застолье, семейный праздник, в данном случае, взяты как пример, как наглядная демонстрация культуры семейности, ее эстетики и семантики, связанной с определенным *местом*. Если внутрисемейное общение как часть культуры семейности рассматривать с этой точки зрения как коммуникативную *связь* людей разного возраста (возраста в «паспортном» смысле слова), то в какой степени сама семья как такое общительное единство будет опытом «примирения» культур разных поколений и в какой – их нивелированием? В доиндустриальную эпоху места семейной коммуникации сохраняли различия поколений, выстраивая определенные упорядочивающие диспозиции между членами семейной общности. В патриархальном обществе домашний очаг был также и началом отсчета жизни семьи, некой «условной единицей измерения» семейности.

Сформулируем тезис, который поможет лучше охарактеризовать межпоколенческое взаимодействие в наши дни в семье, подверженной влиянию геометрически ускоряющегося темпа научно-технологических инноваций информационного общества, сетевой виртуальной коммуникации:

– *В современной городской семье наблюдается эффект выравнивания глубины межпоколенческого общения и взаимодействия.*

Между бабушками и внуками, между родителями и детьми, между братьями и сестрами, сохраняется возрастная дистанция, сохраняется ценностная, образовательная, психологическая и иная градация. Но в семье (как и в культуре вообще, в любом человеческом опыте) само по себе расстояние или само по себе время в своей изолированности остаются молчаливыми свидетелями вещей или процессов. Дистанция культурная наделена гораздо более значительным содержанием и смыслом. Классическая семья доиндустриального общества и даже индустриального (если говорить о периоде до середины XX в.) являла собой *вертикально* ориентированную целостность. Между самым старшим и самым младшим членом семьи существовало *неравенство* в реализации права определять форму и содержание внутрисемейных связей и отношений. Другими словами, семья и семейность как

целое, как форма, сохраняли, более того, предметно утверждали не просто маркеры поколенческой принадлежности, но само «правило» или условие формирования семейности. Традиционная семья крепка своей глубиной, своим внутренним различием. Патриархальная семейность была во многом наследуема. А жизнь и история такой семьи часто поэтически выражалась как «век семьи». Ее «фасад», «лицевая сторона» – еще не вся семья и не все отношения внутри семьи. Вспомним, например, что на Руси фольклорно знаменитый «задний ум» всегда наследовался молодыми людьми.

Данная особенность получила свое художественное осмысление в классическом искусстве. Если мы сравним известные «семейные» сюжеты в работах художников Нового времени с современными семейными фотографиями, то сразу же бросается в глаза наличие в прошлом определенной ценностно-символической *перспективы*. Причем, наличие данной перспективы присутствует и в трех самых знаменитых картинах, изображающих «*Святое Семейство*»: эта величайшие шедевры Рафаэля Санти (1507 г.), Рембрандта (1645 г.) и Помпео Батони (1777 г.). На всех трех картинах мы прежде всего видим заботливую любящую мать, нежного, беззащитного младенца и отягощенного трудами и годами отца (особенно это хорошо видно на картине голландского художника). Хорошо считывается семейная перспектива и в работах русских художников вт. пол. XIX – нач. XX вв., для которых сюжет большой крестьянской или дворянской семьи – один из излюбленных. В качестве примера можно привести произведения таких мастеров кисти как Иванов С. В., Куликов И. С., Лемох К. В., Маковский К. Е., Прянишников И. М., Толстой Ф. и многие другие.

Поясним: речь идет о перспективе не как о приеме пространственного изображения, известном с Ренессанса, а о смысловой дистанции, о той самой глубине. В художественной интерпретации она проявляется, например, в том, что *взгляд* самого старшего члена изображаемой семьи образует некую условную композиционную ось всего сюжета, то есть картину следует рассматривать как бы глазами не внешнего наблюдателя, а именно этого старшего члена семьи,

тогда и весь сюжет сам «ложится» в единый стройный *рассказ*. Классические повествования хорошо передают само это ощущение глубокого семейного родства как основы, или, лучше сказать, почвы семейности и самой культуры, национальной традиции. В нашей стране также еще в советское время были созданы кинематографические образы больших семей рабочих, крестьян, военных, городской интеллигенции, которые также сохраняли данный принцип изображения семьи как единого эстетического образа и как этического эталона нравственности. Общее, что объединяет семейный портрет (в широком смысле этого слова) классической европейской и русской культуры – это многоуровневость, иерархичность и особый динамизм. Большая патриархальная, чиновничья или дворянская семья развивается. Дом такой семьи – это не мавзолей отцу-основателю или еще более отдалённому предку. Динамика большой традиционной семьи выражалась в разрыве целостности, сформированной старшим. Первоначально – лишь на уровне детской забавы, игры. Затем – подростковой шалости. Наконец, «первого поцелуя» будущей невесты или будущего жениха как символического рубежа, отделяющего почву отцовско-материнского лона от собственной жизненной тропы повзрослевшего ребенка. Сюжет первого поцелуя всегда приглушен вуалью легкой грусти, и понятно, почему. Первый поцелуй прекрасен, он манит, чарует, околдовывает огнем девственной страсти, но он и есть тот рубикон, перейдя который человек обретает *право на диалог* внутри своей родительской семьи.

Что мы видим в современной семье? И видим ли, собственно, эту современную семью, собранную в некое единое целое, в собрание, дирижируемое сквозным общим сюжетом? В социальных сетях, разумеется, представлены, наверно, миллионы семейных фотографий, сделанных в том или ином контексте или по какому-то случаю, событию (семейный отдых, семейный пикник, семейное путешествие, праздник и т. д.). Но все подобные хроники описывают место или событие, в котором семья принимает участие. А теперь зададим главный вопрос: не зная лично участников фотокартины и не принимая во внимание явные внешние возрастные признаки, можем ли мы сами, считывая

со стороны, понять, кто в данной семье является старшим не только по годам, но и по внутрисемейной структуре? Вряд ли. Следует признать, что у современников высоких технологий и цифровых сетей, несмотря на имеющиеся технологические инструменты, слишком мало (почти нет) знаков или кодов целостной семейственности, в которой родители, а также бабушки с дедушками, или другие родственники, участвуют не просто как близкие или знакомые люди, приятные и симпатичные, а как источник самоопределения молодого поколения.

Цифровая эра, конечно, оказывает мощнейшее влияние на семью и как социальный институт, и как личный экзистенциальный опыт каждого. И в большей степени это влияние проявляется в нарушении трансляционных функций семьи, то есть в рассогласовании ценностей и идентичности разных поколений. Что, в свою очередь, обеспечивает механизм саморазвития общества. в этом – важнейшая причина обращения современного российского государства, власти, социальных институтов именно к семье. Только на уровне семьи, *через семью и для семьи* само наше общество может получить серьёзный импульс нравственного, культурного реального оздоровления (а не только декларативного) и преодоления крайне негативных деструктивных последствий глубочайшего травмирования в конце XX в.

Если на мир и общество сегодня смотреть глазами приверженца инновационных форм и моделей жизнедеятельности, то очевидно, что не старшее, а молодое поколение находится в центре целеполагания и определения пути развития каждой семьи. Может ли семьецентризм переформатироваться в ювенилцентризм? На наш взгляд, сама такая постановка вопроса не имеет смысла. Более того, именно устойчивая культура семейности и может выступать единственным лично значимым для индивида залогом сохранения не только связи с родителями, но и собственной ценностной определенности. Прочный семьецентризм не следует трактовать как непреложный авторитет какого-то одного члена семьи, или представителей какой-то одной возрастной или иной группы.

В этой связи предложим важнейший штрих к интегральному философскому портрету современной семьи – *верность* традиционным семейным ценностям как сфере воспроизведения общественной нравственности должна реализовываться не на уровне сохранения семейной структуры и рангов, которые индивид застал в период своего собственного формирования и которые составили для него его личную интимную ценность, а на уровне интеграции с культурой семейности.

Любая семья неизбежно меняется, растет, увядает, ширится и сужается, поколения приходят и уходят. Ценность и смысл *начала* жизненного пути, о котором шла речь выше, *не является установкой на консервацию семьи*. Семья должна открываться и давать человеку возможность раскрыться самому, а не музеефицировать лишь то, что передается ему от семьи. Как писал И. А. Ильин, духовно здоровая и «счастливая семья есть живая школа – сразу – *и творческого равновесия души и здорового органического консерватизма*»¹²⁵. А это говорит о том, что и поколенческая идентичность не должна доминировать над собственной личной определенностью человека, над его самосознанием. Для пояснения: известная и описанная в психологии ситуация, когда человек во взрослом состоянии тяготится тоской о собственном давно минувшем детстве. Отчасти такие грезы о личной судьбе напоминают известный исторический миф о «золотом веке», а воспоминания о «детском доме» превращаются в невротический поиск «затонувшей Атлантиды». Память о детстве и о семейной жизни, как она отпечаталась в юном сознании, ценна и важна. Но само золотое время и золотое место жизни должно быть внутри индивидуального опыта, не *там*, а именно *здесь*.

Что может избавить от подобных неврозов и душевной дисгармонии? – Только семейность. Культура семейности, как мы определили ее в начале диссертации, есть культура *формы*, опирающаяся на само отношение к семье как *целому*, выступающее знаком и *содержанием* индивидуальной жизненной

¹²⁵ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. – С. 147.

стратегии каждого. То есть семейность не только в людях и предметах; она и между людьми и предметами. Она – там, где сам человек по мере собственного взросления и духовного обогащения ее почувствует. Может быть, это будет брак с любимым человеком, может быть, рождение первенца, может быть (даже!) братско-сестринская любовь. Это и радость встречи, и сила переживания расставания. Это умение обретать и терять, дарить и жертвовать, учить и учиться, сохранять данное и творить новое.

Ценности семейной жизни и сама семейность относятся к категории вечных, ибо связаны они с самой жизнью. Говорить однозначно о том, что семейность ориентирует человека лишь на будущее или лишь на прошлое, явно нельзя. Потому ценность семейности и носит глубоко укоренный в самом человеческом бытии характер. Через нее, в своей семье, любой реальный человек может проявить самый высокий и подлинный гуманизм, любовь к другому и к жизни. Внутри семьи все высокое обретает милые теплые мягкие очертания. Поэтому, завершая параграф, вместо сухого вывода предлагаем задуматься о словах нашего великого Ф. М. Достоевского, написанных им в одном из писем накануне работы над текстом «Братьев Карамазовых». В его словах просто и по-семейному выражен глубокий гуманистический потенциал семейной жизни, ее подлинное значение для каждого, и, по сути, фундаментальные смыслы человеческого пути в этом мире.

«Если любите несчастных и хотите служить человеколюбью, то знайте, что само высшее несчастье в том, если люди хорошие, добрые и великодушные не понимают или перестают понимать, вследствие своей среды и прежней жизни, известных идей и вступают в явное разногласие даже с теми, которых желают любить и осчастливить. Всего чаще это встречается между отцами и детьми. Без сомнения, и Вы не можете отдать в жертву все свое и все самые дорогие свои убеждения, все же Вы должны быть снисходительны и сострадательны к ним *до последнего предела*. В этом настоящий подвиг человеколюбия, и нечего рваться

куда-нибудь далеко за подвигом человеколюбия, тогда как он всегда чаще у нас дома, перед глазами нашими»¹²⁶.

Для того, чтобы быть *Человеком*, вовсе не обязательно становиться философом или священником. Достаточно просто любить и ценить своих близких. Свою семью.

¹²⁶ Достоевский Ф. М. Письмо С. Е. Лурье. 17 апреля 1877. Петербург // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29. Книга вторая. Письма. 1875-1877. – Л.: Наука, 1986. – С. 151.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема семьи в пространстве современного социально-гуманитарного знания и специальной философской рефлексии является одной из самых злободневных, актуальных, масштабных, концептуальное раскрытие которой может способствовать решению целого комплекса практических задач, стоящих перед нашей страной. На официальном государственном уровне впервые четко поставлен вопрос о кризисе семьи именно как кризисе ценностного восприятия семейного образа жизни населением. Вместе с тем, социально-экономическое, политико-правовое и инфраструктурное укрепление семьи как важнейшего института не является достаточным основанием для кардинальной перемены в коллективном и индивидуальном сознании. Качественное повышение статуса и роли семьи в пространстве ценностей и смыслов существования человека и общества возможно лишь на пути преодоления дисбаланса между институциональным «режимом» семьи и культурой семейности. Сложность и многомерность данного противоречия обусловлена целым рядом объективных закономерностей эволюции западного общества, формирования современной техногенной цивилизации Города.

За кризисом ценности семьи в современном обществе стоит рассогласование нормативной институционально закреплённой и функционирующей семьи модерного типа (малая семья, состоящая, как правило, из родителей и детей, проживающая в городе или связанная с городским образом жизни) и культуры семейности. Данное рассогласование стало возможно именно в эпоху индустриализации и урбанизации, когда ценностно и функционально обособилась супружеская семья с детьми внутри социально-экономической структуры нового типа. В такой семье впервые в истории материнство, отцовство, родительство, детство наполнились своими уникальными смыслами, не сводимыми к сословным или религиозным нарративам.

«Семейность» – ключевой концепт в философско-культурологическом исследовании трансформации семьи в новейшее время. Семейность есть тип

культуры, представляющий собой уникальную форму коммуникации членов семьи, соотнесение с которой как с целостностью координирует опыта самосознания индивида. Вектор семейности синтетически выражает семьецентризм. Сама семья и есть ключевая ценность культуры семейности. В современной малой семье эта культура нередко подменяется культурой быта и потребления или рассматривается как производная от правового статуса супругов-родителей-детей. Семьецентризм фиксирует внутренние источники в самосознании человека, его готовность жить в семье и для семьи, не разрушая целостность и цельность собственного внутреннего мира.

Рассогласованию семейности и семейного образа жизни немало способствовала статусно-ролевая и половозрастная дифференциация членов семьи, которая востребована еще и сегодня на уровне функциональной встроенности семьи в социальные и экономические циклы и структуры. Обычный индивидуализм как культурная стратегия не является единственной причиной девальвации семейного образа жизни: сама малая нуклеарная семья в большом современном городе часто становится способом объективации именно приватизированного («частного») образа жизни индивида. Правильнее говорить не о личном, а о *семейном индивидуализме*. И он также является симптомом кризиса ценностей семейности, ее отчуждения от нормативного «режима» семьи. Семья – это то, от чего человек отталкивается, из чего он выходит в юном возрасте; семейность есть то, к чему человек возвращается.

Основные компоненты культуры семейности: супружеские отношения, отношения родителей-детей и внутрисемейное взаимодействие поколений. Сама природа семейной формы жизни выражает самые глубинные онтологические координаты человеческого присутствия в этом мире: двуединый характер биосоциальной сущности человека и общества. Основное бытийное измерение и одновременно главный парадокс культуры семьи заключается в том, что семья невозможна без природной фактичности индивидов (мужчины и женщины как особей разного пола, стремящихся к удовлетворению основных естественных потребностей – в сохранении и продолжении жизни, в пропитании и защите). Но

формирование и развитие семьи, как на уровне индивидуального жизненного пути, так и исторически, является отрицанием («снятием») данного природного начала. Отношения внутри семьи конституируются нравственно, на уровне ценностей. В современном постиндустриальном обществе этот парадокс получил новое «издание»: высокие нравственные смыслы и моральные максимы оказались для большинства «потребителей» маркеров и знаков личного жизненного *успеха* малопонятны или вовсе были отвергнуты. Наиболее болезненным этот процесс оказался в постсоветском обществе, лишенном водительства со стороны государства в деле воспитания молодого поколения.

Прямым следствием рассогласования культуры семейности и институционального «режима» существования современной среднестатистической семьи в нашей стране и в большинстве стран Запада является комплекс противоречий и неопределённость границ составных компонентов семейной жизни – отношений между мужем и женой, между родителями и детьми и процесс смены поколений, в котором именно семье исторически и «генетически» отведена ключевая роль.

В отношении культуры супружеских отношений следует обозначить противоречие нормативного (правового) и ценностного измерения союза мужчины и женщины. Равноправие в браке феминистами позиционируется как высочайшая ценность, но оно препятствует укреплению ценности семейности. Пропаганда «гендерного партнерства», а также влияние новейших сетевых форм коммуникации приводит к тому, что супружество часто становится «пробным» этапом в жизни мужа или жены.

Аналогично в отношениях между родителями и детьми. Попытки неолиберального сообщества широко внедрить ювенальную юстицию в ее радикальном варианте приводят, фактически, к дальнейшему разрушению семьи и к изъятию у ребенка его детства. Превращение ребенка в «партнера» собственным родителям лишь частично отражает объективные закономерности развития общества в информационную эпоху (ранее начало трудовой деятельности, иногда востребованное самими родителями, активная

вовлеченность в цифровой мир общения и обмена, приводящая к диффузии границ возрастной и поколенческой идентичности по отношению к разным группам). Классический сюжет конфликта «отцов и детей» сегодня получил новое развитие: гетерархическая сетевая социальность приводит к противостоянию ребенка (подростка) не просто взрослым, а семье вообще. Только на уровне зрелой и крепкой семейности как этико-эстетического и семантического опыта противоречие возраста и смыслового наполнения детства (в противоположность родительству) может быть преодолено позитивно. Только семья может предотвратить угрозу «исчезновения» детства в цифровом универсуме будущего.

Что можно сказать о перспективах исследования семьи?

Их масштаб и горизонт велики, как и сама наша история – история большая, общества и государства, и история малая – история семьи. В ходе работы над диссертацией возникло немало вопросов, окончательные исчерпывающие ответы на которые в тексте не даны. Ответить на них сможет только само время и сама современная семья, будущие поколения, о кризисе нравственности которых сегодня переживает философская общественность и поколение старшее. Каковы будут реальные плоды предпринимаемых сегодня государством мер по поддержке семьи, как сложится судьба поколения, выросшего в Сети, – дать окончательный ответ, опираясь только теоретические конструкции мыслителей прошлого, видимо, нельзя. Для философской аудитории, которая помнит слова великого Гегеля о том, что философия есть свое время, постигнутое в мысли, в деле изучения семьи главное – не слиться с какой-то одной точкой зрения, не занять позицию старшего по возрасту цензора. Жизнь семьи не терпит цензуру в любом ее варианте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Д. Человек без содержания / Пер. с итал. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 160 с.
2. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. при участии В. Л. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448 с.
3. Азаров Ю. П. Семейная педагогика. М.: Политиздат, 1982. – 256 с.
4. Андерсон Л. Народонаселение, окружающая среда, качество жизни. М.: Прогресс, 1979. – 144 с.
5. Андреева Т. В. Семейная психология. СПб.: Речь, 2004. – 243 с.
6. Антонов А. И., Макцовский М. С., Хоган М. Дж., Мэддок Дж. Будущее семьи // Семья на пороге Третьего тысячелетия. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – С. 199-214.
7. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. Москва: Грааль, 2000. – 414 с.
8. Антонов А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 134–150.
9. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. – С. 375-644.
10. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 416 с.
11. Баикина Ю. О. Семья в социогенеалогическом и ценностно-символическом измерениях. Тюмень: ТГАМЭУП, 2011. – 175 с.
12. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. – С. 297-346.

13. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: Утрата чувствительности в эпоху текучей современности / Пер. с англ. А. И. Самариной. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 365 с.
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
15. Беккер Н. С., Сорокина Е. Е. и др. Семейное образование. Культура взаимоотношений. Уфа: Китап, 2016. – 107 с.
16. Белинский В. Г. О воспитании детей вообще и о детской книге // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. – С. 283-310.
17. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – Изд. 2-е., испр. и доп. М.: Academia, 2004. – 788 с.
18. Бергер П., Н. Лукман. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Academia-Центр» «МЕДИУМ», 1995. – 325 с.
19. Берджес В. Американская семья. М.: Эксмо-Азбука, 1992. – 320 с.
20. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. – С. 254-580.
21. Березовая А. Ю. Фамилизм как система ценностей российской семьи: региональный аспект. Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук 22.00.06 – социология культуры. Волгоград, 2017. – 220 с.
22. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. – 352 с.
23. Блок М. Феодалное общество / Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.

24. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структура / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
25. Бодрунов С., Десаи Р., Фриман А. По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономика. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. – 368 с.
26. Больц Н. Азбука медиа / Пер. с нем. Л. Ионина и А. Черных. М.: Издательство «Европа», 2011. – 136 с.
27. Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
28. Бочаров В. В. Антропология возраста: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. – 196 с.
29. Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 136-163.
30. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. первая: Пространство и история / Пер. с фр. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 405 с.
31. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 640 с.
32. Вдовина Г. П. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // СОЦИС. – 2005. – № 1. – С. 102–104.
33. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
34. Вестермарк Э. А. История брака. М.: Издание Д. П. Ефимова; Типография Е. Гербек, 1896. – 237 с.
35. Ветошкин С.А. Ювенальное право: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. – 229 с.

36. Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения // Экология и жизнь. – 2008. – № 7 (80). – С. 4-11.
37. Волгушева А. А. Зарубежный опыт социальной защиты детства. – URL: [Зарубежный опыт социальной защиты детства \(center-yf.ru\)](http://center-yf.ru)
38. ВЦИОМ: «Дела семейные». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye>
39. Выступление В. В. Путина в рамках Всероссийского форума «Родные-любимые». Открытие Года семьи в России. [электронный ресурс] - <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297>
40. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2006. – С. 617-831.
41. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие. М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – 134 с.
42. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – 524 с.
43. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1998. – 1072 с.
44. Гегель Г. В. Ф. Феноменология Духа. СПб.: Наука, 2002. – 445 с.
45. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Ред.-сост.: Н.М. Римашевская (науч. ред.), Л.Г. Луныкова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. – М.: Наука, 2009. – 273 с.
46. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. 2-е изд. допол. и переработ. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
47. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
48. Глазычев В. Л. Город без границ. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 400 с.
49. Голод С. М. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополшис», 2010. – 272 с.

50. Гребенников И. В., Дубровина И. В., Разумихина Г. П. и др. Этика и психология семейной жизни / Под ред. И. В. Гребенникова. М.: «Просвещение», 1984. – 256 с.
51. Грудцына Л. С. Семейное право России / Под ред. Петрова С. М. М.: Юстицинформ, 2006. – 520 с.
52. Гурко Т., Босс П. Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге Третьего тысячелетия. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – С. 35-66.
53. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи: [Электронное издание] / Т. А. Гурко; Институт социологии РАН. – Электрон. текст. дан. (объём 1,2 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 210 с. – 1 CD-ROM.
54. Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. – С. 91-106.
55. Давыдова Ю. Х. Проблемы применения ювенальной юстиции в области защиты прав несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10. – С. 167-169.
56. Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века / Пер. с англ. М. Солнцева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 192 с.
57. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 201-213.
58. Де Бовуар С. Второй пол. Т. 1. Факты и мифы. Т. 2. Жизнь женщины / Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. С. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 831с.
59. Девярых С. Ю. Фамилизм как интегральное личностное образование // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы II международной научно-практической конференции

1–2 декабря 2011 года. Пенза – Сургут – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 16-19.

60. Джарман О. А., Микиртичан Г. Л. Судьба детей подкидышей в античном мире // Медицина и организация здравоохранения. – 2018. – Том 3. № 1. – С. 49-59.

61. Диккенс Ч. Холодный дом // Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 17: Холодный дом. Роман: Главы I-XXX / Пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой; Коммент. Б. Томашевского и Д. Шестакова. М.: Гослитиздат, 1960. – 564 с.

62. Диккенс Ч. Холодный дом // Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 18: Холодный дом. Роман: Главы XXXI-LXVII. / Пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой; Коммент. Б. Томашевского и Д. Шестакова. М.: Гослитиздат, 1960. – 580 с.

63. Добролюбов Н. А. О значении авторитета в воспитании. Новый кодекс русской практической мудрости // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. – С. 464-498.

64. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 10. – Л.: Наука, 1974. – 520 с.

65. Достоевский Ф. М. Бесы. Рукописные редакции. Наброски 1870 – 1872 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 12. – Л.: Наука, 1975. – 376 с.

66. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 13. – Л.: Наука, 1975. – 453 с.

67. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Книги I - X // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 14. – Л.: Наука, 1976. – 512 с.

68. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Книги XI – XII. Эпилог. Рукописные редакции // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. – 624 с.

69. Достоевский Ф. М. Письмо С. Е. Лурье. 17 апреля 1877. Петербург // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29. Книга вторая. Письма. 1875-1877. – Л.: Наука, 1986. – С. 151-153.
70. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – 564 с.
71. Дюльдина Ж. Семейные ценности и традиции как основа основ российского общества и государства // Власть. – 2013. – № 11. – С. 97–100.
72. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., посл. и прим. А. Б. Гофман. М.: Канон, 1995. – 352 с.
73. Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека / Пер. Е. Фиштейна, под ред. В. П. Алексеева. Прага: Издательство «Артия», 1982. – 560 с.
74. Ерошенко Т. И. Человек в поисках гармонии мужского и женского. Ростов-на-Дону: Изд-во Актуальные проблемы современной науки Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. – 256 с.
75. Ерошенко Т. И. Мужское и женское биполярность и целостность. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2006. – 172 с.
76. Жеребкина И. А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007. – 307 с.
77. Журавлева И. В. Роль семьи в формировании отношения к здоровью и окружающей среде // Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: [монография] / И. В. Журавлева, Л. Ю. Иванова, Г. А. Ивахненко [и др.]; отв. ред. И. В. Журавлева. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – С. 151-171.
78. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. Москва: НИСП, 2007. – С. 75-127.

79. Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. – С. 549-558.

80. Здравомыслова О. М. Российская семья на европейском фоне / О. М. Здравомыслова, М. Ю. Арутюнян; Рос. акад. наук. Ин-т соц.-экон. проблем. М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 172 с.

81. Здравомыслова О. М. Женская тема в средствах массовой информации / О. Здравомыслова, Н. Кигай. М.: Ассоц. журналисток, 2002. – 152 с.

82. Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. – С. 234-265.

83. Золотухина-Аболина Е.В., Тюрин К.А. Супружеские отношения в современной культуре: ценностный и правовой аспекты // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2024. – Т. 49, № 2. – С. 329-338.

84. Зорина З. А. Элементарное мышление птиц и млекопитающих: экспериментальный подход // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 90-100.

85. Зыкова М. Н. Род, семья, очаг как семейные ценности / М. И. Зыкова, Л. Б. Шнейдер // Психология зрелости и старения. – 2008. – № 2. – С. 10-18.

86. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. – С. 39-282.

87. Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.

88. История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2015. – 624 с.

89. История частной жизни: Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / Под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 720 с.
90. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковской. М.: Издательство «ФАИР», 2008. – 544 с.
91. Иригарэ Люси. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 127-135.
92. Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 185-218.
93. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. В 6 томах. Т. 4. Часть 2. М.: Мысль, 1965. – С. 107-438.
94. Карлсон А. Сквозь десятилетия: тревожный путь семьи. 1945-1990. И дальше, дальше // Вестн. Моск. ун-та. Сер.18, Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 80-94.
95. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ.; под ред. проф. А. И. Антонова. М.: Грааль, 2003. – 284 с.
96. Карцева Л. В. и др. Семейведение: учебно-методическое пособие. Казань: РИЦ «Школа», 2013. – 199 с.
97. Кленышева Н. Д. Рождение ребёнка в древнеримской семье: боги и ритуалы // Диалог со временем. – 2010. – № 33. – С. 260-273. – EDN RCWJKT
98. Ковалева А. В. Интерпретация системы семейных ценностей и ее компонентов в современном обществе // Ученые записки ТОГУ. 2010. Том 2. № 1. – С. 35 [Электронный ресурс] - <https://pnu.edu.ru/ejournal/pub/articles/72/>

99. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по *Феноменологии духа*, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб: Наука, 2003. – 792 с.
100. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр.; Предисл. А.Б. Гофмана. М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001. – 406 с.
101. Колесов В. И., Смолонская А. Н., Смолонский С. И. Семья как социокультурный феномен в современном социуме // Заметки ученого. – 2018. – № 9 (34). – С. 52-57.
102. Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. – С. 24-44.
103. Кон И. С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.
104. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. – 496 с.
105. Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи: сорок четвертая сессия = Convention of the Rights of the Child. New York, 20 November 1989 / Пер. с англ. Нью-Йорк: ООН, 1989. – С. 230–239.
106. Коуен Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации / Пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
107. Кристева Ю., Соллерс Ф. Брак как произведение искусства. М.: Рипол-классик, 2019. – 192 с.
108. Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. – С. 241-259.
109. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

110. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – 536 с.
111. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
112. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. Москва: Текст, 2008. – 189 с.
113. Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. М.: Синодальная типография, 1897. – 236 с.
114. Лиотар, Ж.-Ф. Либидинальная экономика / Пер. с фр. В. Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С. Л. Фокин. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 472 с.
115. Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. – 512 с.
116. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1977. – Вып. 411. – С. 65–89.
117. Лэндри Ч. Креативный город / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI» 2006. – 399 с.
118. Мак-Фарленд Д. Представление о природе сложного поведения // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 162-173.
119. Манокин М. А. Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – № 3. – С. 77-81.
120. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга I: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1952. – 794 с.
121. Махнач А. В. Профессиональная замещающая семья: статус, проблемы, решения // Проблемы сиротства в современной России:

психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 341-400.

122. Менегетти А. Женщина третьего тысячелетия. М.: Изд-во «Онтопсихология», 2018. – 220 с.

123. Мешкова Н. Н., Шутова М. И. Особенности психической деятельности серой крысы // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 101-113.

124. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 429 с.

125. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Изд. вт. стереотип. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 373 с.

126. Мюллер-Функ В. Жестокость. История насилия в культуре и судьбах человечества / Пер. с нем. Д. С. Дамте. М.: АСТ, 2023. – 416 с.

127. Надолинская Л. Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России). Автореф. ... дисс. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008. – 43 с.

128. Нисбет Р. Человек и ситуация: уроки социальной психологии / Р. Нисбет, Л. Росс. М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.

129. Номеровская А. Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе. Дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. – СПб: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», 2015. – 168 с.

130. О феномене профессионального родительства в России. – URL: <https://ru.exrus.eu/O-fenomene-professionalnogo-roditelstva-v-Rossii-id595cc15ecb828a08c20a4078>

131. Останин М. Страны Скандинавии: оборотная сторона ювенальной юстиции. – URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/strany_skandinavii_oborotnaya_storona_yuvenalnoy_yustitsii_1612/

132. Островский А. Н. Гроза // Островский А. Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Т. 2. Пьесы (1856-1866). М.: Искусство, 1974. – С. 209-266.

133. Остроух И. Г. Метросексуал – стиль жизни, форма самореализации и самосознание мужчины в постиндустриальном обществе // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 14-22.

134. Павлов А. А. Брак: любовь или добродетель (античные этюды) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2001. Вып. 2. – С. 9-28.

135. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

136. Патриция Эллиот, Нэнси Менделл. Теории феминизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 93-125.

137. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. – С. 79-420.

138. Попов В. А., Бурыкин А. А. Русские термины родства: Опыт исследования коммуникативного дискурса / Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 18. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2019. – 304 с.

139. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>

140. Прихожан А. М. Психология сиротства / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. СПб.: Питер, 2005. – 400 с.
141. Путин В. В. Выступление на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>
142. Путин В. В. Встреча с участниками Всемирного фестиваля молодёжи. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73616>
143. Пэлфри Дж. Дети цифровой эры / Пэлфри Джон, Гассер Урс; / Пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Эксмо, 2011. – 368 с.
144. Рачек И. М. Механизм защиты прав ребенка на международном, европейском и российском уровнях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. – С. 119–122.
145. Резник В. Формы семейных отношений и их отражение в законодательстве / Семейное право в Швеции // Права соотечественников Северной Европы. – 2014. – № 2. – С. 32-39.
146. Резникова Ж. И. Поведение муравьев на кормовом участке // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 62-85.
147. Ритцер Дж. Макдональдизация общества / Пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
148. Розанов В. В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / Под общей ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. – 829 с.
149. Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства // Розанов В. В. Сочинения. Том 2. Уединенное. М.: «Правда», 1990. – С. 7-192.
150. Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. – 272 с.
151. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Статья 1. Основные

начала семейного законодательства. [электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/

152. Семьецентризм: миф или реальность? [Электронный ресурс]: коллективная монография / А. И. Антонов, А. В. Жаворонков, А. Б. Синельников [и др.]; Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2016.

153. Семья и дети в России. 2021. М.: «Перо», 2022. – 120 с.

154. Сен А. Идея справедливости / Пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.

155. Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е.П. Рождение детей как фактор регресса социально-экономического положения семьи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. – С. 85-96.

156. Синельников А. Б., Децнер Д. Отношения между поколениями в американских и российских семьях // Семья на пороге Третьего тысячелетия. М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995. – С. 108-128.

157. Синельников А. Б. Трансформация семьи и развитие общества. Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Социологический фак. М.: КДУ, 2008. – 319 с.

158. Синявская О. В., Гладникова Е. В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. – С. 345-376.

159. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 405-436.

160. Слабжанин Н. Профессиональные семьи и профилактика: как победить сиротство в России. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5ee8889e9a794776ebb75219>

161. Смирин В. М. Римская «familia» и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. – С. 18-40.

162. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В. С. Смысл любви: Сборник. М.: Изд-во АСТ, 2021. – С. 235-312.

163. Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. – 1916. – № 2. – С. 174–189.

164. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С. Н. Бурова; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2010. – 444 с.

165. Статистика браков и разводов в России. Данные из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния. URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase/marriage-divorce>

166. Стелла Джоргуди. Создание мифа о матриархате // История женщин на Западе: В 5 т. Т.1: От древних богинь до христианских святынь. СПб.: Алетейя, 2005. – С. 457-471.

167. Стельникова О. М. На пороге семьи. Н. Новгород: Изд-во НГМА, 2001. – 531 с.

168. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ - МВШСЭН - МФФ, 2001. – 416 с.

169. Тих Н. А. Формы сотрудничества и взаимопомощи в стаде обезьян // Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии / Ред.-сост. Н. Н. Мешкова, Е. Ю. Федорович. 4-е изд. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2005. – С. 288-312.

170. Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.

171. Толстой Л. Н. Об отношениях между полами // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Том 27. Произведения 1889-1890. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – С. 286-289.

172. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.

173. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.

174. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Избранные произведения / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.: ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ, 1941. – С. 435-550.

175. Туя Пулькинен. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб. 1999. – С. 167-181.

176. Тюрин К. А. Культура семейности: вызовы времени // Культура и образование. – 2024. – № 1(52). – С. 31-45.

177. Тюрин К. А. Проблемы традиционной семьи в современном обществе // Гуманитарные науки: новые исследования и перспективы : Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону : ООО "Наука-Спектр", 2025. – С. 305-313.

178. Тюрин К. А. Семья в информационной культуре: проблема детско-родительских отношений // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 6(122). – С. 261-266.

179. Тюрин К. А. Семья и «культура семейности»: традиция и современность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 6(116). – С. 53-63.

180. Урбанович Л. Н. Нравственные основы семьи и брака. Смоленск: Военная акад. В ПВО ВС РФ им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского, 2007. – 325 с.

181. Фасмер М. Семья // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / Пер. с нем. и допол. О. Н. Трубачева. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. – С. 600.

182. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect
183. Филиппова Г. Г. Зоопсихология и сравнительная психология. М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 543 с.
184. Флекс Дж. Конец невинности // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 626-648.
185. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
186. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О. И. Хомы под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
187. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
188. Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. – С. 241-270.
189. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти / Пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 416 с.
190. Хаксли О. О дивный новый мир / Пер. с англ. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005. – 252 с.
191. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. – 367 с.
192. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Пер. с нем. Минск: ПроPILEI, 2000. –152 с.
193. Чашин А. Н. Ювенальная юстиция. М.: Дело и Сервис, 2014. – 112 с.
194. Чернова Ж. В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 288 с.

195. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Чернышевский Н. Г. Что делать? / Отв. ред. С. А. Рейсер. Л.: Наука, 1975. – С. 7-344.
196. Чирва Д. В. Охранительная функция семейного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2009, вып. 4. – С. 118-123.
197. Шабурова О. Караваны историй: семейный нарратив в массовой культуре // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 134-156.
198. Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.
199. Шевырев С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному (отрывки) // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. – С. 338-345.
200. Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. М.: Русская идея, 2000. – 448 с.
201. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстискис. СПб.: Питер, 2008. – 672 с.
202. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
203. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. – 336 с.
204. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. – 244 с.
205. Эриксон Э. Детство и общество / Пер., науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. кн.», 1996. – 589 с.
206. Ювенальная юстиция. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция

207. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности / Под ред. Т. А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.
208. Янковская Л. В. Новая мораль: реальность или утопия? // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Философия. 2008. № 7. – С. 108-112.
209. Ярская-Смирнова Е. Р. Одежда для Адама и Евы: очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001. – 254 с.
210. Benhabib S. Feminism and postmodernism: An uneasy alliance // Seyla Benhabib et al. Feminist Contentions: A Philosophical Exchange: Seyla Benhabib, Judith Butler, Drucilla Cornell, Nancy Fraser. New York: Routledge, New York: Routledge, 1995. – P. 17-34.
211. Fraser N. From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a «post-socialist» age // New Left Review, 1995. – P. 68-93.
212. Friedan Betty. Beyond gender: the new politics of work and family. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1997. – 132 с.
213. Kessler S. J. & McKenna W. Gender: An ethnomethodological approach. Chicago: University of Chicago Press, 1985. – 233 p.
214. Millet K. Sexual politics. Chicago: University of Illinois press, 2000. – 378 p.
215. Rubin G. Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality // Abelove Henry, Barale Aina Michele, Halperin David M. (eds.). The Lesbian and Gay Studies Reader, New York and London: Routledge, 1993. – P. 3-44.
216. Postman Neil. The disappearance of childhood. New York: Delacorte press, 1982. – 179 p.